Научный журнал

ISSN 2304-6384

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

3(11)
2012

**Министерство образования и науки
Российской Федерации**

Научный журнал

Издается с 2009 года

ВЕСТНИК
Московского государственного гуманитарно-экономического института

**№ 3(11)
2012**

ВЕСТНИК

Московского государственного гуманитарно-экономического института

Выпускается ежеквартально

Главный редактор — Вагиф Дейрушевич Байрамов

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Волков Ю.Г. – ***председатель***, доктор философских наук, профессор, директор Института по переподготовке и повышению квалификации Южного федерального университета, заслуженный деятель науки РФ (Ростов-на-Дону, Россия);

Акперов И.Г. – кандидат технических наук, доктор экономических наук, профессор, ректор НОУ ВПО «Институт управления, бизнеса и права» (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Балбеко А.М. – доктор педагогических наук, профессор, директор Межотраслевого института профессиональной переподготовки специалистов (Москва, Россия);

Горшков М.К. – доктор философских наук, профессор, академик РАН, директор Института социологии РАН (Москва, Россия);

Даливеля О.В. – кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой тифлопедагогики Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка (г. Минск, Беларусь);

Драгункина З.Ф. – представитель комитета по науке, образованию, культуре и информационной политикеСовета Федерации Федерального Собрания РФ (Москва, Россия);

Йоле Станишич – общественный деятель, поэт, критик, публицист (г. Подгорница, Черногория);

Кольченко Е.О. – кандидат технических наук, доцент, проректор по научной работе Открытого международного университета развития человека «Украина» (г. Киев, Украина);

Ломакин-Румянцев А.В. – депутат Государственной думы Федерального Собрания РФ, председатель Всероссийского общества инвалидов, член Совета по делам инвалидов при Президенте РФ (Москва, Россия);

Маршак А.Л. – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора социологии культуры Института социологии РАН, член редколлегии журналов «Власть» и «Общество и право» (Москва, Россия);

Ницевич В.Ф. – доктор политических наук, профессор, ректор ГОУ ВПО «Орловская региональная академия государственной службы» (Орёл, Россия);

Петренко В.А. – доктор педагогических наук, член Комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ по социальной политике Россия (Москва, Россия);

Сидоров Н.И. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента в социальной сфере Института управления и предпринимательства в социальной сфере ФГБОУ ВПО «Государственный университет управления» (Москва, Россия);

Смолин О.Н. – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАО, первый заместитель председателя Комитета по образованию Государственной думы Федерального собрания РФ, президент общества «Знание» России; председатель Общероссийского движения «Образование – для всех»; первый вице-президент Паралимпийского комитета РФ (Москва, Россия);

Тахмазов Р.Ф. – доктор медицинских наук, профессор Азербайджанского медицинского университета (г. Баку, Азербайджан);

Чернявский А.Г. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский институт государственного управления и права» (Москва, Россия).

ВЕСТНИК

Московского государственного гуманитарно-экономического института
№ 3(11) 2012

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байрамов В.Д. – главный редактор, доктор социологических наук, профессор;
Крухмалев А.Е. – заместитель главного редактора, доктор философских наук, профессор;
Егоров О.Г. – заместитель главного редактора, доктор филологических наук;
Михайлова Л.А. – ответственный секретарь, кандидат экономических наук.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Абушов Р.И. – кандидат юридических наук, доцент;
Айдарова Г.П. – кандидат педагогических наук, доцент;
Белозерцева Н.В. – кандидат педагогических наук;
Герасимов А.В. – доктор философских наук, профессор;
Глотова Е.Л. – кандидат исторических наук, доцент;
Журавлев Г.Т. – доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор;
Кириллов П.В. – доктор исторических наук, профессор;
Кулагин А.С. – доктор философских наук, профессор;
Пономарева Г.Т. – кандидат технических наук, профессор;
Тюрин А.В. – кандидат психологических наук.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д.49,
Редакция журнала «Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института»
Телефоны: (499) 160-92-00; (499) 748-32-36. Факс: (499) 160-22-05.
Номер свидетельства о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-49675 от 05 мая 2012 г. ISSN 2304-6384
Интернет: www.mgsgi.ru, e-mail: RIO-mggei@yandex.ru

ВЕСТНИК
Московского государственного гуманитарно-экономического института

№ 3(11) 2012

Технический редактор - К.А. Антонов
и верстка - К.А. Антонов
Редактор/Корректор - А.Е. Крухмалев
Дизайн обложки - О.В. Нефагина

Подписано в печать 18.10.12. Формат 70x108 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура *Times New Roman.*
Печ. лист 7. Тираж 1000 экз. Заказ № 47.

Московский государственный гуманитарно-экономический институт (МГГЭИ)
107150, Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49.
Отпечатано в типографии МГГЭИ
по технологии CtP.

VESTNIK
OF MOSCOW STATE INSTITUTE OF HUMANITIES AND ECONOMICS

Issued quarterly

Editor-in-chief: Vagif Deirushevich Bairamov

EDITORIAL COUNCIL:

Chairperson: Volkov Ju. G., Doctor of Philosophy, Professor, Principal of the Institute for Retraining and Advanced Training (Southern Federal University), Honoured Science Worker of the RF (Rostov-on-Don, Russia);

Akperov I.G. – PhD of Technics, Doctor of Economics, Professor, Principal of the Institute of Management, Business and Law (Rostov-on-Don, Russia);

Balbeko A.M. – Doctor of Pedagogics, Professor, Principal of the Intersectoral Institute of Professional Retraining (Moscow, Russia);

Chernyavskij A.G. – Doctor of Law, Professor, head of the department of State Legal Disciplines, Moscow Institute of State Management and Law (Moscow, Russia);

Gorshkov M.K. – Doctor of Philosophy, Professor, Academician of RAS, Principal of the Institute of Sociology of RAS (Moscow, Russia);

Dalivelya O.V. – PhD of Biology, Associate Professor, Head of the Department of Methods of Teaching of the Blind (Maxim Tank Byelorussian State Pedagogical University, Minsk);

Dragunkina Z.F. – Representative of Moscow Municipal Duma in the Council of the Federation (Russian Federal Assembly) (Moscow, Russia);

Yole Stanishich – public figure, poet, critic, publicist (Podgorica-city, Montenegro);

Kolchenko E.O. – PhD of Technics, Associate Professor, Vice-Chancellor on Scientific Work of the Open International University of Human Development "Ukraina" (Kiev, Ukraine);

Lomakin-Rumyantsev A.V. – Deputy of the State Duma (Russian Federal Assembly), Chairperson of The all-Russian society of disabled people, member of the President's Council for the Affairs of the Disabled, the RF (Moscow, Russia);

Marshak A.L. – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of Sociology of Culture Sector, Institute of Social Studies of RAS, member of the editorial boards of "Vlast' (Authority)" and "Obshchestvo i Pravo (Society & Law)" Magazines (Moscow, Russia);

Nitsevich V.F. – Doctor of Political Sciences, Professor, Principal of Orel Regional Academy of State Service (Orel, Russia);

Petrenko V.A. – Doctor of Pedagogics, Member of the Committee on Social Policy in the Council of the Federation (Russian Federal Assembly) (Moscow, Russia);

Sidorov N.I. – Doctor of Economics, Professor, head of the Department of Managementy in Social Sphere, Institute of Management and Entrepreneurship in Social Sphere (State University of Management) (Moscow, Russia);

Smolin O.N. – Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the RAS, the first Deputy Chairman of the Committee on Education of the State Duma (Russian Federal Assembly); President of "Znanie" Society (RF), Chairperson of all-Russian movement "Education for everybody"; the First Vice-President of the Paralympics Committee of the Russian Federation (Moscow, Russia);

Takhmazov R.F. – Doctor of Medicine, Professor of Azerbaijan Medical University (Baku, Azerbaijan);

VESTNIK
OF MOSCOW STATE INSTITUTE OF HUMANITIES AND ECONOMICS
Issue 3(11) 2012

EDITORIAL BOARD

Bayramov V.D. – Editor-in-Chief, Doctor of Sociology, Professor;
Krukhmalev A.E. – Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Philosophy, Professor;
Egorov O.G. – Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Philology;
Mikhailova L.A. – Assistant Editor, PhD of Economics.

EDITORIAL STAFF

Abushov R.I. – PhD of Law, Associate Professor;
Aidarova G.P. – PhD of Pedagogics, Associate Professor;
Belozertseva N.V. – PhD of Pedagogics;
Gerasimov A.V. – Doctor of Philosophy, Professor;
Glotova E.L. – PhD of History, Associate Professor;
Zhuravlev G.T. – Doctor of Philosophy, Doctor of Economics, Professor;
Kirillov P.V. – Doctor of History, Professor;
Kulagin A.S. – Doctor of Philology, Professor;
Ponomareva G.T. – PhD of Technics, Associate Professor
Turin A.V. – PhD of Psychology.

Editorial Office Address:
Editorial office of "Vestnik of Moscow State Institute of Humanities and Economics"
49, Losinoostrovskaya Street, Moscow, Russia, 107150
Telephones: (499) 160-92-00; (499) 748-32-36
Fax: (499) 160 -22-05 ISSN 2304-6384
www.mgsgi.ru, e-mail: RIO-mggei@yandex.ru

Содержание

ПРАВО. ТРУД. ЭКОНОМИКА

А.Г. Чернявский
Реализация экономической функции права: методологические аспекты 8

Ю.Б. Корсаненкова
О трудоправовом статусе лиц с инвалидностью 17

М.К. Султанова
Новое в налогообложении некоммерческих организаций 23

ИЗ ИСТОРИИ ПРАВОВОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

О.Г. Егоров
Актуальность правовых взглядов М.Е. Салтыкова-Щедрина 31

Е.А. Воронцов
Политическое учение Дж. Локка: у истоков либерализма 43

Д.С. Райдугин
Становление естественной и рефлексивной установок социального познания . 54

ОПЫТ ЛИТЕРАТУРНОГО АНАЛИЗА

Е.В. Скуднякова
Фантастическое как категория поэтики литературного произведения: разнообразие трактовок 63

Д.М. Мельцаев
Принципы изображения внутреннего мира героя в романе К. Абрамова «Сын эрзянский» 71

Т.Б. Баранникова, С.Х. Казиахмедова
О сходствах и различиях поэтической лексики английского и русского языков . 76

АСПИРАНТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Б.Д. Андикян
Особенности занятости и трудоустройства инвалидов 84

О.А. Солоненко
Место и роль бюрократии в социальной системе 92

ИНФОРМАЦИЯ. БИБЛИОГРАФИЯ

О новом научном издании по проблемам лиц с инвалидностью 100

Информация о Международной научно-практической конференции 102

Питомцы института вышли в самостоятельную жизнь 103

Библиографический указатель: учебники, учебные пособия, справочники о правах и социальной зашите инвалидов 104

SUMMARIES 108

К сведению авторов 111

CONTENT

LAW. LABOUR. ECONOMICS

A.G. Chernavsky
Realization of the Economic Function of Law: Methodological Aspects 8

Ju. B. Korsanenkova
The Status of the Disabled Stated in the Law of Master and Servant 17

M.K. Sultanova
New Legislation in the Taxation of Nonprofit Organizations 23

FROM HISTORY OF LEGAL AND SOCIO-POLITICAL THAUGHT

O.G. Egorov
Topicality of M.E. Saltykov-Shhedrin's Legal Views 31

E.A. Vorontsov
Political Teaching of John Locke: the Origins of Liberalism 43

D.S. Raydugin
Formation of Natural and Reflective Standpoints of Social Cognition 54

LITERARY ANALYSIS

E.V. Skudnyakova
Fabulous as a Category of Literary Work Poetics: Diversity of Interpretations 63

D.M. Mel'tsaev
Principles of the Image of the Character's Inner World in K. Abramov's Novel "The Son of Erzya Nation" 71

T.B. Barannikova, S.H. Kaziakhmedova
Similarities and Differences of Poetic Vocabulary of the English and Russian Languages 76

POST-GRADUATES' RESEARCH

B.D. Andikyan
Employment and Job Placement of the Disabled: Peculiarities 84

O.A. Solonenko
Bureaucracy, it's Place and Function Performed in the Social System 92

INFORMATION. BIBLIOGRAPHY.

About a New Scientific Edition on the Problems of the Disabled 100

Information Letter about the International Theoretical and Practical Conference ... 102

Alumni Left the Institute to Start an Independent Life 103

Bibliographic Index: Textbooks, Tutorials, Manuals on Rights and Social Protection of the Disabled 104

SUMMARIES 108

For the Attention of Authors 111

А.Г. Чернявский

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

ЧЕРНЯВСКИЙ Алексей Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор МГГЭИ (e-mail: chernyavskyag@migup.ru).

***Аннотация**. Рассматриваются теоретические подходы к анализу понятия «реализация экономической функции права» с учетом наработок отечественных и зарубежных ученых. Автор исходит из того, что реализация экономической функции права осуществляется как в рамках национального, так и в формате международного права.*

***Ключевые слова:** право, правовые нормы и функции, экономическая функция права, правоприменение, рынок, государство, корпорации, монополия, международный опыт регулирования экономики.*

Право, устанавливая предписания в сфере экономической деятельности, воздействует на экономическую среду. Одновременно, субъекты общественных отношений, осуществляя экономические предписания права, реализуют его *экономическую функцию*. Изучение этой функции права было бы неполным без анализа ее реализации. Проблема же *реализации данной функции*, равно как и вопросы определения других функций права, построения их системы, недостаточно разработана как в отечественной, так и в зарубежной юридической науке.

Зато *реализации самого права* посвящен значительный массив научных трудов. При этом основные определения *понятия «реализация права»*, как показал наш анализ, имеют между собой много общего. Как правило, под этим понятием подразумевают либо осуществление требований правовых норм посредством соответствующих форм поведения субъектов права, либо претворение права в жизнь, реальное воплощение юридических норм в фактическом поведении субъектов права [Алексеев, 1999: 114]. Исходя из этих дефиниций, *реализацию экономической функции права можно определить как осуществление требований и предписаний правовых норм субъектами экономической деятельности*.

Реализация права вообще и экономической функции права в частности подразумевает наличие конкретного инструментария, то есть *определенных форм реализации* и права, и его функций. В четком определении этих форм заключается большое научное завоевание теории права, так как их анализ позволяет установить способы активной деятельности самих субъектов права в обществе, развитие правовой коммуникации, другие аспекты воплощения права в жизнь. В науке нет единого взгляда относительно форм реализации права. Так, А.Б. Венгеров и Н.С. Барабашева выделяют четыре формы, а именно: *соблюдение, исполнение, использование и применение*. Рассмотрим каждую из указанных форм.

Соблюдение эти ученые определяют как пассивную форму реализации права, с ее помощью осуществляются запреты, от нарушения которых лицо обязано воздерживаться. Соблюдение права становиться попутной формой обычной жизнедеятельности людей в рамках установленных прав и обязанностей. *Исполнение* права предполагает активное выполнение лицом своих обязанностей. Эти обязанности возникают из требований закона или условий договора; наряду с юридической формой эти обязанности имеют и социальное содержание. Исполнение права предполагает существование механизма, принуждающего в случае необходимости к выполнению обязанностей. В качестве субъектов исполнения права следует рассматривать как физических, так и юридических лиц. *Использование* права, по мнению указанных авторов, — это еще один активный способ воплощения права в жизнь, форма активного, даже творческого обеспечения субъектов своих законных интересов. Эта форма реализации права выражается в осуществлении субъективных прав, посредством чего лицо удовлетворяет свой собственный интерес и тем самым достигает определенного блага. С использованием права связан такой юридический феномен, как злоупотребление правом.

Наконец, особой формой, согласно позиции названных ученых, является *применение права*. Это властная деятельность компетентных органов по разрешению конкретного правоотношения, в результате чего выносится соответствующий юридический акт. При этом выделяются несколько *стадий* правоприменения: установление фактических оснований дела; выбор нормы права, так называемая правовая квалификация действий адресата правоприменения; анализ текста нормы права, подлежащей применению, проверка ее на законность появления, на действие во времени, в пространстве, по кругу лиц; толкование нормы права, уяснение ее смысла; вынесение решения по делу; доведение содержания решения до сведения адресата правоприменения, заинтересованных лиц [см.: Венгеров, Барабашева, 1995].

Несколько иная точка зрения относительно реализации права у С.С. Алексеева, который выделил три формы этого процесса: использование, соблюдение и исполнение. При этом *использование* определяется как форма реализации права, при которой субъект использует возможности, предоставленные ему юридической нормой. Под *соблюдением* понимается строгое следование субъекта права установленным запретам: несовершение тех действий, которые ему не дозволены. *Исполнение* трактуется как форма, при которой субъект совершает активные действия во исполнение возложенной на него юридической обязанности. В целом, по его определению, применение права, — это властно организующая деятельность компетентных органов и лиц, обеспечивающих в конкретных жизненных случаях реализацию юридических норм [Алексеев, 1999].

Отличной от вышеприведенных точек зрения по вопросу реализации права придерживался В.С. Нерсесянц, указывая, что формы поведения субъектов права обусловлены характером самих правовых требований. Ученый отмечал, что по своему характеру требования права делятся на два вида: 1) запреты субъектам права совершать неправомерные (противоправные) действия и 2) предписания субъектам права совершать определенные правомерные действия при осуществлении их прав и обязанностей. Иными словами, двумя основными формами реализации права являются: 1) соблюдение запретов и 2) исполнение предписаний [Нерсесянц, 1973].

Можно отметить: в поведенческом плане соблюдение правовых запретов означает пассивное воздержание от совершения неправомерных действий и не связано с совершением каких-либо активных действий, в том числе и правомерных [Оксамытный, 1985].

Исполнение же правовых предписаний, напротив, требует от всех субъектов права соответствующих активных правомерных действий для реализации их прав и обязанностей. Основной смысл предписаний как общих правил правореализации состоит в том, что — в силу двустороннего (предоставительно-обязывающего) характера права в целом — использование субъектом правореализации своего права всегда должно сочетаться с исполнением им определенных обязанностей.

К числу правореализующих действий В.С. Нерсесянц относит и правоприменительные действия государственных органов и их должностных лиц по осуществлению их прав и обязанностей. При всех особенностях (официально — властный характер статуса субъекта действия, содержания его компетенции, принимаемых им правоприменительных актов и т.д.) их правоприменительные действия должны осуществляться именно как исполнение соответствующих предписаний права по общим для всех правореализующих субъектов правилам единой нормативно-регулятивной модели. Соответствующие требования нашли свое отражение в действующих нормативных правовых актах. Осуществление правоприменительных действий в строгом соответствии с предписаниями права и в надлежащей правовой форме является существенным условием реальности и успешной практической реализуемости прав и обязанностей всех других субъектов, надлежащего действия всего права.

Вопрос о *реализации экономической функции права*, осуществлении субъектами правоотношений экономических предписаний права — это один из «вечных» вопросов, который всякий раз по-новому встает перед каждой правовой системой как на начальных стадиях ее возникновения и становления, так и на последующих этапах развития. Решение проблемы реализации экономической функции права может осуществляться на двух разных уровнях и рассматриваться в двух планах: теоретическом и прикладном, практическом.

Анализ реализации экономической функции права *на теоретическом уровне* означает выявление общих закономерностей развития норм права, регулирующих экономические отношения; выявление и изучение свойственных праву на разных стадиях и этапах истории тенденций эволюции, решение традиционного вопроса о первичности и вторичности права и экономики по отношению друг к другу [Алексеев, 1999]. Проблема реализации экономической функции права в прикладном, *практическом* плане решается применительно к какому-либо конкретному вопросу, достижению конкретной цели, определению характера осуществления тем или иным субъектом конкретной нормы права. Рассмотрение данной проблематики в прикладном плане, так же, как и в теоретическом, — задача весьма сложная и многоаспектная. Причин тому много. Главные из них применительно, например, к современному российскому праву и экономике — обобщение и использование зарубежного и отечественного опыта для определения оптимальных путей и форм их взаимодействия.

Рыночная ориентация экономики, с одной стороны, предполагает возможность экономического выбора, по своему определению подразумевает свободу экономических и социальных процессов. С другой стороны, это отнюдь не озна-

чает, что право полностью устраняется от регулирования данных процессов на макро- и микроуровнях. Даже основоположники классического либерализма, обосновывая принципы конкуренции и свободного рынка, а также концепцию государства — «ночного сторожа», вместе с тем вынуждены были признать, что право обязано выполнять целый ряд функций, призванных обеспечивать жизнеспособность и эффективность экономической системы, определенность в поведении всех без исключения субъектов рынка [Смит, 1935: 258–259].

С точки зрения воздействия экономической функции права на поведение субъектов урегулированных правом экономических отношений система капитализма в своем развитии прошла два более или менее отличных друг от друга этапа. На первом этапе главная задача формировавшегося буржуазного предпринимателя состояла в том, чтобы освободиться от всех форм внеэкономического принуждения феодального государства для реализации собственного интереса. Он стремился к достижению максимальной свободы от юридического вмешательства в свои дела. Эта позиция нашла свое законченное выражение в знаменитой формуле laissez-faire, т.е. в принципе свободной конкуренции, послужившей краеугольным камнем рыночной экономики и так называемого свободного предпринимательского капитализма. Политическим выражением данного подхода стала теория «минимального государства» («ночного сторожа») и ограниченного воздействия права, сформулированная представителями классического либерализма, которые усматривали главную задачу права в обеспечении порядка в стране при минимальном вмешательстве в частную жизнь граждан. Экономика, наряду с широким комплексом институтов, отношений, ценностей гражданского общества, рассматривалась как сфера, куда право «не вправе» активно вмешиваться. Этот период длился примерно до второй половины XIX века [Мальцев, 1999].

Однако и в тот период право отнюдь не стояло в стороне от регулирования социально-экономических процессов. Оно сыграло немаловажную роль в определении основных направлений социального и экономического развития. Как показывают многие исследователи, правовое воздействие на поведение субъектов экономических отношений, на те или иные процессы или тенденции было характерно и для того времени. Оно постепенно усиливалось, так что можно говорить о *существовании механизмов реализации экономической функции права уже в конце XIX — начале XX веков.* Так, историк Т. Кохрен подчеркивал, что новое понятие «laissez-faire», означающее свободную конкуренцию, представлялось изначально бессмысленным. «Скорее, — писал Кохрен, — все стояли за повсеместную частную инициативу, когда необходимый капитал находился в руках предпринимателя, за государственную инициативу, если требуемый капитал превышал возможности небольшой группы предпринимателей, и всегда выступали за ту политику, которая благоприятствовала максимальному использованию экономических возможностей при минимальных расходах» [Cochren, 1972: 116]. Очевидно, что степень необходимого воздействия права на экономические процессы в тот период времени просто недооценивалась.

Большую роль в этом отношении играло сугубо правовое регулирование предоставления предприятиями лицензий, одной из важнейших целей которых было контролирование выплаты налогов, обеспечение соответствующего качества и цены производимых товаров. По прошествии сравнительно небольшого периода времени, когда право не принимало активного участия в установлении

предписаний для субъектов рынка, экономика западных стран стала подвержена перманентным кризисным явлениям, зачастую угрожающих масштабов, как, в частности, Великая депрессия в США [см. Валовой, 1977; Власов, Быков, 1998; Базоев, 1999]. В результате стало совершенно очевидно: когда хозяйствующие субъекты не имеют правовых ориентиров в своем поведении, их деятельность не урегулирована правовыми предписаниями, рыночное хозяйство не может функционировать эффективно [Hughes, 1977: 72–76]. Соответственно, *воздействие права на экономическую среду стало более заметным,* хозяйствующие субъекты начали более активно осуществлять нормы, установленные правом, что представляет собой практическую плоскость реализации экономической функции права.

Еще одним проявлением практической реализации экономической функции права является то, что постепенно гигантские корпорации, каждая из которых стремилась установить свою монополию в соответствующей отрасли, стали определять общую ситуацию в экономике. В результате рынки оказались поделенными на взаимовыгодных соглашениях относительно условий и параметров дележа. Подобная ситуация названа *олигополией*, состоящей из нескольких корпораций, совместно осуществляющих монополию (в отличие от монополии, где единолично господствует одна-единственная корпорация). Стало очевидно, что свободный рынок отнюдь не является саморегулирующейся или самокорректирующейся системой. Основанный на принципе свободной, ничем не ограниченной конкуренции, он не способен решать важнейшие проблемы, стоящие перед обществом. Концепция о «невидимой руке рынка», законы функционирования которого бесспорны, как закон всемирного тяготения, во многом представляет собой конструкцию, зачастую не совсем соответствующую реальному положению вещей. Классический свободный рынок, на котором свободно конкурируют между собой независимые друг от друга компании, фирмы, индивидуальные продавцы и т.д., постепенно стал достоянием истории, если он вообще реально когда-либо существовал.

Речь идет, прежде всего, о том, что в конце XIX — начале XX вв. капиталистическая экономика, как отмечалось, вступила в *корпоративную стадию развития*, одной из главных отличительных черт которой является отсутствие в то время должного юридического механизма регулирования экономических процессов. В результате возникновения на экономической сцене корпораций в качестве господствующих субъектов экономической деятельности идеи свободной, ничем не ограниченной конкуренции и государства — «ночного сторожа» претерпели своеобразную инверсию функций. Если в период буржуазных революций они служили делу обеспечения свободы экономического выбора и уничтожения всяческих преград внеэкономического порядка на пути самореализации отдельной личности, то теперь они были поставлены на службу интересам крупных корпораций, которые делали все, что в их силах, *для подрыва* принципов действительного свободного рынка и свободной конкуренции. Обладая огромной экономической властью, корпорации объявили себя истинными защитниками свободной конкуренции, при этом всячески нарушая ее основополагающие принципы.

Обнаружилось, что на рынке, предоставленном самому себе, при определенных условиях может преобладать *закон джунглей*, в соответствии с которым выживают и побеждают наиболее приспособленные к жизни, сильный безнака-

занно подавляет и подчиняет себе слабого [см. Битвы…, 1999; Кобяков, 1997]. В области общественной мысли эта тенденция нашла свое выражение в известной теории так называемого социал-дарвинизма. Стало очевидно, что, разрешая одни проблемы, рынок порождает множество других, не менее серьезных и взрывоопасных. Именно поэтому правящие круги промышленно развитых стран пришли к осознанию необходимости признания как де-факто, так и де-юре *активного вмешательства права в экономическую и социальную жизнь общества.* Со времени выхода в свет книги Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» концепция *регулирующейся экономики* стала достоянием широких научных и политических кругов. Суть позиций Кейнса и его приверженцев состояла в тезисе, согласно которому *только правовое вмешательство способно обеспечить устойчивый экономический рост* и занятость трудоспособного населения. Великий экономический кризис 1930-х годов окончательно развенчал иллюзии относительно саморегулирующейся экономики только с помощью рынка [Макконелл, Брю, 1992: 133–134].

Вместе с тем опыт показал: правовые нормы, позволяющие с достаточной степенью эффективности определять поведение рядовых субъектов рынка, не в состоянии регулировать процессы, связанные с возникновением монополий, олигополий, глобализацией мировой экономики. Возникла объективная необходимость *принципиально иного правового воздействия* на эти процессы. Ответом права следует считать возникновение, становление и развитие *антимонопольного законодательства*, в результате чего крупные хозяйствующие субъекты в своей деятельности обязаны осуществлять именно нормы права, а не безгранично подчинять себе экономическую среду. Таким образом, можно говорить о *появлении новой грани реализации экономической функции права*.

Анализируя ситуацию в Российской Федерации, следует отметить, что роль права в экономике особенно велика в периоды глубоких социально-экономических и политических трансформаций. Естественно, право не может оставаться в стороне от широкомасштабных процессов, происходящих во всех сферах общественной жизни. Другое дело, что роль правовых институтов как на как федеральном, так и на региональном уровнях, формы и методы реализации правом своих экономических и социальных функций должны претерпеть качественные изменения.

В известной мере ориентиром здесь может служить механизм реализации подобных функций системами права, осуществляющими свое развитие в режиме *смешанной экономики*, а таковой фактически является экономика всех без исключения высокоразвитых стран. Однако ориентиром *именно в известной мере*, поскольку в каждой из этих стран данный механизм имеет в виду параметры и *особенности*, которые в совокупности придают ему в России неповторимую специфику [см., например: Мовсесян, 1997; Радыгин, 1999]. Речь идет, в частности, об особенностях национального менталитета и политической культуры, о сосуществовании многих этнонациональных групп и культур, множества конфессий, о не имеющем аналогов разнообразии природно-климатических зон, переходном характере экономики, ее кризисном состоянии, обусловливаемом не только трансформационными процессами, но и разрывом хозяйственных звеньев некогда единого народно-хозяйственного комплекса, об отечественном опыте регулирования экономических и особенно социальных процессов и т.д.

Реализация экономической функции права преследует несколько основополагающих целей. К ним, прежде всего, относятся обеспечение нормального функционирования рыночной экономики и защиты самой общественно-политической системы от социальных потрясений. С учетом этого автор считает возможным выделить следующие основные *направления реализации экономической функции права*:

- обеспечение правопорядка в стране в целом, без чего невозможно сколько-нибудь эффективное функционирование любой сферы общественной жизни, в том числе и экономической;
- гарантия соблюдения всеми членами общества, в том числе и участниками рынка, общепринятых правил игры;
- создание и поддержание социального фона, благоприятствующего нормальному функционированию экономики.

Представляется, что содержательная наполненность, *качественная определенность механизма реализации* экономической функции права находится в прямой зависимости, во-первых, от той нагрузки, которую несут разного рода правовые институты в обществе в целом, и, во-вторых, от конкретного типа воздействия права на экономическую систему в обществе.

При рассмотрении вопроса о реализации экономической функции права необходимо отразить и *международно-правовой аспект* данной проблемы. Организация Объединенных Наций пришла к выводу о необходимости регулирования бизнеса в международном масштабе. Внимание ООН, прежде всего, обращено на главную опасность, о которой в масштабах национального права было сказано выше, — монополистическую деятельность, или, другими словами, на *ограничительную деловую практику*, оказывающую неблагоприятное воздействие на международную торговлю и отнюдь не содействующую улучшению международных экономических отношений. Этому была посвящена специальная Конференция ООН по торговле и развитию, принявшая комплекс согласованных на многосторонней основе справедливых принципов и правил для контроля за ограничительной деловой практикой [см. подробнее: Программа действий…, 1974].

ООН рекомендовала в борьбе с монополизмом использовать следующие методы: вводить в законодательство антимонопольные нормы, направленные на создание, поощрение и защиту конкуренции; контролировать концентрацию капитала; содействовать нововведениям; защищать социальное благосостояние в целом; защищать интересы потребителей; ограничивать деятельность транснациональных компаний; сделать эффективными судебные и административные процедуры контроля за злоупотреблением в деловой практике; улучшить процедуру получения информации от предприятий об их работе; государствам, у которых имеется большой опыт борьбы с монополизмом, отвечать на соответствующие запросы других государств или оказывать им помощь по их просьбе.

Предприятиям же запрещалось: участвовать в соглашениях о ценах, в тайных торгах по ним; в соглашениях о распределении рынков; выделять квоты на продажу и производство; препятствовать деятельности конкурентов, например, устанавливать цены ниже себестоимости или дискриминационные цены; коллективно договариваться об отказе в допуске к заключению соглашения или вступлению в ассоциацию; поглощать совместные предприятия или использовать другие формы приобретения контроля над предприятиями. За нарушение

этих запретов предусматривались соответствующие санкции: потеря репутации надежного партнера по международным соглашениям, что чревато издержками экономического и политического характера; отказ в защите дипломатического представительства за рубежом; отказ в получении субсидий и ряд других.

Рассмотренный комплекс согласованных на многосторонней основе принципов и правил ограничительной деловой практики способствует созданию экономических условий, необходимых для свободной торговли, которая обеспечивает оптимальное распределение хозяйственных ресурсов, понижает цены, повышает качество товаров и услуг и способствует научно-техническому прогрессу в интересах мирового сообщества в целом [см.: Действующее международное право, 1997: 135–145]. Таким образом, экономическая функция права осуществляется как в рамках действующего национального, так и в формате международного права. В России это особенно важно учитывать в связи со вступлением страны в ВТО.

В свое время Ш. Монтескье верно заметил: «Когда я собираюсь ехать в какую-либо страну, я не смотрю, какие там законы; я смотрю на то, как они там реализуются». Этими словами подтверждается давно известная истина: реализация права порой значит гораздо больше, чем наличие тех или иных норм права, которые могут быть безукоризненными по форме и содержанию, но абсолютно не эффективными при их реализации.

Список литературы

Алексеев С.С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999.

Базоев С. Мировой бизнес: эпоха слияния компаний // Рынок ценных бумаг. 1999. №4.

Битвы за корпоративный контроль // Рынок ценных бумаг. 1999.

Валовой Д.В. Рыночная экономика. Возникновение, эволюция и сущность. – М.: ИНФРА-М, 1977.

Венгеров А.Б. Барабашева Н.С. Нормативная система и эффективность общественного воспроизводства. – М., 1995.

Власов П., Быков П. На излете // Эксперт. 1998. №22.

Действующее международное право. Т. 3. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997.

Кобяков А. Капиталистическая гигантомания // Эксперт. 1997. № 34.

Макконелл К., Брю С. Экономикс. Принципы, проблемы и политика. Т. 2. – М. 1992.

Мальцев Г.В. Понимание права. – М., 1999.

Мовсесян А.Г. Интеграция банковского и промышленного капитала: современные мировые тенденции и проблемы развития России. – М.: Финансы и статистика, 1997.

Нерсесянц В.С. Различие и соотношение права и закона как междисциплинарная проблема // Вопросы философии права. – М., 1973.

Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности. – Киев, 1985.

Программа действий по установлению нового международного экономического порядка // Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей ООН на шестой специальной сессии 9 апреля – 2 мая 1974 г. – Нью-Йорк: ООН, 1974.

Радыгин А. Перераспределение собственности в постприватизационной России // Вопросы экономики. 1999. №6.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 2. – М. – Л., 1935.

Cochren Th. Business in American Life. A History. – N.-Y., 1972.

Hughes J. The Governmental Habit. Economic Control from Colonial Times to the Present. – N.-Y., 1977.

Ю.Б. Корсаненкова

О ТРУДОПРАВОВОМ СТАТУСЕ ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

КОРСАНЕНКОВА Юлия Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета МГГЭИ (e-mail: korsanenkova@yandex.ru).

Аннотация. *Анализируя международные акты, российское федеральное законодательство, регулирующие социально-трудовые права и гарантии лиц с инвалидностью, автор выявляет особый трудоправовой статус данной категории работников и приходит к выводу о необходимости разработки отдельной главы, посвященной специфике их труда в рамках раздела XII Трудового кодекса РФ «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников». Особое внимание уделяется правам детей-инвалидов.*

Ключевые слова: *лица с инвалидностью, дети-инвалиды, трудоправовой статус, социально-трудовые права инвалидов.*

Занятость и трудоустройство являются ключевыми элементами социальной интеграции и обеспечения экономической независимости людей с инвалидностью. Во всем мире насчитывается примерно 470 млн. таких людей трудоспособного возраста. Инвалиды страдают от дефицита достойного труда гораздо сильнее, чем остальные люди. Достойную работу не могут найти многие женщины и мужчины с ограниченными возможностями, даже прошедшие необходимое обучение, из-за чего они испытывают разочарование и теряют надежды [О´Рейли А, 2007: 104]. В России уровень занятости и экономической активности инвалидов крайне низок: лишь примерно 15% их были трудоустроены к началу 2006 г. [СЗ РФ, 2006].

Потерявшие уверенность в себе из-за столкновения с дискриминационными барьерами, существующими в обществе, ошибочными представлениями об их неспособности работать, многие инвалиды прекращают активные поиски работы. Они и живут на пособия (пенсии) по инвалидности там, где таковые существуют, либо кое-как перебиваются незначительными заработками в неформальном секторе экономики, полагаются на поддержку своих родных и близких.

Когда у инвалидов появляются возможности выполнять работу, соответствующую их квалификации, интересам и способностям, многие из них делом доказывают, что могут быть ценными работниками и опровергают ошибочные представления о своей неспособности работать. В экономически развитых зарубежных странах все более осознают, что люди с ограниченными возможностями представляют собой огромный, зачастую не используемый потенциал: они могут вносить существенный вклад в развитие национальной экономики, их трудоустройство позволяет уменьшать расходы на выплату пособий по инвалидности и сокращать бедность. Для этого необходимы согласованные усилия для устранения препятствий, не позволяющих многим инвалидам участвовать в экономической деятельности и жизни общества. Улучшение положения людей с ограниченными возможностями в сфере занятости пойдет на пользу не только самим инвалидам, но и работодателям, и обществу в целом.

Вопросы труда инвалидов должны решаться путем содействия трудоустройству, продвижению по службе, сохранению работы и карьерному росту. На рабочих местах должны осуществляться превентивные меры как часть кадровой политики предприятий. Их цель — содействовать приему на работу и продвижению по службе людей с ограниченными возможностями, а также осуществлению различных мер, связанных с травмами и инвалидностью на производстве, профилактикой, реабилитацией и возвращением указанных лиц к труду. Такие меры должны осуществляться совместно с представителями работников и работодателей, которые берут на себя общую ответственность за решение на рабочих местах вопросов, связанных с инвалидностью.

Прежде всего, необходимо определить, кто относится к данной категории граждан, нуждающихся в социальной защите. Исходя из общего понятия инвалидности (ст. 1 Федерального закона «О социальной защите инвалидов»), к инвалидам относятся все лица, которые имеют *стойкое нарушение функций организма,* обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению их жизнедеятельности и вызывающее необходимость их социальной защиты. Отмеченное ограничение определяется по семи критериям: ограничение способности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться и заниматься трудовой деятельностью [СЗ РФ, 1995].

Лицам, признанным органами МСЭ инвалидами, по общему правилу группа инвалидности устанавливается на следующие сроки: инвалидам I группы— на два года, инвалидам II и III групп — на один год.

Социально-правовой статус инвалидов базируется, в первую очередь, на нормах Конституции РФ и общепризнанных международных актов, регулирующих права человека в целом, а также специально права инвалидов в сфере труда и социального обеспечения.

К конституционным нормам (см. ст. 7, 29, 37, 38, 39, 41, 43, 46 Конституции РФ) относятся те, которые в совокупности определяют социально-правовой статус: право на достойную жизнь и свободное развитие; право инвалидов на поддержку со стороны государства, право на государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты; право на объединения (общественные объединения инвалидов); право на труд и защиту от безработицы (занятость инвалидов); право на образование, право на судебную защиту прав и свобод; право на охрану здоровья и медицинскую помощь [СЗ РФ, 2009].

Что касается международно-правового регулирования прав инвалидов, то на этом уровне их права регулируются международными актами ООН, конвенциями МОТ, актами Совета Европы. Так, ст. 25 Всеобщей Декларации прав человека 1948 г. закрепила право каждого, в том числе и лиц, признанных инвалидами, на обеспечение на случай инвалидности. В ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), ратифицированного СССР в 1973 г., в частности, говорится о том, что поддерживающие Пакт государства признают право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, обеспечение сокращения детской смертности и здорового развития ребенка; создание условий, которые обеспечивали бы всем медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни [Международное публичное…, 1996, 464–470].

Конвенция о правах инвалидов (2006 г.), которую Россия ратифицировала в 2012 г., содержит ст. 27, посвященную труду и занятости инвалидов, в которой государства-участники признают *право инвалидов на труд* наравне с другими. Речь идет о праве на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который инвалид свободно выбрал или на который он свободно согласился, в условиях, когда рынок труда и производственная среда являются открытыми и доступными для него.

Конвенция о *профессиональной реабилитации и занятости инвалидов* 1983 г., ратифицированная Россией в 1988 г., провозглашает политику в данной сфере, основанную на принципе равенства возможностей инвалидов и трудящихся в целом, и устанавливает, что специальные позитивные меры, направленные на обеспечение подлинного равенства обращения и возможностей для инвалидов и других трудящихся, не считаются дискриминационными в отношении других трудящихся [Документы и комментарии, 2012].

Европейская социальная хартия (1996 г.), подписанная Россией в 2000 г. и частично ратифицированная в 2009 г., в ст. 15 определяет право инвалидов на независимость, социальную интеграцию и участие в жизни общества путем принятия государством необходимых мер для обеспечения им *обучения и профессиональной подготовки*. Кроме того, им облегчается доступ к занятости мерами, поощряющими работодателей к найму и удержанию на работе таких лиц либо в обычной рабочей среде, либо (там, где это невозможно по причине инвалидности) с помощью адаптирования условий труда к потребностям инвалидов. Также закрепляется обязанность государств-участников Хартии предоставлять им технические средства, позволяющие преодолевать препятствия (которые ограничивают их общение и передвижение) и открывающие им доступ к транспорту, жилью, культурной деятельности и досугу (к сожалению, данное положение, предусмотренное п. 3 ст. 15, Россия пока не ратифицировала) [Бюллетень…, 2010: 17–67].

Социально-трудовые права инвалидов определяются также на основе Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ) и Закона РФ «О занятости населения в РФ» от19 апреля 1991 г. [СЗ РФ, 2002; СЗ РФ, 1996].

С правовой точки зрения, инвалид относится к тем *особым субъектам трудового права*, в отношении которых в трудовом законодательстве закреплены определенные ограничения и преимущества (дифференцированные нормы правового регулирования отношений по труду).

Однако, проанализировав основы правового регулирования труда *детей-инвалидов и инвалидов — совершеннолетних работников,* можно сделать вывод о некоторой неопределенности трудоправового статуса первой категории работников, сложившейся в российском законодательстве. Одной из причин этого является отнесение данной категории работников сразу к двум категориям, для которых установлены особенности правового регулирования труда в силу субъективных факторов — *инвалидности и возраста*. С одной стороны, на детей-инвалидов, которым даны трудовые рекомендации, должны распространяться те же особенности регулирования труда, что и для всех несовершеннолетних, а с другой, — те особенности, которые предусмотрены для всех инвалидов. Однако в ряде случаев для несовершеннолетних ТК РФ предусматривает *повышенный уровень гарантий* (например, продолжительность ежегодного основного отпуска; сокращенная продолжительность рабочей не-

дели лицам до 16 лет), который, на наш взгляд, *должны распространяться и на детей-инвалидов*.

Проанализируем нормы Трудового кодекса РФ, *регулирующие труд инвалидов, включая труд детей-инвалидов*.

Согласно ст. 63 ТК РФ, заключение трудового договора по общему правилу допускается с лицами, достигшими возраста 16 лет. Однако из данного правила есть три исключения, когда трудовой договор может быть заключен с несовершеннолетними, не достигшими 16-летнего возраста. Если ребенку-инвалиду при прохождении МСЭ установлены в *индивидуальной программе реабилитации* рекомендации о противопоказанных и доступных условиях и видах труда, то он может вступать в трудовые отношения с работодателем и заключать трудовой договор. В этом случае на ребенка-инвалида распространяются все особенности труда, предусмотренные для *несовершеннолетних* (ст. 65, 69, гл. 42 ТК РФ): обязательное прохождение медосмотра при заключении трудового договора и представлении медицинской справки, ежегодный медицинским осмотр за счет средств работодателя (ст. 266 ТК РФ). Согласно ст. 265 ТК, запрещается применение труда несовершеннолетних на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, на подземных работах, а также на работах, выполнение которых может причинить вред их здоровью и нравственному развитию (игорный бизнес, работа в ночных кабаре и клубах, производство, перевозка и торговля спиртными напитками, табачными изделиями, наркотическими и иными токсическими препаратами). Очевидно, что для детей с ограниченными возможностями подобные работы недопустимы.

Согласно ст. 23 Закона о социальной защите инвалидов, тем из них, которые заняты в организациях независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, должны создаваться необходимые условия труда в соответствии с индивидуальной программой реабилитации.

Несовершеннолетним не может быть отказано в приеме на работу из-за возраста. В данном случае будет допущено нарушение работодателем принципа запрета дискриминации в сфере труда (ст. 3, 64 ТК РФ). По требованию несовершеннолетнего, которому было отказано в заключении трудового договора, работодатель обязан сообщить причину отказа в письменной форме, а отказ в заключении трудового договора может быть обжалован в суд.

Кроме того, КоАП РФ (ст. 5.42) также устанавливает наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от двух тысяч до трех тысяч руб. за отказ работодателя в приеме на работу инвалида в пределах установленной квоты [СЗ РФ, 2002]. В ст. 21 Закона о социальной защите инвалидов говорится, что организациям, численность работников которых составляет более 100 человек, законодательством субъекта Российской Федерации устанавливается квота для приема на работу инвалидов в процентах к среднесписочной численности работников (не менее 2 и не более 4%). При заключении трудового договора для несовершеннолетних инвалидов не может устанавливаться испытание при приеме на работу (испытательный срок) даже при согласии несовершеннолетнего (ст. 70 ТК РФ).

Расторжение трудового договора с работниками в возрасте до 18 лет по инициативе работодателя (за исключением случаев ликвидации организации или прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем) допускается только с согласия соответствующей государственной инспекции труда и ко-

миссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, которая обязана разобраться в действиях работодателя и истинных причинах увольнения несовершеннолетнего (ст. 269 ТК РФ).

Для несовершеннолетних работников-инвалидов устанавливается *сокращенное рабочее время* (ст. 92 ТК РФ): для работников в возрасте до 16 лет — не более 24 часов в неделю; для работников в возрасте от 16 до 18 лет — не более 35 часов в неделю. При этом продолжительность рабочего времени для *учащихся* образовательных учреждений, работающих в течение учебного года в свободное от учебы время, не может превышать половины данных норм, т.е. сокращается в два раза.

Продолжительность ежедневной работы (смены) не может превышать для лиц моложе 18 лет следующих норм (ст. 94 ТК РФ): для *работников* в возрасте от 15 до 16 лет — 5 часов; от 16 до 18 лет — 7 часов. Для *учащихся* общеобразовательных учреждений, образовательных учреждений начального и среднего профессионального образования, совмещающих в течение учебного года учебу с работой, в возрасте от 14 до 16 лет — 2,5 часа, в возрасте от 16 до 18 лет — 4 часов.

При этом, согласно ст. 271 ТК РФ, заработная плата работникам в возрасте до 18 лет выплачивается с учетом сокращенной продолжительности работы; при сдельной работе — согласно установленным расценкам. Несовершеннолетним, *обучающимся в образовательных учреждениях* начального, среднего и высшего профессионального образования и работающим в свободное от учебы время, — пропорционально отработанному времени или в зависимости от выработки. Причем во всех случаях работодатель может за счет собственных средств доплачивать им до полного размера за счет собственных средств.

Сравнение норм ТК РФ о *выплате заработной платы* с учетом сокращенной продолжительности рабочего времени *детям-инвалидам* и положений ТК РФ, предусматривающих выплату заработной платы в полном размере *инвалидам I и II группы* (ст. 23 Закона о социальной защите инвалидов), которым также установлена сокращенная продолжительность рабочего времени (ст. 92: не более 35 часов в неделю), свидетельствует *не в пользу первых*. Представляется, что *труд детей-инвалидов должен оплачиваться также в полном размере.*

Однако продолжительность ежедневной работы несовершеннолетних из числа творческих работников (СМИ, кино, театр, теле и видеосъемочные коллективы, перечень которых утвержден Правительством РФ с учетом мнения РТК по регулированию социально-трудовых отношений) устанавливается коллективным договором, локальным нормативным актом, трудовым договором. Следует ли эту норму распространять и на творческих работников из числа детей-инвалидов? Представляется, что и в этом случае при регулировании данного вопроса в договорном порядке работодатель должен опираться на рекомендации МСЭ.

Согласно ст. 268 ТК РФ, несовершеннолетних запрещается направлять в служебные командировки, привлекать к сверхурочной работе, работе в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни (за исключением творческих работников). В то же время инвалиды могут быть привлечены к вышеперечисленным работам с их письменного согласия, после ознакомления с правом отказаться от них под роспись и при условии отсутствия медицинских противопоказаний. Но, очевидно, в этом случае в *отношении детей-инвалидов* в целях повышенной заботы государства о данной категории граждан должны действо-

вать императивные нормы — *запреты*, как и в отношении всех несовершеннолетних работников.

Согласно ст. 267 ТК РФ, несовершеннолетним работникам предоставляется ежегодный основной оплачиваемый отпуск продолжительностью 31 календарный день. Данный отпуск должен быть предоставлен по заявлению несовершеннолетнего до истечения шести месяцев непрерывной работы у данного работодателя (ст. 122 ТК РФ). Отметим, что по Закону о социальной защите инвалидов (ст. 23) основной ежегодный отпуск совершеннолетних работников-инвалидов составляет не менее 30 календарных дней. Не допускается отзыв из отпуска работников в возрасте до 18 лет; для них запрещена замена денежной компенсацией ежегодного основного оплачиваемого отпуска.

С учетом сказанного *федеральному законодателю* в целях повышения уровня социально-трудовых гарантий лиц с ограниченными возможностями, в том числе *детей-инвалидов*, а также конкретизации федерального трудового законодательства в этой части можно предложить следующее. Принимая во внимание принцип единства и дифференциации правового регулирования трудовых отношений *по субъективным основаниям*, к которым, безусловно, относится инвалидность, ***дополнить*** **раздел XII ТК РФ** «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников» *отдельной главой, посвященной специфике труда инвалидов, в частности, детей-инвалидов до 18 лет.*

Список литературы

Бюллетень международных договоров. 2010. № 4.

Документы и комментарии. 2012. № 3.

Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. – М.: БЕК, 1996.

О´Рейли А. Право людей с ограниченными возможностями на достойный труд. Женева, Международное бюро труда, 2007.

СЗ РФ. 2006. № 2. Ст. 199.

СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

СЗ РФ. 2002. №1 (ч. 1). Ст. 3.

СЗ РФ. 1996. №17. Ст. 1915.

СЗ РФ. 2002. №1 (ч. 1) Ст. 1.

М.К. Султанова

НОВОЕ В НАЛОГООБЛОЖЕНИИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

СУЛТАНОВА Муслима Каримджоновна — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита МГГЭИ (e-mail: darmuz@mail.ru).

Аннотация. *Освещаются вопросы, относящиеся к налогообложению деятельности некоммерческих организаций, с учетом новых поправок и налоговых новшеств, вводимых с января 2012 г.*

Ключевые слова: *некоммерческая организация, налогообложение, целевые поступления, налоговые льготы.*

Российский некоммерческий сектор сегодня состоит из многих тысяч организаций, различающихся как по масштабу и структуре, так и по роду деятельности. Эти организации созданы для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, для охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ. *Некоммерческие организации (НКО)*, занятые в области «производства общественных благ», являются инициаторами и разработчиками различных видов инноваций, способствуют самоорганизации населения и развитию институтов гражданского общества.

Для некоммерческих организаций Гражданским кодексом РФ (далее — ГК РФ) предусмотрены следующие организационные формы: потребительские кооперативы, общественные и религиозные организации (объединения), финансируемые собственником учреждения, благотворительные и другие фонды. Необходимо отметить, что часть 2 ГК РФ была принята до принятия Федерального закона «О некоммерческих организациях», который предусмотрел новые организационно-правовые формы НКО: *автономные некоммерческие организации (АНО)*, некоммерческие партнерства, государственная корпорация, союзы, ассоциации и другие.

Необходимость исследования способов и механизмов взаимодействия НКО с органами финансового контроля обусловлена возрастающей ролью российского некоммерческого сектора в экономике и социальной сфере. Одной из самых сложных и важных проблем в деятельности некоммерческих организаций является проблема *налогообложения*.

В условиях ухудшающегося экономического положения России государство стремится решить бюджетные проблемы за счет увеличения налогового бремени и сокращения льгот по налогам и сборам. Однако в этом вопросе имеется недопонимание того, что многие некоммерческие организации решают определенные социальные проблемы, снимая тем самым некоторый груз этих проблем с государства и снижая социальную напряженность в стране. Эти организации для достижения общественно-значимых целей способны привлекать такие до-

полнительные ресурсы, как труд добровольцев, гранты и средства, передаваемые отечественными коммерческими организациями, и другие.

Существенным вопросом деятельности некоммерческих организаций является *сбор средств*. Привлечение средств из различных источников, с одной стороны, обеспечивает независимость третьего сектора, с другой, — ведет к нестабильному характеру финансирования, ограниченности денежных средств и невозможности создания стабильной материальной базы. Данный вопрос является одним из самых важных, поскольку в зависимости от того, как он будет решаться, во многом зависит нормальное и полноценное функционирование некоммерческой организации.

В отличие от коммерческих некоммерческие организации не имеют своей основной целью получение прибыли и не могут распределять полученную прибыль между своими участниками. Необходимо отметить, что они не лишены права вести предпринимательскую деятельность. Однако эта деятельность должна служить достижению целей, ради которых создана некоммерческая организация. В этом случае налогообложение осуществляется на общих основаниях.

Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) предоставляет несколько возможностей для НКО освободиться от уплаты налога на прибыль и иных налогов или уменьшить налоговую нагрузку. Так, в нем утвержден перечень доходов, которые не учитываются при формировании налоговой базы по налогу на прибыль; сохранились некоторые льготы по налогообложению; появилась возможность перехода отдельных НКО на *специальные режимы налогообложения*. К ним относятся: *упрощенная система налогообложения (УСН)* и система налогообложения в виде *единого налога* на вмененный доход для отдельных видов деятельности. Кроме федерального законодательства некоммерческим организациям законодательными органами субъектов РФ, как правило, предоставляются дополнительные льготы в части налогов, поступающих в их бюджет.

Существуя в реальной рыночной среде, НКО должны быть способны привлекать и накапливать средства для инвестирования в собственное развитие. К **целевым поступлениям** на содержание НКО и ведение ими уставной деятельности относятся:

- регулярные и единовременные поступления, осуществленные в соответствии с законодательством о НКО, вступительные, членские, целевые взносы учредителей (участников, членов);
- суммы финансирования из федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ, местных бюджетов, бюджетов государственных внебюджетных фондов, выделяемые на осуществление уставной деятельности НКО;
- денежные средства, полученные от организаций, осуществляющих благотворительную деятельность в рамках Закона № 135-ФЗ.
- выручка от реализации товаров, работ, услуг;
- дивиденды (доходы, проценты), получаемые по акциям, облигациям, другим ценным бумагам и вкладам;
- доходы, получаемые от собственности некоммерческой организации;
- другие, не запрещенные законом поступления.

По поступлениям, связанным с предпринимательской деятельностью НКО, обычно начисляется и уплачивается налог на прибыль, если НКО не применяет специальные налоговые режимы. В случае, когда поступления связаны с устав-

ной непредпринимательской деятельностью, уплата налога на прибыль зависит от конкретного указания в НК РФ.

К целевому финансированию НКО, *освобождаемому от налогообложения* при условии целевого использования, относятся:

1. Поступления от участников и членов НКО (юридических или физических лиц)**.** Это вступительные взносы, членские взносы, паевые вклады, отчисления в публично-правовые профессиональные объединения, построенные на принципе обязательного членства. Они могут использоваться на содержание аппарата управления организацией и на осуществление уставной деятельности. Возможность установления и порядок взимания вступительных и членских взносов предусматриваются уставами организаций.

2. Пожертвования**,** признаваемые таковыми в соответствии с ГК РФ (часть 2), устанавливающего, что пожертвованием признается дарение вещи (кроме подакцизных товаров) или имущественные права в общеполезных целях (п. 1 ст. 582).

3. Средства, полученные в рамках благотворительной деятельности, на цели и задачи, предусмотренные Законом № 135-ФЗ. Необлагаемые налогом средства или иное имущество, которые получены НКО на осуществление благотворительной деятельности, должны быть израсходованы либо на дальнейшую передачу благополучателям, либо на безвозмездное выполнение работ, оказание услуг.

4. Гранты. С точки зрения налогообложения (и невключения в налогооблагаемую базу), грантом признаются только те поступления, которые соответствуют условиям пп.14 п.1 ст.251 НК РФ. Их перечень утверждается Правительством РФ. Они предназначаются для осуществления конкретных программ в области образования, искусства, культуры, охраны окружающей среды, а также для проведения конкретных научных исследований. Гранты предоставляются на условиях, определяемых «донором», с обязательным предоставлением ему отчета о целевом использовании гранта.

На практике часто возникают вопросы, какие именно программы следует относить к области образования или, например, какие расходы отнести к конкретным научным исследованиям. Оптимальный вариант — отнесение гранта, не отвечающего требованиям пп.14 п. 1 ст. 251 НК РФ, к категории *пожертвования*, при соответствии всем признакам нормам ГК РФ. НКО, не перечисленные в ст. 582 ГК РФ, безвозмездную передачу имущества в собственность могут признавать *дарением*, которое входит в перечень целевых поступлений, не включаемых в налоговую базу по налогу на прибыль.

5. Средства, полученные в виде безвозмездной помощи (содействия). ФЗ «О безвозмездной помощи (содействии) РФ…» и принятые в соответствии с ним постановления Правительства РФ от 17.09.99 г. № 1046 (с изменениями от 24 ноября 2008 г. № 160-ФЗ) вводят специальные процедуры признания поступивших *из-за рубежа* средств и товаров в качестве технической или гуманитарной помощи. Требования более строгого отчета в этом отношении отражены в поправках к закону о НКО, принятых Госдумой в июле 2012 г.

Налогоплательщики, получившие средства целевого финансирования, обязаны использовать имущество, полученное в рамках средств целевого финансирования, по назначению, определенному организацией (физическим лицом) — источником целевого финансирования или федеральными законами. Они должны

также вести раздельный учет доходов (расходов), полученных (произведенных) в рамках целевого финансирования. При отсутствии такого учета указанные средства рассматриваются как подлежащие налогообложению с даты их получения.

Отметим, что не является целевым поступлением на содержание НКО выручка от реализации ею имущества, ранее полученного в качестве взносов, вкладов, пожертвований или благотворительной помощи от организаций, в том числе осуществляющих благотворительную деятельность.

Налог на прибыль. С введением ряда новшеств в налоговое законодательство РФ важным с точки зрения привлечения средств является строгое определение поступающих средств и отнесение их к доходам, которые не подлежат обложению налогом на прибыль.

Налоговая ставка по налогу на прибыль установлена в размере 20%, за исключением отдельных случаев (ст. 284 НК РФ): 2% — зачисляется в федеральный бюджет, 18% — в бюджеты субъектов РФ. Эта ставка законами субъектов РФ может быть понижена для отдельных категорий налогоплательщиков до 13,5%.

Перечень не облагаемых налогом доходов, т.е. не учитываемых при определении налоговой базы по налогу на прибыль, дается в ст. 251 п. 1, подпункт 11 НК РФ, часть 2. К целевым поступлениям на содержание НКО и не участвующим в формировании налоговой базы, в соответствии с поправками, принятыми в 2012 г., относятся: 1) любые виды взносов учредителей (участников, членов), а также доходы в виде безвозмездно полученных такими организациями работ (услуг) на основании договоров (подп. 1 п. 2 ст. 251 НК РФ); 2) имущественные права, переходящие им в порядке наследования либо полученные ими на благотворительную деятельность (подп. 2, 4 п. 2 ст. 251 НК РФ); 3) определенные виды денежных средств, передаваемых в рамках уставной деятельности между НКО и созданным ею отделением, которое является самостоятельным налогоплательщиком (подп. 10.1, 10.2 п. 2 ст. 251 НК РФ).

Следует обратить внимание, что отнесение тех или иных поступлений к целевым определяется не только формулировками в платежном поручении на перевод средств, но и фактическим безвозмездным характером отношений.

Доход же, не указанный в данной статье НК РФ, расценивается налоговыми органами как *внереализационный доход*. В п. 8 ст. 250 НК РФ говорится, что внереализационными доходами налогоплательщика признаются, в частности, доходы «в виде безвозмездно полученного имущества (работ, услуг) или имущественных прав, за исключением случаев, указанных в ст. 251 НК РФ». Расходы, связанные с безвозмездным оказанием услуг, по общему правилу не учитывались в целях налогообложения прибыли (п. 16 ст. 270 НК РФ). Но с 1 января 2012 г. предусмотрено исключение для расходов по безвозмездному оказанию услуг по изготовлению и (или) распространению социальной рекламы.

Данные бухгалтерского учета при исчислении налоговой базы могут приниматься во внимание только в случае внесения соответствующей записи в учетную политику организации. Порядок ведения налогового учета, налоговые регистры устанавливается организацией-налогоплательщиком самостоятельно.

Оставшаяся после налогообложения прибыль, полученная НКО от коммерческой деятельности и иных доходов, не распределяется между ее участниками или учредителями, а направляется только на *достижение уставных целей*, ради

которых создана организация. Исключение составляют лишь потребительские кооперативы, которые хотя и относятся к НКО, но в отличие от других форм предназначены для удовлетворения материальных потребностей их членов.

Некоммерческая организация может иметь амортизируемое имущество, приобретенное за счет различных источников финансирования, поскольку к этой категории относится имущество со сроком полезного использования 12 месяцев и первоначальной стоимостью более 40 тыс. руб. Но с 1 января 2000 г. в НКО амортизация не начисляется на имущество, полученное или приобретенное за счет целевых поступлений (пожертвований, средств на осуществление благотворительной деятельности, безвозмездной помощи и т.д.) и используемое для осуществления некоммерческой деятельности. Если имущество приобретено за счет целевых поступлений, но используется в коммерческой деятельности, то оно подлежит амортизации, но его использование в коммерческой деятельности является не целевым использованием и прежде, чем начислять амортизацию, необходимо включить стоимость данного имущества во внереализационные доходы и заплатить налог на прибыль.

Для НКО предусмотрена возможность создания *резерва* предстоящих расходов (ст. 267.3 НК РФ). Решение о его создании отражают в учетной политике, а расходы на его формирование относят на внереализационные расходы. Размер резерва определяется учреждением самостоятельно на основании разработанных и утвержденных им смет расходов, связанных с ведением предпринимательской деятельности на срок, не превышающий три календарных года. Предусмотрен и предельный размер отчислений. Он не должен превышать 20% от суммы доходов отчетного (налогового) периода, учитываемых при определении налоговой базы.

Сопоставление размера резерва и фактических расходов, в отношении которых сформирован резерв, производится на дату окончания сметы расходов. Например, бюджетное учреждение вправе создать резерв на предстоящую амортизацию основных средств, включая несуществующие, но планируемые к приобретению объекты.

НКО, имеющие в собственности основные средства, являются плательщиками **налога на имущество** по ставке 2,2%. Для расчета налогооблагаемой базы НКО должны начислять за балансом износ основных средств. Налоговой базой по данному налогу является остаточная стоимость основных средств организации.

Некоммерческие организации, независимо от того, осуществляют они коммерческую деятельность или нет, имеют все права и обязанности плательщиков **налога на добавленную стоимость** (НДС) в соответствии с порядком, предусмотренным главой 21 «Налог на добавленную стоимость» НК РФ. Этим видом налога облагаются только те средства, поступление которых связано с осуществлением расчетов за реализованные товары (работы, услуги) (ст.146, 153, 162 НК РФ). Поэтому целевые средства, полученные организацией, не являются объектом обложения НДС, *если они не связаны с реализацией*.

Передача основных средств, нематериальных активов и (или) иного имущества некоммерческим организациям на осуществление основной уставной деятельности, не связанной с коммерческой деятельностью, не признается реализацией товаров, работ, услуг. Независимо от того, кто передает имущество в адрес НКО на уставную некоммерческую деятельность, передающая

сторона НДС платить не должна, так как данная операция не является реализацией.

В случае реализации некоммерческими организациями основных средств, нематериальных активов и иного имущества, полученного на осуществление уставной деятельности сторонним организациям или физическим лицам, НДС исчисляется и уплачивается в *общеустановленном порядке*.

При безвозмездной передаче товаров (работ, услуг) коммерческим организациям и физическим лицам у НКО возникает объект налогообложения по НДС, поскольку, согласно п.1 ст.146 НК РФ, передача права собственности на товары, результаты выполненных работ, оказание услуг на безвозмездной основе в целях исчисления НДС являются реализацией товаров (работ, услуг). Освобождаются от обложения НДС только безвозмездная передача товаров, выполнение работ, оказание услуг в рамках *благотворительной* деятельности в соответствии с Законом № 135-ФЗ (пп.12 п.3 ст.149 НК РФ). Соответственно, в целях исчисления НДС не следует отождествлять передачу имущественных прав с реализацией услуг.

В налогообложении некоммерческих организаций расширен перечень операций, не облагаемых НДС (п. 2 ст. 149 НК РФ):

- услуг по уходу за больными, инвалидами и престарелыми (подп. 3);
- услуг по дошкольному и внешкольному образованию детей (подп. 4);
- продуктов питания, произведенных столовыми либо реализуемых им организациями общественного питания (подп. 5);
- услуг в сфере образования (подп. 14);
- услуг в сфере культуры и искусства (подп. 20).

В частности, подпунктом 14.1 предусмотрена новая группа операций, освобождаемых от **налогообложения некоммерческих организаций** — *реализация услуг, связанных с социальной защитой населения*. Также не облагается НДС безвозмездное оказание услуг по производству и (или) распространению социальной рекламы при соблюдении определенных ограничений на упоминание о спонсорах (подп. 32 п. 3).

Социальные взносы. При определении налоговой базы учитываются любые выплаты и вознаграждения, в том числе в натуральной форме. Налоговая база определяется отдельно по каждому физическому лицу с начала налогового периода по истечении каждого месяца нарастающим итогом.

Не подлежат налогообложению: государственные пособия и все виды компенсационных выплат (в пределах норм, установленных в соответствии с законодательством РФ), выплачиваемых в соответствии с законодательством РФ, законодательными актами субъектов РФ, решениями представительных органов местного самоуправления, в том числе пособия по временной нетрудоспособности, пособия по уходу за больным ребенком, пособия по безработице, беременности и родам (подпункт 1 п. 1 ст. 238 НК РФ). В налоговую базу (в части суммы налога, подлежащей уплате в Фонд социального страхования РФ) не включаются также любые вознаграждения, выплачиваемые физическим лицам по договорам гражданско-правового характера, авторским договорам (п.3 ст. 238 НК РФ).

Для НКО, не относящихся к льготной категории страхователей, с 2012 г. установлена ставка страховых взносов на уровне 30% для зарплат за год 512 тыс. руб. С выплат, превышающих 512 тыс. руб., будут взиматься взносы по ставке

10%. Для льготных категорий налогоплательщиков, которые в 2011 г. уплачивали страховые взносы по совокупному тарифу в размере 26%, ставка снижена до 20% от суммы выплат на одного работника в размере до 512 тыс. руб. в год. Одновременно установлен тариф в размере 7% от суммы выплат, превышающий установленный предел. Льготный тариф в указанном размере предполагается дополнительно ввести в отношении НКО, работающих в области социального обслуживания населения, а также благотворительных организаций.

Освобождена от налогообложения оплата НКО, одной из целей деятельности которых является содействие охране здоровья граждан, услуг по лечению лиц, не состоящих с ними в трудовых отношениях, а также за приобретенные ими лекарственные средства для указанных лиц (п. 10 ст. 217 НК РФ). Расширены права детей в связи с получением помощи, предусмотренной п. 26 ст. 217 НК РФ. А именно: *не облагаются доходы детей, оставшихся без попечения родителей*. И в то же время источником необлагаемой помощи могут выступать любые некоммерческие организации.

Расширен круг некоммерческих организаций, пожертвования которым в 2012 г. можно включить в состав социальных налоговых вычетов (подп. 1 п. 1 ст. 219 НК РФ). В частности, действующий перечень дополнен социально ориентированными организациями, а также организациями, ведущими деятельность в области просвещения, защиты прав и свобод человека, социальной и правовой поддержки и защиты граждан.

В *общественных организациях инвалидов* при выдаче материальной помощи инвалидам, налогоплательщик может воспользоваться льготой, указанной в подпункте 28 ст. 217 НК РФ, в пределах 4 000 рублей выданной суммы в течение налогового периода. Также дети-инвалиды и инвалиды I и II группы вправе воспользоваться стандартным налоговым вычетом в размере 500 рублей ежемесячно на основании пп.2 п.1 ст.218 НК.

Путевки, предоставленные за счет средств НКО, одной из целей деятельности которых является социальная поддержка и защита граждан, не способных самостоятельно реализовать свои права и законные интересы в силу своих физических или интеллектуальных особенностей, не облагаются налогом, (п. 9 ст. 217 НК РФ).

Таким образом, цели и задачи некоммерческой организации, сформулированные в ее уставе, непосредственно влияют на порядок налогообложения прибыли. Если организация создана, например, в организационно-правовой форме учреждения или автономно (АНО) специально для оказания платных образовательных услуг, то все понесенные ею расходы могут считаться прямыми, связанными с извлечением дохода. Необходимости относить расходы на содержание аппарата управления за счет целевых поступлений либо прибыли, остающейся в организации после уплаты налога на прибыль, у такой организации нет.

В сложившихся обстоятельствах для многих НКО применение упрощенной системы налогообложения (УСН) может стать единственным способом выживания организации. Действующий порядок налогообложения прибыли таков, что значительная часть НКО фактически лишена возможности получать безналоговые поступления. Например, АНО, не занимающиеся благотворительной деятельностью, образованием, наукой, культурой или охраной окружающей среды, обязаны все безвозмездные поступления включать в налоговую базу по налогу на прибыль, ибо эти поступления признаются внереализационным дохо-

дом. В аналогичной ситуации находятся некоммерческие партнерства, союзы, ассоциации. Для таких организаций переход на УСН выгоден. Также экономически выгодно перейти на УСН организациям, осуществляющим коммерческую деятельность или имеющим долю расходов по заработной плате более 20%. Чем выше процент заработной платы в структуре расходов организации, тем больше экономия. В связи с отменой льготы с 1 января 2004 г. по налогу на имущество для всех НКО экономия по налогам будет еще выше. При переходе на УСН отсутствуют и проблемные вопросы по исчислению и уплате НДС.

Организации, перешедшие на УСН, платят *единый налог* в размере 6% с дохода или 15% с дохода, уменьшенного на величину расходов. Единый налог заменяет собой налог на прибыль организаций, налог с продаж, налог на имущество организаций, социальные взносы и НДС. Страховые взносы на обязательное пенсионное страхование, а также страховые взносы на обязательное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний уплачиваются в общем порядке.

Основным недостатком *упрощенной системы налогообложения* является социальная незащищенность сотрудников НКО, так как организации, применяющие УСН, не перечисляют налоги в Фонд социального страхования РФ. И в случае болезни сотрудника пособие по временной нетрудоспособности выплачивается за счет средств Фонда социального страхования только в части суммы пособия, не превышающей за полный календарный месяц одного минимального размера оплаты труда, установленного Федеральным законом. Оставшуюся часть пособия НКО обязана выплатить за счет собственных средств. Для оплаты больничного листа в полном размере за счет средств социального страхования НКО может добровольно уплачивать страховые взносы в размере 3% налоговой базы, определяемой, как для единого социального налога.

В целом в России налоговый статус некоммерческой организации во многом зависит от ведения или отсутствия предпринимательской деятельности. НКО должны обратить особое внимание на ограничения, которые могут быть связаны с их организационно-правовой формой, отсутствием статуса благотворительной организации и другими факторами, в результате чего указанные доходы могут быть выведены для них из налоговой базы.

Список литературы

Гражданский кодекс РФ (часть 2).

Налоговый кодекс РФ (часть вторая).

Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях».

Федеральный закон от 30.12.2006 № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций».

ИЗ ИСТОРИИ ПРАВОВОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

О.Г. Егоров

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРАВОВЫХ ВЗГЛЯДОВ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

ЕГОРОВ Олег Георгиевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы МГГЭИ (e-mail: Egorov@list.ru).

Аннотация. *Показан путь становления правовых взглядов писателя М.Е. Салтыкова-Щедрина — от обобщения правовой практики в провинции, опытов создания правовых документов до критики всей правовой системы России.*

Ключевые слова: *Салтыков-Щедрин как правовед, реформы 1860-х гг., художественная литература и право, критика правовых порядков.*

Русская литература — богатый пласт неформализованного научного знания. Она обладает не только нравственно-эстетическим зарядом неиссякаемой силы, но в ней значителен элемент художественно-*исследовательского* познания и объяснения мира. Интерес социологов и правоведов к русской классической литературе как источнику научных исследований по различным обществоведческим и юридическим проблемам был высок на протяжении всей второй половины XX в. и остается сегодня.

Проблема права занимала в русской литературе одно из центральных мест на протяжении полутора веков. От А.Н. Радищева до М. Горького она ставилась сначала как проблема *крепостного права*, а потом как проблема исконных *прав личности*. Русские писатели оказали значительное воздействие на *формирование правовых представлений в обществе*.

В тесном взаимодействии с русской литературой проходила профессиональная деятельность представителей старой правовой школы (И.С. Аксаков, К.Д. Кавелин, А.М. Унковский). Пореформенная школа правоведов дала русской литературе плеяду видных литераторов, критиков и писателей (К.К. Арсеньев, С.А. Андреевский, А.Ф. Кони).

Русские писатели откликнулись на крупнейшие судебные процессы эпохи, оставив замечательные образцы художественных и публицистических исследований сложных правовых проблем (дело Нечаева, игуменьи Митрофании, Кронеберга, Мултанское дело, дело Бейлиса). Эти и другие многочисленные факты побудили научное обществознание сделать следующий фундаментальный вывод: «Возрастает значение обучения и воспитания социологов с использованием отечественной художественной литературы, в особенности той, что затрагивает корневые проблемы социально-исторического, духовно-культурного развития российского общества» [Григорьев, 2009].

Писателем, внесшим неоценимый вклад в разработку правовых идей, был *Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин*. Еще в начале его творческого пути и скептики, и сторонники его творческого метода верно определили направлен-

ность и специфику его произведений. И.С. Тургенев литературу этого жанра назвал «исправительной» и «полицейской», а критик Н.А. Добролюбов признал Салтыкова-Щедрина «основателем юридической беллетристики». Сам Щедрин понимал роль литературы в обществе гораздо шире, чем сторонники художественно-эстетического подхода: «Литература составляет, так сказать, достоверный документ, на основании которого всего легче восстановить характеристические черты времени и узнать его требования» [Салтыков-Щедрин, т. 5: 455]*.

Слова писателя оказались пророческими (по крайней мере применительно к его собственному творчеству), и уже в наше время его наследие оказалось под пристальным вниманием обществоведов. Особый интерес, по словам социологов Ю.Е. Растова и Р.А. Трофимовой, «представляют социально-психологические и социально-нравственные романы, повести и очерки второй половины XIX в. М.Е. Салтыкова-Щедрина». На их базе оказалось возможным «воссоздать системную картину социального распада и социально-демографического вырождения российского дворянства, а также начала капиталистического разложения крестьянства» [Растов, Трофимова, 2009]. Эти же методы вполне применимы и к анализу *правовых идей в произведениях Салтыкова-Щедрина*, тем более что вопросы права интересовали писателя с самого начала его творческого пути во второй половине 1840-х годов.

Салтыков-Щедрин вошел в русскую литературу как сатирик, критик *правовых* порядков, не отвечающих требованиям гуманизма, справедливости и равенства. Его произведения наполнены словами и крылатыми выражениями, обличающими *неправедные* порядки, поведение и взгляды: «административная затрещина», «учинить бородотрясение», «зубы в пепел обращу», «витязи уездного правосудия», «обольстительные юристы училища правоведения» и т.д. Правда, это только верхний слой его сатиры. Литературное наследие и служебная деятельность писателя заключают в себе богатейший источник правовых идей, проектов, исследований и дел, представляющих исторический и актуальный интерес.

Вся деятельность Щедрина с точки зрения права отчетливо делится на две части — служебную и литературную. Состоя на государственной гражданской службе двадцать лет, Салтыков-Щедрин на всех постах проводил в жизнь идеи законности, правопорядка, защищал несправедливо обиженных и преследовал произвол и беззаконие. «Он пресек немало чиновничьих плутней, разоблачил и покарал не одного взяточника, вернул общественному владению обревизованных им городов <…> немало средств и имущества, присвоенных «отцами города» <…>» [Макашин, 1951: 314].

Как писатель и публицист, руководитель крупнейшего литературно-художественного журнала эпохи «Отечественные записки» Щедрин нарисовал правдивую картину беззаконий, служебных и бытовых преступлений, выдвинул ряд прогрессивных идей по местному самоуправлению, организации земской полиции, взиманию налогов и др.

Щедрин отчетливо сознавал острую необходимость распространения правовых знаний среди широких слоев населения. Он поддерживал контакты с тверской оппозицией в период проведения крестьянской реформы, был лично зна-

* Здесь и далее в сносках указываются лишь тома и страницы Собрания соч. и писем автора, изданного в 1965–1977 гг.

ком с видными юристами эпохи. Неслучайно первым биографом писателя стал известный юрист второй половины XIX— начала XX в. К.К. Арсеньев.

По своим идейно-политическим взглядам Щедрин не был ни славянофилом, ни западником. Он был воспитан в духе демократических идей 1840-х гг. как западных, так и отечественных. Он всегда считал себя учеником французских социалистов-утопистов (прежде всего Ш. Фурье) и Белинского, с «Письмом к Гоголю» которого был знаком по кружку петрашевцев. Строки этого письма о том, что России нужны «права и законы, сообразные <…> с здравым смыслом и справедливостью и строгое по возможности их исполнение», стали путеводной идеей писателя на всю жизнь.

Как уже отмечалось, интерес Щедрина к вопросам права проявился очень рано и оставался неизменным на протяжении всего более чем сорокалетнего творческого пути. Он выражался в разных формах: изучение трудов по юриспруденции, а также различных правовых институтов; составление проектов правовых реформ; анализ конкретных правовых ситуаций и составление на их материале практических рекомендаций для государственных органов. Все эти формы работы представляли собой «пропаганду на юридической почве» [Макашин, 1972: 237].

В середине 1840-х годов Щедрин, чиновник канцелярии военного министерства, увлекся историей уголовного права. Он занимается пенитенциарной системой и выписывает из-за рубежа несколько сочинений о состоянии тамошних тюрем. Будучи сосланным в Вятку, он набрасывает несколько критических и полемических заметок под заголовком «Об идее права», намереваясь развить их в целое сочинение. Параллельно начинающий писатель изучает труды и биографию знаменитого итальянского юриста Ч. Беккарии. В этих разрозненных заметках *идея права представлена как категория демократическая, плод народного законотворчества*: «Если нравы народа мягки, — заключает Щедрин, — если в сознании народа живет идея правды, то законодатель является не исключительным запретителем или равнодушным карателем известной категории действия, называемых преступлениями <…> Редко случается так, что уголовный кодекс является не продуктом народной жизни, а чем-то случайным, внешним, применимым к народу без всякой живой с ним связи. Такие факты никогда не проходят даром; рано или поздно народ разобьет это прокрустово ложе, которое лишь бесполезно мучило его» [цит. по: Арсеньев, 1894, L].

Во время семилетней вынужденной службы в Вятке Щедрин не ограничился теоретическими изысканиями. Он принял деятельное участие в служебных расследованиях юридических дел и представил по начальству свои соображения относительно законодательных и превентивных мер с целью недопущения в будущем острых конфликтов в этой сфере. Одним из примеров таких действий стал доклад Щедрина по делу о беспорядках крестьян Слободского уезда Вятской губернии в 1852 г. Биограф писателя правовед К.К. Арсеньев так квалифицировал значение этого доклада: «Настаивая на передаче камской оброчной статьи соседним крестьянским обществам, Салтыков предугадал тот путь, на который наше законодательство вступило, и то не вполне, только по прошествии трех десятилетий» [Арсеньев, 1894: XLVII].

По возвращении из ссылки, в период подготовки крестьянской реформы, Щедрин составляет Записку об административной реформе. Суть ее заключалась в том, что писатель все надежды возлагает на земство, то есть на местное

самоуправление из представителей всех сословий. К.К. Арсеньев так прокомментировал значение этой Записки: «В главном, общем цели и пути указаны Салтыковым совершенно верно, и рано или поздно могут осуществиться некоторые из его желаний» [Арсеньев, 1894: LXVIII].

В целях пропаганды правовых знаний Щедрин по выходе в отставку в начале 1860-х годов намеревается издавать журнал «Русская правда», название которого ассоциировалось с названием сборника норм древнерусского права. Издание не было разрешено, но сохранилась его программа, составленная Щедриным. Главная цель журнала, считал он, «составляет: утверждение в народе деятельной веры в его нравственное достоинство и деятельного же сознания естественно проистекающих отсюда прав».

В данной формулировке необходимо выделить нравственный аспект. Не будучи ни правоведом, ни законодателем de professio, Щедрин всегда *рассматривал правовые проблемы в тесной связи с нравственными нормами*. На закате жизни он четко сформулировал эту позицию в письме редактору газеты «Daily news»: «В продолжение всей моей литературной карьеры, то есть уже в течение около сорока лет, я никогда не брал на себя защиты особой формы правления, предпочтительно перед другой, и всегда ограничивался исключительно обсуждением вопросов чисто нравственного характера» [т. 20: 92].

Щедрина не устраивала юридическая формалистика западного типа, не дополненная нравственным компонентом. Правовые нормы, при всей их автономности, должны иметь в виду такие понятия, как совесть, честь, стыд и т.п., а идеалы демократизма соотноситься с нравственными ценностями. В этом заключается *своеобразие правовых взглядов писателя*. С этих позиций он выдвигал правовые идеи и ставил правовые проблемы в своих произведениях.

Все творчество Салтыкова-Щедрина, с точки зрения сформулированной темы, четко делится на две части, две группы произведений. К первой относятся произведения, описывающие эпоху крепостного права; ко второй — жизнь пореформенной России. Основополагающая идея Щедрина состоит в том, что с юридической отменой крепостного права прежние порядки, строй жизни, механизм «закрепощения» огромной массы населения (29 млн. чел.), хотя и видоизменились, но сохранили свою сущность: «<…> несмотря на изменившиеся формы общественных отношений, сущность их осталась нетронутою» [т. 17: 9].

Причины такого положения дел заключаются в архаичности местного управления, большой степени инерции прежних порядков, превратного толкования новых правовых установлений, исходящих из громадного недостатка правовых знаний у правящего меньшинства и полного правового невежества большей части населения.

Крепостнические *порядки* сохраняются в практике проведения новых законов и в сознании как их проводников, так и подчиненной массы. Повсюду «слышится наше стародавнее воззрение на права и преимущества административной власти, в силу которого действия ее и произвол являлись понятиями совершенно однозначащими» [т. 5: 106]. Новая эпоха создала множество лазеек, путей и механизмов, позволяющих безнаказанно нарушать закон. Щедрин приводит характерный пример, когда мировой посредник был жестоко избит компанией таких же посредников, дворян прямо на собрании за то, что лишь последовательно проводил положения Манифеста. Все эти явления в сфере применения права Щедрин называет современными призраками.

Живучесть архаичного правового мышления и порядков Щедрин объясняет исторически. Он отказывает крепостному праву как юридическому установлению в легитимности и с этих позиций критикует тех публицистов и писателей, которые идеализируют былые «патриархальные» отношения, экстраполируя их бытовые формы на пореформенную эпоху. Щедрин видит в этой архаизирующей тенденции не белее, чем художественный вымысел. «<…> Если и существовала когда-либо патриархальность, — полемизирует он со сторонниками идиллических взглядов на отношения помещиков и их крепостных, — то она совсем не была результатом естественно установившихся и для обеих сторон равно любезных отношений, а просто насильственной формой, которую одна сторона предлагала, потому что могла предлагать, а другая принимала, потому что не могла не принять» [т. 6: 265]. Для носителей крепостнического правового сознания (и бар, и холопов в равной мере) подобные отношения были «символом, за которым пряталась идея о *праве и долге*» [т. 10: 293].

Здесь, как и в других аналогичных ситуациях, Щедрин сталкивает юридические и нравственные понятия. Их независимость является мнимой. В практической сфере они *взаимообусловлены*. Абсолютизация права приводит к столкновению с нравственными нормами, за которым видится его несовершенство: «<…> Я помню, что у меня были «права», и притом в таких безграничных размерах, в каких никогда самая свободная страна в мире не может наделить излюбленнейших детей своих <…> Насколько такие «права» нравственны или безнравственны <…> я охотно разрешаю в отрицательном смысле <…> <они> суть вопросы высшего порядка, которые и натурам свойственны высшим. Средний же культурный человек, даже в том случае, ежели чувствовал кругом себя виноватым <…> ясно понимал только одно, что за пределами крепостного права его ждет неумелость и беспомощность» [т. 13: 362].

За пределами «культурной» среды крепостное право породила такой тип поведения, который Щедрин именует *двоегласием.* Оно заключается в приложении категорий сословной морали к тем или иным правовым поступкам. Нравственность приспосабливалась к праву, теряя общечеловеческий характер и ориентируясь на корпоративные ценности. «Нам сдавалось, — пишет Щедрин о носителях подобной «идеи» права, — что убеждения составляют нечто постороннее, сложившееся силою внешних обстоятельств <…> а отнюдь не причастное жизненной работе каждого из нас. Если требовалось <…> сделать оценку известного поступка <…> <то> лежали всегда готовые к нашим услугам связки старых дел, надписи на которых гласили: убеждения дворянские, убеждения мещанские, убеждения холопские. Кодекс <…> условной нравственности <…> и условной справедливости был весь тут налицо <…>» [т. 3: 257].

Былое двоегласие породило тип ловкого *адвоката новой формации,* для которого правовая истина — относительна, а нравственность вообще выведена за ее пределы. Все это формирует упрощенный взгляд на гражданское судопроизводство. «Если бы не было полной свободы воззрений на гражданскую истину, — утверждает такой адвокат, — не существовало бы громады сочинений по каждому вопросу гражданского права, не было бы, наконец, и самого процесса» [т. 11: 239].

Законодательство эпохи крепостного права создало массу нарушений, с которыми трудно было бороться по той причине, что их совершали сами служители Фемиды. Произведения Щедрина представляют собой своеобразный па-

ноптикум, в котором собраны образцы всех чинов, стоящих на службе закона: исправники, следователи, земские судьи, становые приставы и мелкая судебная сошка. Плутни этих героев грабежа, мастерски изображенные Щедриным, потрясли в свое время всю читающую Россию, да и сегодня служат не только историческим материалом.

Сила созданных писателем картин заключается не только в их правдивости. Щедрин показал, что *никакие законы не могут эффективно функционировать в обществе, члены которого — исполнители этих законов — не имеют прочных нравственных устоев*, легко поддаются соблазнам, вытекающим из сложившихся порядков: «Следственную часть вы знаете, — признается один из служителей закона, — в ней представляется столько искушений, если не для кармана, то для сердца, что трудно овладеть собой надлежащим образом» [т. 2: 269]. А вот признание старообрядца: «От самой <…> утробы материнской и до самой смерти земская полиция неотступно за нами следила <…> стерегла она стадо наше и получала от того утеху великую. Первая была мзда за нехождение, вторая за сожительство, третья за некрещение, четвертая за погребение не по чину» [т. 2: 371].

Щедрин вскрыл сущность механизма, позволявшего повсеместно нарушать закон и порядок. Этот механизм строился на двух симметричных началах — круговой поруке «пастырей» и превратном понимании *права* «стадом». Нарушение закона не осознавалось как беззаконный поступок, а воспринималось как *должное*. «Начальник края находится под контролем весьма нелегким; за ним надзирает и губернский штаб-офицер, и губернский прокурор, — а между тем чувствует ли он это? Нет <…> ибо, с другой стороны, штаб-офицер и прокурор находятся и под его контролем <…> Сойдутся вместе, переговорят между собой ладком, ан, смотришь, и прекратятся разом все недоразумения <…>» [т. 3: 404]; «<…> места советников казенных палат <…> считались самыми завидными. Хотя грабеж шел неусыпный, но так как он был негромкий, то со стороны казалось, что это не грабеж, а получение желаемого <…> И откупщики, и заводчики, и винные пристава — все приносили от избытков своих, а тот, кто терпел, — не жаловался, да и вряд ли и понимал, что терпит» [т. 10: 234].

Фундаментальными *недостатками законодательства и его отправления*, по мнению Щедрина, являются зыбкость, нечеткость его основополагающих формул и дефектность правосознания самих законодателей. Первый изъян способствует вольному обращению с буквой закона, его превратному толкованию: «<…> Невозможность жить есть признак такого общественного строя, в котором обязательная сила закона находится в зависимости не от большей или меньшей ясности заключающихся в нем предписаний, а от применений и толкований, которые являются обыкновенно независимо от закона, со стороны, и которые <…> предвидеть <…> нельзя» [т. 7: 438].

Поскольку законодательство имеет пассивную и активную стороны, то есть, с одной стороны, является актом творчества, с другой — само формирует взгляды носителей правовых знаний, — то *неточность* смыслосодержания законодательных формул воспитывает правоведов, для которых *двоемыслие* становится нормой профессиональной деятельности. В книге «За рубежом» Щедрин приводит факт из своей учебы в Александровском (Царскосельском) лицее, связанный с именем известного правоведа профессора Я.И. Баршева, который читал будущему писателю курс уголовного права и судопроизводства. На своих

лекциях он утверждал, что такая форма телесного наказания, как кнут, есть благо для наказуемого. Когда же кнут в законодательном порядке заменили трехвостой плетью, то почтенный профессор «целую лекцию сквернословил, ка́к скорбела высшая идея правды и справедливости, когда она осуществлялась в форме кнута, и ка́к она ликует теперь, когда <…> ей предоставлено осуществляться в форме треххвостой плети <…>» [т. 14: 55].

Подобные казусы Щедрин, однако, не считает следствием только российского законодательства. С той же силой критики он обрушивается и на современное ему (1880-е годы) законодательство Запада: собранные в Берлинском университете со всех концов Германии ученые знаменитости «устраивают обстановочку (по аналогии с тем, что говорил Баршев, — *О.Е.*), придумывают оправдательные теории в пользу совершившихся фактов и скромно пользуются присвоенным им отличным содержанием. Но влияния на ход жизни они не имеют и никого для будущего не воспитают» [т. 14: 56].

Из подобных фактов вытекает то печальное положение дел, когда служители Фемиды поступают на службу, будучи неподготовленными к такого рода ответственному посту: «<…> лишенные всякой дельной подготовки, мы отнюдь, однако же, не сомневаемся, что можем управлять судьбами, если не целого мира <…> то, по крайней мере, одного из его захолустьев <…>» [т. 3: 530].

Одной из важнейших задач в деле установления правопорядка Щедрин считал *распространение правовых знаний и профессиональную юридическую подготовку служителей закона*. Практика повсеместно показывала, что многочисленные случаи произвола являются следствием правового невежества даже культурного слоя. Средний культурный человек выработал ряд формул бытового поведения, которые заменяли ему и уложения о наказаниях, и другие законодательные и подзаконные акты: «Секут не по закону, а по обычаю» [т. 3: 25]; «Юридическое образование их ограничивалось: по части прав и состояния — отсылкой грубиянов на конюшню или в часть, а по части гражданских прав — выдачею заемных писем и неплатежом по ним» [т. 3: 525].

Крестьянская, судебная и муниципальная реформы 1860-х годов не внесли существенных изменений в дело подготовки квалифицированных кадров для юстиции. Голод на них ощущался в пореформенную эпоху не меньше, чем прежде. Об этом свидетельствуют сложные ситуации, изображенные Щедриным в произведениях, которые относятся к разным историческим эпохам: «Ан и выходит, что во всяком деле мало одной честности да доброй воли: нужна тоже добросовестность, нужно знание», — признается дореформенный ратман местного магистрата [т. 2: 257]. А вот размышления о профессиональных качествах своего сословия пореформенного интеллигента из дворян: «К земству примкнуть — но мы не знаем, как гать построить и где канаву вырыть <…> В мировые судьи выбираться — но мы не только законов не знаем, а просто двух фраз толково связать не можем <…>» [т. 10: 541].

Помимо профессиональных знаний в деле установления власти закона требуются решительность, *гражданская смелость, непримиримость к устарелым формам жизни.* Щедрин выступает сторонником решительных действий: только так можно побороть зло беззакония: «Нельзя мириться с жизнью <…> потому что она ни одним из своих благ не поступится иначе, как с бою <…> Покуда мы не объявим себя в пользу деятельности воинствующей, мы напрасно станем кичиться нашими честными убеждениями <…>» [т. 4: 251]. И Салтыков, уже

не как писатель Щедрин, а как чиновник высшего ранга, не ограничиваясь призывами, применяет эту тактику в действии.

В конце 1850-х — начале 1860-х годов, сначала среди общественности Рязанщины, а потом и во всероссийской печати, прогремело дело Хлудовых. Напуганные грядущей крестьянской реформой, помещики стали совершать незаконные сделки по продаже крестьян с целью завладения их земельными наделами. Группа помещиков Егорьевского и Зарайского уездов Рязанской губернии совершила преступную аферу в компании с богатейшими фабрикантами этой губернии Хлудовыми. Помещики выдавали своим крестьянам фальшивые отпускные свидетельства и разрешали им работу на хлудовских предприятиях. Хозяева нещадно эксплуатировали крестьян, среди которых были даже 12-летние девочки. Полуголодное существование и побои вынудили крестьян обратиться с жалобой к губернатору.

В это время Салтыков-Щедрин был рязанским вице-губернатором. Под его непосредственным наблюдением производилось следствие по делу о хлудовской афере. Как вытекает из произведенного дознания, в афере был замешан «весь цвет как служащих, так и выгнанных из службы подьячих» Егорьевска, «а в деле этом открылись бесчисленные подлоги и преступления со стороны должностных лиц» [т. 5: 91–92]. Как второе лицо в системе губернской власти, вице-губернатор Салтыков проявил твердость и решительность в хлудовской истории, заявив в печати, что «весь губернский синклит не заставит его сделать что-либо противное его убеждению» [т. 5: 97].

Судебная реформа 1860-х годов породила надежды на установление власти закона и демократизацию самого этого института. В суд притекло новое поколение деятелей, которое, однако, оказалось не на высоте положения в силу своей внутренней неподготовленности. Работники новых учреждений показали свою *несостоятельность*, потому что «их пленяла только красивая сторона дела». Громадность новых задач оказалась несоразмерной усилиям и намерениям псевдолиберальной интеллигенции. «Относительно судебной реформы опять то же пристрастие не к существенной, а к красивой стороне дела, — горько сетует Щедрин, — то есть к гласности и устности, которые дают большой простор талантам. Понятно, с каким изумлением должны были увидеть эти господа, что живое дело никогда не ограничивается одними красивыми сторонами, а прежде всего выступает наружу существом, которое в нем заключается» [т. 9: 15].

Щедрин выделяет две причины *торможения реформ*. Первую он усматривает в живучести крепостнических порядков, заявляющих о себе на протяжении 15-ти пореформенных лет: «Да, крепостное право упразднено, но еще не сказало своего последнего слова. Это целый громадный строй, который слишком жизнен, всепроникающ и силен, чтобы исчезнуть по первому манию. Обыкновенно, говоря о нем, разумеют только отношения помещиков к бывшим крепостным людям, но тут только одна капля есть <…> Капля устранена, а крепостное право осталось» [т. 12: 403].

Пороки *прежнего строя поразили и властные институты*. Эти пороки передались по наследству и новым учреждениям. Главным их недостатком Щедрин считает отсутствие созидательной способности. Дефицит творчества — вот вторая причина, мешающая проводить реформы. «Я не хочу утверждать, — пишет Щедрин через 25 лет после крестьянской реформы, — что нынешняя админи-

страция плоха <…> я говорю только что она, подобно своей предшественнице, лишена творческой силы» [т. 16: II, 38].

Условием позитивных сдвигов в государственном управлении Щедрин считает подъем уровня общественного сознания и благосостояния. Только так можно поставить на службу человеку силы природы и усвоить результаты этого процесса.

Щедрин *критически оценивал пореформенное законодательство*. Гласность судов, соревновательность процесса, наличие защиты не компенсируют отсутствия в законах разделов, относящихся к психологической мотивировке преступлений, того, что «наименее уловимо для общего оценочного уровня» и что «требует со стороны обвинителя <…> более строго внимания» [т. 9: 122]. Прямые улики, полагает Щедрин, не всегда могут служить доказательством вины. Поэтому строгий «к предостережениям собственной совести» судья, зная об этом изъяне в законодательстве, «не решится требовать обвинительного приговора, не взвесивши предварительно всех доказательства pro и contra». Законодательство, лишенное гуманитарного начала, ориентированное на юридическую формалистику, а не на живую человеческую личность, по мнению Щедрина, породит «сумрак законов, то есть такие законы, которые, с пользою занимая досуги законодателей, никакого внутреннего касательства до посторонних лиц иметь не могут» [т. 8: 359].

Подобные претензии Щедрин предъявляет не только к российской юстиции. Сокрушительной *критике он подвергает западные права и законы*. Щедрин никогда не переставал считать Францию родоначальницей прогрессивных социальных идей. Тем не менее он выражает сомнение относительно такого «неотъемлемого приобретения» республиканской формы правления, как всеобщее избирательное право. Во-первых, такое право существовало и «во времена бандита» Наполеона III и «неизменно отвечало «да», когда последний этого желал» [т. 14: 160]. Во-вторых, современные политические деятели Франции, защищающие интересы собственников, «отяжелели и ожирели». В проводимых ими законах нет окрыляющих идей, но есть лишь «личный расчет», корысть. Поэтому современную ему Францию писатель называет «республикой без республиканцев».

Щедрин видит два серьезных препятствия на пути строительства нового законодательства. Оба они проистекают из «невыработанности понятий о правде и праве» [т. 7: 240]. Два главных сословия государства — податное и освобожденное от податей — живут разными представлениями о своих правах. Привилегированное сословие всюду стремится придерживаться понятий «вотчинного» права, представляющего собой формулу: «сильный против бессилия, бессильный против силы» [т. 7: 242]. Такой порядок царствует преимущественно в провинции, где власть закона ослаблена. Здесь еще не изжито наследие прежнего произвола и однообразия жизненных условий. Искоренение этого позорного явления нужно начинать с осознания «себя воистину человеком <…> нужно признать права одного голоса и несостоятельность другого. Одним словом, нужно начать борьбу» [т. 14: 81] за «права новые, предъявляющие иск не перед судом привычки и закоснелого предрассудка, а перед судом разума и общественной совести» [т. 7: 240].

Рядом с «вотчинным» правом существует *право традиционное*, по законам которого живет еще громадное большинство народа, крестьян. Этот вид права не учитывался при подготовке реформы, что и затормозило ее проведение.

Сущность традиционного права состоит в том, что народ «не умеет обобщать <в масштабах государственной необходимости> и всего себя приурочивает к общине, к волости и, в крайнем случае, к своему уездному городу».

В этом деле решающее слово принадлежит правительству, которое как «высшее выражение государства» «несет на себе все ответственность за него». Оно обязано входить в нужды народа и устраивать его благосостояние при непременном условии соблюдения государственных интересов. Правительство должно наблюдать за тем, чтобы «внутренние распорядки» крестьянского сословия (традиционное право) «отнюдь не противоречили высшим государственным соображениям» [т. 11: 463].

Сделать это можно при развитии и распространении *самоуправления.* Начиная с 1860-х годов, Щедрин был сторонником земской реформы, которая, по его мнению, ускорила бы преодоление пережитков крепостного права и традиционного правового мышления. В земстве все его элементы «найдут своих естественных представителей и защитников», а «значение бюрократии будет ограничено единственно сферой государственных интересов» [т. 5: 80]. Существующие становые управления устраняют коллегиальное начало и дают большую власть личному произволу. *Расширение самоуправления будет служить гарантией неотъемлемых личных прав человека*. «Право на обеспечение человеческой личности и на свободу человеческого труда, право на неприкосновенность домашнего очага — все это <…> простые и удобопонятные права, — резюмирует Щедрин. — Чтобы пользоваться этими правами, не требуется ни особой мудрости, ни чрезмерных усилий; нужно только чтобы они были под руками» [т. 7: 273].

Щедрин внимательно следил за ходом реформ 1860–70-х гг. Его выступления в печати по этому вопросу носили регулярный характер. Он уделял ему внимание в журнальной полемике, в художественно-публицистических циклах «Наша общественная жизнь» и «Благонамеренные речи», а также в художественных произведениях. После крестьянской реформы наибольший интерес Щедрин проявил к реформе судебной. Призванные покончить с прежним произволом, новые суды, однако, произвели на свет новые злоупотребления. Их быстрое распространение писатель связывает с типом нового судебного деятеля.

На начальном этапе *судебная реформа* испытывала дефицит в кадрах. Как образно выражается писатель, «до сих пор были только звери, а теперь понадобились *люди*» [т. 10: 181]. Но качество такого человеческого материала, который заполнил новые судебные учреждения, не отвечало их задачам. В процессе подготовки кадров правовые учебные заведения столкнулись с превратным пониманием будущими правоведами своих обязанностей и роли в обществе. Общая атмосфера, в которой они воспитывались, сформировала у них лишь *потребительский инстинкт*: «<…> Лестная обязанность ограждать невинного, защищать попранное право <…> сопровождалась тысячными купюрами, пением, танцами, увеселительными прогулками <…> Дальше рубля взор ничего не видит» [т. 10: 182].

Обобщая происходящую в судебном мире профессиональную дифференциацию, Щедрин рисует сатирическую галерею адвокатов, прокуроров и судей. Такая классификация основывается на видах деятельности и способах *извлечения материальной выгоды той или иной разновидности служителей Фемиды.* «Благородные отцы», например, занимают места конкурсных председателей и

юрисконсультов при аукционных предприятиях: «Четыре-пять хороших конкурсов и столько же юрисконсультских мест — и положение человека обеспечено» [т. 11: 494]. Затем Щедрин выделяет такие разновидности адвокатов-стяжателей, как «злодеи», «адвокаты-пауки», «адвокаты-ищейки» и «адвокаты-свободомыслящие». Всех их объединяет безродность и выполнение своих обязанностей «с хладнокровием и рассчитанностью вполне искушенных профессиональных жуликов» [т. 11: 497].

Столь убийственная характеристика не является в устах Щедрина-сатирика приемом художественного преувеличения, гротеском. Не менее едкую сатиру заслужил от него известный во второй половине XIX в. адвокат В.Д. Спасович, юрист с либеральной репутацией. Он выступил адвокатом обвиняемого в нашумевшем «деле Кронеберга». Последний обвинялся в истязании своей малолетней приемной дочери. Процесс имел не только юридическую сторону. Он послужил материалом для обсуждений и в педагогической печати, так как поднимал актуальную для системы воспитания России проблему телесных наказаний. С помощью Спасовича присяжные оправдали Кронеберга.

Однако в данном деле Щедрина заинтересовала не только криминальная и педагогическая сторона. На материале процесса он показал углубляющееся противоречие между адвокатурой, подчиняющейся идеалам, и теми сделками и компромиссами, на которые она все чаще идет ради мнимой независимости и интересов клиента.

Здесь Щедрин подходит к институту адвокатуры с позиций *просветительского гуманизма*. Если адвокатура, по его мнению, «отмежевывается от области общих умственных и нравственных интересов», то она должна занять место в кругу разнообразных ремесел. Но от этого она ничего не выиграет: «Она скоро очутится в том же незавидном положении, в каком еще недавно находились ябедники и строчители просьб», а это не соответствует ее действительному назначению в жизни общества [т. 15; II: 228].

Какой бы вопрос Щедрин ни затрагивал в своих произведениях — внутренняя политика, образование, социальная справедливость — он всегда исходил из *положительного общественного идеала*. Критика действительности с позиций сатиры не заслоняла положительный образ человека. «<…> Чтобы сатира была действительною сатирою, — утверждал писатель в начале эпохи реформ, — и достигала своей цели, надобно, чтобы она давала почувствовать читателю тот идеал, из которого отправляется творец ее <…>» [т. 5: 430].

Так писатель подходил и к проблеме права. Вера в осуществимость *идеала справедливого общества, основанного на законности и уважении прав личности,* не покидала его в самые тяжелые времена произвола и «двоегласия»: «История <…> должна привести к просветлению человеческого образа, а не к посрамлению его <…>» [т. 3: 273]

В полемике по вопросу прав Щедрин всегда стоял на стороне тех, для кого социальные права человека были первоочередными по отношению к политическим правам. Формулировке любых правовых норм должно предшествовать обсуждение той модели, того идеала будущего права, к которому стремится человеческая мысль. «<…> Человечество будет бессрочно томиться под игом мелочей, ежели заблаговременно не получится полной свободы в обсуждении идеалов будущего» [т. 16; II: 41]. В стремлении к идеалу Щедрин утверждает, что, хотя «каждое общество <имеет право> управляться и развиваться по свое-

му усмотрению», его интерес «должен в этом случае уступить интересу общечеловеческому, ибо здесь на первом плане стоит начало свободы развития <…> признание которого равно дорого как для целого государства, так и для каждого человека в отдельности» [т. 6: 189]. Так Щедрин приходит к обоснованию прав с *универсальных общечеловеческих позиций*, что придает его взглядам *современное звучание*.

Щедрин жил в крайне противоречивую эпоху с точки зрения установления и применения правовых норм. В этом хаосе идей и фактов он занимал оригинальную и *активную позицию*. Словом писателя и делом администратора-управленца он стремился к установлению в стране правового порядка. Как искусный и бескомпромиссный администратор, он понимал, что единичные усилия по установлению власти закона не повлияют на практику правоприменения в целом. Для этого нужно реформировать всю государственную систему. Поэтому в старости с легкой ироний относился он к своим прежним служебным принципам — «практиковать либерализм в самом капище антилиберализма» и «вождения влиятельного человека за нос, или теории приведения влиятельного человека на правый путь». Но Салтыков-Щедрин — просветитель и гуманист обогатил отечественную правовую мысль рядом провидческих идей. Многое из этих идей не утратило своей актуальности и по сей день.

Список литературы

Арсеньев К.К. Материалы для биографии М.Е. Салтыкова // М.Е. Салтыков (Н. Щедрин). Губернские очерки. – С.-Пб., 1894.

Григорьев С.И. Произведения В.М. Шукшина в преподавании социологических дисциплин // Социол. исслед. 2009. №10.

Макашин С.А. Салтыков-Щедрин. Биография.Т.1, – М., 1951.

Макашин С.А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 гг. Биография. – М., 1972.

Растов Ю.Е., Трофимова Р.А. Конфликтологические идеи Ф.М. Достоевского в учебном процессе // Социол. исслед. 2009. №8.

Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений и писем: в 20-и томах. – М. 1965–1977.

Е.А. Воронцов

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ДЖ. ЛОККА: У ИСТОКОВ ЛИБЕРАЛИЗМА

ВОРОНЦОВ Евгений Алексеевич — кандидат философских наук, доцент МГТЭИ (evg-v@yandex.ru).

Аннотация. *Рассматриваются основные аспекты политической философии Дж. Локка: происхождение и виды власти, типы государственного устройства, право народа на революцию, взаимоотношения государства и личности, гражданское общество. Особое внимание уделяется достоинствам и недостаткам либеральной идеологии. Прослеживается связь идей Локка с современной политической теорией и практикой.*

Ключевые слова**:** *естественный закон, естественное право, свобода, договорная теория происхождения государства, формы правления, разделение властей.*

Всякое явление следует изучать по его истокам. И в этом смысле обращение к идейному наследию английского мыслителя Дж. Локка (1632–1702), одного из столпов либерализма, в наши дни не случайно. Даже те, кто далек от политических и политологических баталий, постоянно слышат разговоры о достоинствах и недостатках либеральных ценностей, правовом государстве, легитимности власти и изъянах авторитаризма. Это и понятно, ибо после крушения коммунистических идеалов либерализм, несомненно, является одной из ведущих политических идеологий современности. Среди классических произведений, заложивших фундамент этого идейного течения, особое место занимает работа Локка «Два трактата о правлении» (1694), анализ которой дается ниже.

Эта работа состоит из двух независимых произведений. В первом из них Локк опровергает воззрения некоего сэра Роберта Фильмера, пытающегося обосновать неограниченность монархической власти путем ее возведения к единоначалию праотца рода человеческого Адама. Второй трактат (его полное название — «Опыт об истинном происхождении, области действия и цели гражданского правления») является основным политическим сочинением Локка, принесшим ему мировую известность.

Естественный закон

Фундаментальной категорией социально-политической доктрины Локка является понятие «естественного закона». В «Двух трактатах о правлении» это понятие широко используется, но специально не проясняется. Необходимые уточнения находятся в более ранней работе, которая так и называется — «Опыты о законе природы» (1664). В этом небольшом сочинении Локк, не оставляя позиций сенсуализма,примыкает к многовековой идеалистической традиции, утверждающей, что окружающий нас материальный мир не случаен и не самодостаточен, а подчинен вечным неизменным законам. Часть этих законов составляют моральные принципы, лежащие в основании нравственной и социальной жизни человека. Исследованию сущности этих принципов и посвящены «Опыты».

В интерпретации «естественного закона» Локк, не претендуя на оригинальность, опирается сразу на несколько философских традиций — христианскую (схоластическую), аристотелевскую и стоическую. Согласно Локку, естественный закон есть «проявление божественной воли, познаваемой светочем природы, указывающей нам, что согласуется с разумной природой, и тем самым повелевающей нам нечто или запрещающей» [Локк, 1988: 4]. В данном определении отражены все необходимые признаки закона: проявление высшей воли, разграничение должного и недолжного, обязательность или, говоря языком Канта, императивность. В качестве синонимов к понятию «естественный закон» Локк приводит следующие устойчивые выражения обыденного и философского языка: «нравственный принцип», «моральное благо», «достойное», «здравый смысл», «согласное с природой».

Локк прекрасно понимает, что найдется немало людей, для которых сфера морали является фикцией. Но это обстоятельство английского мыслителя не смущает: мнение слепых присутствие солнца поколебать не может. Можно, как ему представляется, удостовериться в существовании естественного закона,опираясь на следующие аргументы.

Во-первых, разумность человека. Ссылаясь на авторитет Аристотеля, Локк говорит о том, что каждое существо выполняет определенную функцию. Специфической функцией человека является деятельность, согласная с требованиями разума. Иными словами, человек, желая остаться человеком, а не превратиться в животное или растение, обязан делать то, что диктует разум. Упоминает Локк и об аристотелевском делении политического права на установленное и естественное [Аристотель, 1984: 160]. Естественное право действует повсеместно. Оно-то и тождественно естественному закону.

Во-вторых, совесть. Если бы не было нравственного закона, то на основании чего люди, — в том числе не признающие никаких писанных законов, — всё же судят собственную жизнь и свои поступки, оправдывая или порицая себя?

В-третьих, устройство мира. Локку представляется «невероятным», чтобы «только человек был свободен от законов, тогда как всё остальное подчиняется им» [Локк, 1988: 7]. Степень невероятности возрастает, если вспомнить о том, что человек — венец творения.

В-четвертых, естественность существования человеческого общества. Основу гражданских законов составляет верность договорам. Верность же эта — требование закона естественного. Здесь Локк проводит очень интересную мысль о том, что ни одна совокупность гражданских законов не самодостаточна. Кроме того, Локк отказывается сводить государство к аппарату насилия одного класса над другим. Напротив, он полагает, что правители согласуют свои действия с неким «высшим законом», ограничивающим их власть. «Как может выглядеть государство, какие были бы в нём порядок и безопасность, если бы та часть граждан, которая способна причинить наибольший вред, имела бы возможность вершить все дела по собственному произволу, если бы высшая власть получила бы неограниченную свободу действий?» [Локк, 1988: 8].

В-пятых, различение добра и зла. Отменяя естественный закон, мы должны признать, что нет ни порока, ни добродетели, ни вины, ни ответственности. «Человек, ставший верховным и абсолютным арбитром собственных поступков, не мог бы признать себя виновным, ибо никакой закон и не повелевал бы, и не запрещал бы ничего» [Локк, 1988: 8]. Локку как классическому философу пред-

ставляется абсурдным и невыполнимым то, к чему впоследствии будет призывать Ницше.

Законы природы вечны, неизменны, всеобщи. «Если естественный закон обязывает хотя бы некоторых людей, то необходимо, чтобы он с совершенно тем же правом обязывал всех, потому что у всех людей одни и те же основания их обязательства перед законом, один и тот же способ познания, одна и та же природа. Ведь закон этот зависит не от изменчивой и непостоянной воли, но от вечного порядка вещей». Поэтому ни о каком прогрессе или эволюции в области морали, о чем много говорится в наше время, в учении Локка не может быть и речи. Здесь перед нами один из немногих пунктов солидарности Локка с Гоббсом [Гоббс, 1991: 122].

Основным законом природы Локк считает необходимость *сохранять себя и себе подобных*. Локк, таким образом, уравновешивает крайне эгоистический принцип Гоббса, требующий заботиться лишь о самом себе. Мы привыкли читать о том, что мыслители Нового времени, отвергнув Откровение, опирались на естественный свет разума. Но, как свидетельствуют первоисточники, эта расхожая оценка верна лишь наполовину. Скорее, мыслители Нового времени разделяют средневековое представление о том, что вера и разум находятся в гармонии [Виндельбанд, 2000: 281]. По крайней мере, локковское обоснование основного закона природы имеет одновременно два измерения — и рациональное, и религиозное. «Разум, который является этим законом, учит всех людей, которые пожелают с ним считаться, что, поскольку все люди равны и независимы, постольку ни один из них не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого; ибо все люди созданы одним всемогущим и бесконечно мудрым Творцом; и… мы не можем предполагать, что среди нас существует такое подчинение, которое дает нам право уничтожать друг друга» [Локк, 1988: 265]. В общем, мы получает схему, известную еще стоикам, хотя и усиленную христианской направленностью: Бог = природа = разум.

К законам природы Локк также относит *право собственности* на продукты своего труда. Соответственно, накопление благ, заканчивающееся их порчей, что наносит ущерб тем, кто в них действительно нуждается, противоестественно [Локк, 1988: 283]. Есть у Локка указание и на то, что главным из всех естественных законов является принцип *справедливости* [Локк, 1988: 8]. Правда, в чем его суть, Локк не уточняет. В целом же в плане освещения конкретного содержания естественных законов Локк явно уступает Гоббсу. Напомним: у Гоббса естественное законодательство составляло девятнадцать вполне определенных принципов, ядро которых — «золотое правило нравственности». Вероятно, Локк полагал, что после Гоббса эту тему можно считать исчерпанной.

Естественное состояние

Как и у Гоббса, важную роль в политико-правовой доктрине Локка отводится представлению о неком естественном состоянии, в котором пребывали люди до создания государства [Гоббс, 1991: 74]. Для Гоббса догосударственное состояние есть непрестанная война всех против всех. Напротив, Локк трактует его как «состояние мира, взаимопомощи и доброй воли» [Локк, 1988: 272].

Прежде всего естественное состояние — это ситуация абсолютной свободы. Естественная свобода понимается Локком *как отсутствие внешнего принуж-*

дения. Это возможность распоряжаться собой и своим имуществом, «не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли» [5, 263]. В естественном состоянии единственным регулятором человеческой деятельности является руководство требованиями естественного закона.

Как и Гоббс, Локк категорически отвергает обыденную точку зрения, согласно которой свобода тождественна произволу, возможности делать то, что пожелаешь. Подчинение закону свободу не уничтожает и не ограничивает, а, напротив, сохраняет и расширяет. «Ведь во всех состояниях живых существ, способных иметь законы, там, где нет закона, нет и свободы» [Локк, 1988: 293]. Нельзя назвать тюремной оградой то, что охраняет нас от болот и пропастей. Беззаконие чревато положением, при котором один человек попадает в зависимость от другого и тем самым лишается возможности свободно следовать своей воле. Рассматривая разум как условие свободы,Локк движется в русле традиций классической философии.О том же учили и Сократ, и стоики, и Августин.

Далее, естественное состояние — это ситуация полного *равенства,* «при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, — никто не имеет больше другого» [Локк, 1988: 263]. Природное равенство, которое Локк считает самоочевидным и неоспоримым, является основой великих принципов справедливости и милосердия. Единая человеческая природа делает необоснованными любые претензии на чужую жизнь, свободу, собственность. «Обладая одинаковыми способностями и имея в общем владении одну данную на всех природу, мы не может предполагать, что среди нас существует такое подчинение, которое дает нам право уничтожать друг друга» [Локк, 1988: 265]. Утверждение равенства находится в согласии с основным естественным законом, который требует сохранять себя и себе подобных. Природное *равенство не исключает различий*. Некоторые люди обладают справедливым превосходством на основании возраста, добродетели, происхождения, исключительных достоинств и заслуг. Локк подразумевает под природным равенством «равное право на свою естественную свободу» [Локк, 1988: 265].

Дабы не остаться бездейственным, этот закон предполагает наказание тех, кто его преступает. Причем правом наказания в естественном состоянии — в силу того же равенства — обладает каждый. В естественном состоянии никто никому не подвластен. Но равновесие существует лишь до тех пор, пока соблюдается естественный закон. Тот же, кто естественный закон нарушает, лишается его защиты и становится агрессором. *Агрессор же может и должен быть наказан*. «Человек может уничтожить того, кто с ним воюет или проявляет враждебность по отношению к нему и является угрозой для его существования, по той же причине, по которой он может убить волка или льва; ведь люди эти не связаны узами общего закона разума, ими руководят только сила и насилие, и, следовательно, их можно рассматривать как хищных зверей, как опасных и вредных существ, которые несомненно уничтожат человека, как только он окажется в их власти» [Локк, 1988: 271].

Это верно и в том случае, когда объектом преступления являемся не мы сами, а наши ближние. Ведь, по Локку, закон природы обязывает человека печься *не только о себе, но и о себе подобных*.

Хотя Локк и называет естественное состояние временем мира и доброй воли, он, тем не менее, не может не признать это положение хрупким и ненадежным, ибо естественное состояние легко скатывается к состоянию той самой войны,

о которой писал Гоббс. Дело в том, что далеко не все люди склонны к соблюдению равенства и справедливости. Локк прямо говорит о том, что главной причиной утери естественного состояния является *нравственная порча* [Локк, 1988: 336]. Он, таким образом, склоняется к встречающемуся в самых разных культурах представлению о регрессивном характере исторического процесса. В античной традиции у истоков этой идеи стоит Гесиод с его знаменитым учением о «золотом веке».

Изъяны естественного состояния усугубляются не только ростом населения и ограниченностью природных ресурсов. Не последнюю роль играет и то обстоятельство, что в естественном состоянии нет механизма разрешения и предупреждения возникающих конфликтов. Во-первых, не хватает ясного и определенного закона, служащего общей мерой справедливого и несправедливого. Конечно, люди как существа разумные могли бы руководствоваться законом природы, но *большинство из них ослеплены собственными интересами и страстями.* Во-вторых, в естественном состоянии отсутствует знающий и беспристрастный судья. В преступлениях, направленных против него самого и его близких, человек проявит чрезмерную горячность и мстительность. Зато в делах, касающихся других, будет безразличен и невнимателен. В-третьих, в догосударственном состоянии нет силы, способной привести вынесенный приговор в исполнение.Тот, кто совершил одну несправедливость, совершит при возможности и другую. А тот, кто попытается его остановить и наказать, подвергает себя смертельной опасности.

Возникновение государства

Чтобы избежать перечисленных «неудобств», порождающих «беспорядочное и ненадежное применение власти» [Локк, 1988: 335], и создается государство. Как и у Гоббса, главной движущей силой здесь является *инстинкт самосохранения*. Но только теперь речь идет об инстинкте коллективном, а не индивидуальном, как это было у Гоббса [Гоббс, 1991: 133].

Итак, возникает государство не от «хорошей жизни». «Ведь если бы люди могли мирно и тихо жить вместе, не объединяясь под властью определенных законов и не образуя государства, то не было бы никакой необходимости ни в правителях, ни в политике, которые созданы лишь для того, чтобы в этом мире охранять одних людей от обмана и насилия других», — пишет Локк в работе «Опыт о веротерпимости» [Локк, 1988: 66]. Здесь Локк солидаризируется со многими античными мыслителями, учившими о том, что законы предназначены не для мудрых, а для тех, кто мудрости лишен [Нерсесянц, 2004: 71]. Установка Локка напоминает и знаменитую формулу Августина, о том, что государство — это «необходимое зло».

Государство является одной из форм общения, являющегося следствием социальной природы человека. В этом пункте Локк одновременно опирается и на Аристотеля, и на и христианскую традицию. «Бог создал человека таким существом, что… нехорошо было быть ему одиноким, и, положив необходимость, удобства и склонности могучими побудительными силами, которым должен был подчиниться человек, Он заставил его искать общества, равно, как и снабдил его разумом и языком, дабы тот мог поддерживать его и наслаждаться им» [Локк, 1988: 306].

Локк четко отграничивает политическую власть от власти отцовской, с одной стороны, и от власти деспотической — с другой.Отцовская власть настолько же меньше власти политической, насколько деспотическая власть ее превосходит. Эти три основных вида власти разнятся источником, целью, предметом действия, объемом.

Власть	Отцовская	Политическая	Деспотическая
Источник	природа	договор	устанавливается над побежденным агрессором в обмен на сохранение его жизни
Цель	благо детей	благо сторон договора (подданных)	благо господина
Предмет действия	над теми, кто еще собственности не имеет	над собственниками	над теми, кто собственности не имеет
Объем	ограничена временем, не касается жизни и смерти подвластных, не дает законов	не ограничена во времени, затрагивает жизнь и смерть подвластных, дает законы	не ограничена

Основной оппонент Локка Гоббс учил о том, что верховная власть приобретается двумя путями. Первый из них — физическая сила, принуждающая подчиниться под угрозой уничтожения. Второй путь — добровольное согласие людей отдать себя под власть одного человека или собрания людей в надежде получить взамен защиту и безопасность. Второй путь, в свою очередь, обосновывался представлением о том, что обещания, исторгнутые силой, действительны. Попав в руки бандита и пообещав ему выкуп, мы должны свое слово сдержать. Точка зрения Локка иная. *Единственным основанием политической власти является согласие народа на ее установление*. Завоеватель обладает властью лишь над непосредственными зачинщиками агрессии, причем властью не политической, а деспотической. Победитель не может повелевать ни родственниками, ни потомками агрессоров.Не распространяется его власть и над поверженным народом. Кроме того, Локк считает недействительными те договоры об образовании нового государства, которые были заключены гражданами покоренной страны под угрозой меча победителя. Таким образом, вопреки существующей практике Локк утверждает, что сила права не дает.

Заключая договор об образовании государства, люди тем самым дают *согласие подчиняться воле большинства*. В противном случае политический организм «не в состоянии выступать как единое целое или продолжать оставаться единым целым, единым сообществом, как на то согласились все объединенные в него отдельные лица» [Локк, 1988: 318]. Не довольствоваться единодушием большинства и требовать согласия всех членов общества — значить обрекать государственную машину на бездействие. Ибо при разнообразии мнений, противоположности интересов и изменчивости жизненных обстоятельств абсолютное согласие невозможно.

Три ветви власти

В естественном состоянии каждый человек обладал двумя видами власти. *Во-первых*, он мог делать все необходимое для сохранения себя и себе подобных, как того и требует естественный закон. *Во-вторых,* каждый мог наказывать преступивших этот закон, посягающих на жизнь, свободу или имущество ближних. При переходе в гражданское состояние человек передает обе эти власти в руки общества. Так возникают *две ветви власти — законодательная и исполнительная.* Верховной является власть законодательная. «Это та власть, которая имеет право указывать, как должна быть употреблена сила государства для сохранения сообщества и его членов» [Локк, 1988: 347]. Вслед за Гоббсом Локк называет верховную власть душой, которая дает форму, жизнь и единство государству [Локк, 1988: 385].

Будучи верховной, законодательная власть в то же время не может быть безграничной. Пределы законодательной власти определяются самой целью создания государства, которая заключается в сохранении и благополучии общества. Если в учении Гоббса государство обладало неограниченной властью и могло законно «скушать» любого из своих граждан, то в концепции Локка ситуация иная.

Во-первых, законодательная власть не может быть деспотичной. Человек может передать государству только ту власть, которой он обладал в естественном состоянии. Но в естественном состоянии власть человека была ограничена естественным законом. Следовательно, законодательная власть как суммарная власть членов общества так же должна быть ограничена естественным законом. Положительные законы естественный закон не отменяют, а уточняют и конкретизируют. В любом случае положительные законы не могут противоречить естественным. Кроме того, деспотическая власть может быть установлена только по отношению к агрессору как плата за сохранение его живым.

Во-вторых, управление обществом должно осуществляться не спонтанно, а на основе постоянных, изданных и *равных для всех законов.* В отличие от неписанных законов природы, порождающих в умах разных людей различные толкования и интерпретации, положительные законы государства должны быть изданы, постоянны и понятны. В противном случае неизбежны «импровизированные приказы и неопределенные решения».

В-третьих, законодательная власть не имеет права передавать свои полномочия каким-либо другим органам или лицам. Прерогатива решать, кто будет законодателем, принадлежит народу.

В-четвертых, окончательной целью создания государства является сохранение собственности. Поэтому разрешать правительству конфисковать собственность без согласия его владельцев — значить допускать как то, чего хотели избежать. Конечно, правительство нуждается в расходах и все, кто хочет пользоваться его защитой, должен эту защиту оплачивать. Но размер налогов должен устанавливаться не произвольно, а опять же согласно закону.

Если право давать указания, как должна быть употреблена сила государства, принадлежит власти законодательной, то обязанность реализовывать эти указания лежит на власти исполнительной. Причем в «хорошо устроенных государствах» *обе ветви власти разграничиваются*, ибо «те же лица, которые обладают властью издавать законы, могут также захотеть сосредоточить в своих руках и право на их исполнение, чтобы, таким образом, сделать для себя исключение

и не подчиняться созданным ими законам и использовать закон… для своей личной выгоды» [Локк, 1988: 347]. Кроме того, в отличие от законодательных органов, исполнительная власть должна функционировать непрерывно.

Право созыва и роспуска законодательной власти принадлежит власти исполнительной. Но это право не должно быть использовано в ущерб процессу законотворчества. Чиня препятствие работе законодательного органа, исполнительная власть ставит себя в состояние войны с народом, который, в свою очередь, полномочен поступить с теми, кто ущемляет его права, соответствующим образом. Исполнительная власть подчинена власти законодательной. Но поскольку регламентировать законом все стороны общественной жизни невозможно, исполнительной власти предоставляется свобода делать многое по собственному выбору. Однако эта свобода не должна причинять ущерба общественном благу.

Третьим видом власти в учении Локка является власть *федеративная*, в компетенцию которой входит осуществление *внешних функций государства*. В современных государствах они лежат на плечах той же самой исполнительной власти. Локк называет федеративную власть «природной», поскольку ей соответствует та самая власть, которой по природе обладал каждый до того, как вступил в общество. Федеративная власть находится в меньшей зависимости от заранее установленных положительных законов, ибо ее решения во многом определяются поступками иностранных граждан. Несмотря на различие внешних и внутренних функций государства, исполнительная и федеративная власть, как правило, находятся в руках одних и тех же лиц. В противном случае «сила общества будет находиться под различным командованием, а это может рано или поздно привести к беспорядку и гибели» [Локк, 1988: 349]. Таким образом, учение Локк о разделении властей касается лишь двух ветвей власти — законодательной и исполнительной. Осуществление правосудия входит в компетенцию власти законодательной.

Формы правления

В античной типологии государственных устройств, господствующей вплоть до Нового времени, рассматривалось шесть форм правления: монархия, аристократия, тимократия (полития), тирания, олигархия, демократия. Монархия, аристократия и тимократия считались правильными формами правления, а тирания, олигархия, демократия — неправильными. Цель правильных, или справедливых государственных устройств — благо народа; неправильных, или несправедливых — корыстные интересы власть имущих. Локк, вслед за Гоббсом, упрощает схему и в качестве основных оставляет три формы организации политической власти: *демократию, олигархию и монархию*. Вид государственного устройства определяется числом лиц, обладающих законодательной властью. При демократии законодательная власть принадлежит большинству. Именно эта форма правления должна быть в теоретической модели Локка первоначальной. Поскольку, как уже говорилось, волей большинства и закладываются основы государства. При установлении олигархии большинство передает законодательную власть в руки нескольких избранных лиц и их преемников или наследников. Наконец, при монархии законодательная власть находится в руках одного-единственного человека. Если после его смерти бразды правления пере-

даются наследнику, это наследственная монархия, если же власть возвращается к большинству, мы имеем дело с монархией выборной.

Локк вошел в истории политической мысли как один из самых последовательных *критиков абсолютной монархии*. Вопреки мнению многочисленных оппонентов (включая и Гоббса), признающих данную форму правления единственно правильной, Локк считает самодержавие с гражданским обществом несовместимым. Почему? Дело в том, что одно из главных отличий гражданского состояния от состояния естественного заключается в наличие третейского судьи, способного улаживать возникающие при любом общежитии разногласия. В естественном состоянии таковая инстанция отсутствует. Но человек, не подчиняющийся законам общества, членом общества быть не может. Получается, что по отношению к подданным государь находится в естественном состоянии. Конечно, суд есть и при абсолютной монархии, но он улаживает конфликты между подданными. Перед монархом же все они бесправны. «Как будто бы люди, оставив естественное состояние и вступив в общество, согласились, что все, кроме одного, должны удерживаться законами, но что он, этот один, должен по-прежнему сохранять всю свободу естественного состояния, увеличивающуюся вместе с властью и превратившуюся в распущенность вследствие безнаказанности. Это всё равно что думать, будто люди настолько глупы, что они стараются избежать вреда от хорьков или лис, но довольны и даже считают себя в безопасности, когда их пожирают львы» [Локк, 1988: 315].

Говоря о причинах «популярности» монархии, Локк отмечает, что единоначалие ближе всего к привычной с детства власти отца. Монархия — «самая простая и очевидная» форма правления, эффективная в тех случаях, когда на первый план выходит необходимость защиты от внешних врагов. Заслуживает внимания мысль Локка о том, что установлению монархии благоприятствует политическая наивность и отсутствие отрицательного опыта злоупотребления властью. На заре истории власть нередко вручалась одному человеку, отличающемуся выдающимися способностями и добродетелями. Однако, как правило, их приемники указанными качествами не обладали. Таким образом, из-за следования обычаю, возникшему благодаря «небрежности и простодушной неосмотрительности первых веков», у власти оказывались люди, об интересах народа не заботящиеся [Локк, 1988: 316].

Есть в локковской типологии государств и тирания. Хотя трактуется она не как самостоятельная форма правления, а как форма производная. Начиная с Платона, под тиранией понимали беззаконную власть одного [Платон, 1994: 358]. По Локку же, беззаконие может иметь место при любой форме правления: и при монархии, и при олигархии, и даже при демократии. «Везде, где власть, вложенная в чьи-либо руки для управления народом и для сохранения его собственности, применяется в других целях и используется для того, чтобы разорить его, терзать или подчинить деспотическим и беспорядочным приказаниям тех, кто обладает этой властью, везде тотчас же становится тиранией независимо от того, один ли человек пользуется этой властью или несколько» [Локк, 1988: 379]. Тирания начинается всюду, где заканчивается закон. Локк здесь достаточно последователен. Напомним, что уничтожает свободу не закон, а его отсутствие.

Распад системы правления

Одной из сквозных тем политической теории является вопрос об устойчивости политической системы. «Обычной и почти единственной», по Локку, внешней причиной разрушения государственной машины является вторжение иноземных войск, в результате которого распадается само общество, эту машину созидающее и поддерживающее. Что же касается распада государственного управления изнутри (речь идет о конституционной монархии), то в качестве основных Локк указывает на два обстоятельства: *изменение законодательного органа, с одной стороны, и действия власти вопреки оказанному доверию — с другой.* Деформация законодательного органа, служащего скрепами всего государства, происходит в следующих случаях: (1) государь ставит собственную деспотическую власть на место законов; (2) государь препятствует законодательному органу собраться; (3) меняется процедура выборов; (4) изданные законы не вводятся в действие; (5) народ оказывается передан в подданство иностранной державы. К действиям власти вопреки оказанному доверию Локк относит административное или финансовое давление на выборщиков или законодателей, а также ложное толкование принятых законов.

Интереснейшим вопросом политической теории, одновременно имеющим важнейшее практическое значение, является вопрос о легитимности свержения существующего государственного строя. Например, Гоббс считал революционные действия недопустимыми и советовал своим читателям доносить на тех, кто к этим действиям подстрекает. Другой позиции придерживался Локк. Власть, злонамеренно попирающая права граждан, которые она обязана защищать, *может быть свергнута потерявшим терпение народом*. При этом английский философ категорически отвергает адресованный ему упрек в том, что его учение якобы послужит «возбудителем частых восстаний». Локк тонко замечает, что не стоит преувеличивать взрывную силу умозрительных построений. Народ реагирует на реальное положение дел. И прекраснодушные теории о божественности власти, и гипотеза о праве народа на восстание в равной степени бесплодны, если лишены фактических оснований [Локк, 1988: 392].

Расхождения Гоббса и Локка в отношении к революции продиктованы различными трактовками естественного состоянии. Для Гоббса любая власть лучше анархии [Гоббс, 1991: 143], а дурной мир лучше хорошей войны. Для него естественное состояние — это абсолютное зло. Для Локка же абсолютное зло — это государственный произвол. А абсолютное благо — *жизнь под властью закона*. Промежуточное положение занимает естественное состояние, которое есть время равенства и свободы, пусть они и ненадежны и хрупки. Пребывание в гражданском состоянии оправдано лишь в том случае, когда оно дает больше, нежели состояние естественное.

Локк идет дальше и заявляет, что подлинные мятежники — это нарушающие закон правители, а вовсе не те, кто против этих правителей выступает. Нарушая закон, призванный охранять неотъемлемые права граждан, нерадивые правители возвращают граждан в естественное состояние и тем самым отдают им право вершить суд и восстанавливать справедливость самостоятельно.

Учение Локка о государстве имеет ярко выраженную индивидуалистическую направленность. Государство возникает и существует лишь для того, чтобы охранять естественные права граждан. Извечная дилемма «государство — лич-

ность» однозначно решается Локком в пользу *личности*. И в этом смысле Локк находится в оппозиции ко всем сторонникам этатизма, от Платона до Гегеля, для которых целое (государство) реальнее и важнее части (человека).

Философский индивидуализм является теоретическим обоснованием *либерализма* [Чичерин, 2008: 421]. Эта активно пропагандируемая ныне идеология исходит из определенной идеализации человека и истории. Базовой абстракцией является представление о неком естественном состоянии, в котором люди обладали неотъемлемыми правами. Попытки Локка отбиться от многочисленных критиков, утверждавших, что в истории мы такого состояния не находим, *не убедительны*. Далее, Локк исходил из того, что основу государственности составляет согласие граждан. Говоря современным языком, государства, основанные на насилии, не легитимны. Но значительная часть государств, — а если говорить о возникновении, то решительно все, — именно таковы. Вызывает определенные сомнения и утверждаемый либерализмом принцип равенства. Ведь *фактически равенства не получается*. Хотим мы или нет, но любое общество устроено иерархично. В этом смысле консерватизм выглядит более реалистично.

Либерализм стремится сделать власть подконтрольной обществу. Отсюда верховенство права, разделение властей, критика абсолютизма, оправдание революции. Конечно, трудно спорить с тем, что лучше быть богатым и красивым, чем бедным и больным. Реалии нашей жизни, однако, предлагают альтернативы иные. Так, в России либеральные ценности провозглашаются уже не одно десятилетие, но почему-то так и не реализуются, и фактических предпосылок для их осуществления не видно. Возможно, что либеральная модель *отнюдь не универсальна*. Возможно, либерализм хорош в условиях сытого размеренного разумного существования. Но такое существование не может быть всеобщим и непрерывным. Для одних буржуазный идеал недостижим, для других — он сер и однобок. Об этом наглядно свидетельствует современная история, наполненная катаклизмами, социальными экспериментами и кризисами, в ходе которых либеральные ценности остаются лишь ширмой, за которой скрываются процессы, провозглашаемые идеалы низлагающие.

Список литературы

Аристотель. Политика // Сочинения в четырех томах. – М., 1984.

Виндельбанд. В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. В 2-х тт. Т. 1. – М., 2000.

История политических и правовых учений. Учебник для вузов под редакцией В.С. Нерсесянца. – М., 2004.

Гоббс Т. Сочинения в двух томах. Т. 2. – М., 1991.

Локк Дж. Сочинения в 3-х томах. Т. 3. – М., 1988.

Марченко М.Н., Мачин И.Ф. История политических и правовых учений. – М., 2007.

Платон. Государство //Собрание сочинений в четырех томах. – М., 1994. Т. 3.

Чичерин Б.Н. История политический учений. – М., 2008.

Д.С. Райдугин

СТАНОВЛЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННОЙ И РЕФЛЕКСИВНОЙ УСТАНОВОК СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

РАЙДУГИН Дмитрий Сергеевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии МГГЭИ (e-mail: raydmis@mail.ru).

Аннотация. *В статье дается историографический анализ становления естественной и рефлексивной установок социального познания во взаимосвязи онтологического и гносеологического ракурсов.*

Ключевые слова: *трансцендентная философия, естественная установка социального познания, трансцендентальная философия, рефлексивная установка социального познания, методология социального познания, рефлексивная социология.*

Феномен человеческой духовности сегодня выступает одним из важнейших объектов как философского поиска, так и социогуманитарного познания, осуществляемого в рамках частных наук. Данное положение дел связано, прежде всего, с возникновением и обострением проблем, напрямую вызванных деятельностью человека и, с другой стороны, детерминирующих ее. К числу таких проблем, среди прочих, относятся: мировые войны, глобальные проблемы человечества, кризис человеческой духовности. Сообщество ученых реагирует на подобные проблемы поиском новых методов социального познания. Так, в XVIII–XX вв. произошел второй после сократического, но не менее значимый антропологический поворот, развернувший вектор социально-гуманитарного познания от внешних по отношению к человеку объектов к самому субъекту познавательной деятельности. Под человеческим здесь понимается не биологическая составляющая нашей природы, входящая в предметное поле естественных наук со всеми присущими естественнонаучному исследованию методологическими установками, но духовная «ипостась» человека — его сознание и бессознательное, составляющие структурные уровни человеческой духовности.

Ключевой целью настоящей статьи является исследование методологических оснований новых — *рефлексивных* — философии и социологии в их взаимосвязи как друг с другом, так и с классическими — основанными на «естественной» установке — философскими и социологическими концептами.

Познавательная установка, названная Э. Гуссерлем «*естественной*», имеет древнюю историю, истоки которой заложены еще в трудах античных натурфилософов досократического периода. Так, милетский мудрец Фалес, поставив перед собой задачу раскрыть первоначало мира, пришел к выводу о том, что в качестве такового необходимо признать воду — естественную стихию, из которой «все вышло и все вернется». В модифицированном Парменидом виде проблема первоначала мироздания (после Парменида — проблема бытия) была единственным и безальтернативным предметом философии вплоть до Сократа. Вариативным был лишь содержательный аспект: то, что обосновывалось в качестве первоначала. Здесь вариантов было множество от уже указанной Фалесом воды, воздуха, огня, апейрона и прочих стихий до идеалистических

по своей сути Единого (Парменид), монады (Пифагор) и материального атома (Демокрит), предложенных в более концептуализированных системах поздней античной натурфилософии, ключевым предметом которой выступила модификация архе — бытие. Еще одним общим для философии досократиков свойством, помимо единой проблемы, был способ ее решения: бытие (первоначало), так или иначе, считалось надиндивидуальной субстанцией, целиком обусловливающей человеческое существование и неподвластной ему.

Наконец, афинянин Сократ воззвал к «познанию самого себя», провозгласив тем самым как *первый антропологический поворот* в истории философии, так и постановку первого гносеологического вопроса: познаваем ли мир. Однако, несмотря на новые для философии проблемы, базовый методологический подход к их решению оставался неизменным: материальное тело и идеальная душа воспринимались как объекты, внешние по отношению к тому, кто их познает. Развитые Платоном идеи Сократа как онтологического, так и интересующего нас гносеологического плана, заложили основы эры *трансцендентной философии*: платоновское бытие — мир идей — было внешним по отношению и к материальному миру вещей, и к познающему их субъекту. Само познание понималось Платоном как процесс воспоминания душой уловленных ей до вселения в тело идеальных сущностей, прорыв из искаженно-уродливого их материального воплощения к чистым эйдосам. Именно Платон на тысячелетия задал гносеологический фон всей европейской философии и, впоследствии, науке, четко разграничив объективную и субъективную сферы и поместив объект познания за пределы субъекта. Впрочем, у ученика Сократа содержатся и трансценденталистские интуиции, замеченные и концептуализированные спустя более чем два тысячелетия И. Кантом и Э. Гуссерлем: идея врожденного знания и идея интенциональности сознания. Окончательное определение предметное поле гуманитарного познания получило в трудах Аристотеля и было названо *метафизическим* по его одноименной работе.

В дальнейшем вся философия Античности, Средневековья, Возрождения и Нового времени вплоть до Р. Декарта развивалась по единому интенциональному сценарию: познание признавалось трансгрессивно направленным от субъекта к внешнему объекту, будь то природа либо трансцендентный дух (мир идей, Бог). Такова краткая история метафизического, трансцендентно-направленного мышления, ставшего методологической основой *естественной установки познания*. Здесь следует временно оставить историографический экскурс к метафизическому мышлению в связи с тем, что его генетическая часть завершена. Мы вернемся к рассмотрению метафизики позже для анализа ее влияния на социогуманитарное познание, осуществляемое в рамках классической социологии. Остается только добавить, что в философии Просвещения велась упорная, но главным образом тщетная (потому что даже материалистические концепции того времени оставались по своей сути метафизичными) борьба с метафизикой, первым и самым серьезным успехом в которой стала теория Р. Декарта.

В трактате «Первоначала философии» Рене Декарт писал: «...отбросив все то, относительно чего мы можем каким-то образом сомневаться, и, более того, воображая все эти вещи ложными, мы с легкостью предполагаем, что никакого Бога нет и нет ни неба, ни каких-либо тел, что сами мы не имеем ни рук, ни ног, ни какого бы то ни было тела; однако не может быть, чтобы в силу всего этого мы, думающие таким образом, были ничем: ведь полагать, что мыслящая вещь

в то самое время, как она мыслит, не существует, будет явным противоречием. А посему положение *Я мыслю, следовательно, я существую* [здесь и далее все выделения по тексту сохранены в соответствии с цитируемым оригиналом — Д.Р.] — первичное и достовернейшее из всех, какие могут представиться кому-либо в ходе философствования» [Декарт, 1989: 316]. Таким образом, мыслитель, поставивший под сомнение существование всего, кроме собственного мышления, первым привлек внимание философов к *трансцендентальной проблематике*, предложив в процессе познания отталкиваться от налично данного факта собственного мышления.

Эта неоспоримая с точки зрения Р. Декарта истина должна лечь в основу новой — достоверной — философии. Э. Гуссерль в своих «Картезианских медитациях» назвал данную установку «картезианским переворотом», прокомментировав его следующим образом: «Если мы обратимся к <...> содержанию «Размышлений», то обнаружим, что в них происходит возвращение к философствующему ego во втором и более глубоком смысле: к ego чистых cogitationes. Это возвращение размышляющий совершает, следуя известному и весьма примечательному методу сомнения. <...> Только себя самого, как чистое ego своих cogitationes, удерживает размышляющий как сущее абсолютно несомненно, как неустранимое, даже если бы не было этого мира. Редуцированное таким образом ego приступает теперь к своего рода солипсистскому философствованию. Оно ищет аподиктически достоверных путей, следуя которым в его чисто внутренней сфере можно раскрыть объективно внешнее» [Гуссерль, 2010: 14–15].

Вместе с тем, несмотря на несомненный поворот познавательной интенции в сторону субъекта, обозначенный в творчестве Р. Декарта, говорить о действительном, состоявшимся трансцендентальном повороте философии в XVII в. не приходится: в связи с рядом причин эта идея французского мыслителя не была по достоинству оценена его современниками, за исключением, может быть, солипсистов Дж. Беркли и Д. Юма, чьи идеи (в особенности — Д. Юма) нашли свое развитие в философии И. Канта.

Родоначальник Немецкой классической философии, как известно, задался вопросом о возможности аподиктически достоверных метафизических суждений. В «Пролегоменах ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки» философ пишет: «мы будем последовательно отвечать на главный трансцендентальный вопрос, разделив его на четыре других вопроса:

1. Как возможна чистая математика?

2. Как возможно чистое естествознание?

3. Как возможна метафизика вообще?

4. Как возможна метафизика как наука?» [Кант, 2008: 17].

Вводя систему разделения суждений на априорные и апостериорные, аналитические и синтетические, И. Кант в качестве основополагающих для любой науки назвал *априорные синтетические суждения*. Известно, что он доказал возможность таковых в рамках математики и естествознания. Возможность же существования априорных синтетических суждений в метафизике мыслитель отрицал, выводя их за пределы возможного опыта — в сферу разума, неизбежно сталкивающегося в процессе познания своих предметов с антиномиями. В отношении же природных объектов трансцендентальные структуры — чувства и рассудок — имели своего рода законодательные полномочия: «Природа есть существование вещей, поскольку оно определено по общим законам. Если

бы природа означала существование вещей самих по себе, то мы никогда не могли бы ее познать ни a priori, ни a posteriori <...> природа, рассматриваемая materialiter [в материальном отношении], есть совокупность всех предметов опыта» [Кант 2010: 14, 16]. Другими словами, в формальном смысле природа есть совокупность предзаданных в транцендентальном рассудке законов, в материальном – совокупность возможных для чувств предметов опыта: И. Кант, не отрицая объективного существования внешних по отношению к субъекту вещей, определял природу как нечто данное-для-нас.

И. Кант не задавался вопросами, связанными с сущностью общественного либо даже со спецификой социального познания: за исключением некоторых смысловых моментов его теории морали, проблема общежития людей так и осталась не затронутой.

Пожалуй, именно с творчества *И. Канта берет начало общефилософский поворот от естественной установки познания к рефлексивной*. В дальнейшем вся классическая философия так или иначе была пропитана трансцендентальными мотивами, которые можно уловить в системах Г. Гегеля, Ф. Шеллинга, И.Г. Фихте и других — даже материалистов Л. Фейербаха и К. Маркса.

Не нагружая более нашу работу историографией философских воззрений, подготовивших рефлексивный поворот, перейдем непосредственно к анализу влияния творчества основателя *трансцендентальной феноменологии Эдмунда Гуссерля* на развитие гуманитарного знания в XX — начале XXI веков.

«Не находимся ли мы с нашей злосчастной современностью в ситуации, подобной той, в которой оказался Декарт в годы своей молодости? Не пришло ли, таким образом, время возобновить радикализм его начинающего философа, а следовательно, подвергнуть картезианскому ниспровержению необозримую философскую литературу с ее путаницей из великих традиций, более или менее серьезных начинаний, модной писанины (рассчитанной на эффект, а не на вдумчивое изучение) и приступить к новым *Meditationes de Prima Philosophia?* Не объясняется ли, в конечном счете, плачевное состояние нашей философии тем, что исходящие от прежних «Размышлений» движущие силы лишились своей первоначальной жизненности, и притом именно потому, что был утрачен дух радикальной философской ответственности перед самим собой?» [Гуссерль, 2008: 17]. Эта серия риторических вопросов, озвученная Э. Гуссерлем перед французской аудиторией в 1931 г., актуальна по сей день для всего философского сообщества вне каких-либо пространственных ограничений. И, стоит отметить, что на этот раз патетичный призыв, прозвучавший в словах философа, был услышан его коллегами: феноменология Э. Гуссерля нашла множество почитателей и последователей как в родной ему Германии, так и на территории всей Европы. *Сегодня феноменология является одним из ведущих направлений в философии*, аргументировано противостоящим релятивистичному постмодернизму и, на фоне кризиса метафизических способов мышления, выступающим едва ли не единственной надеждой на аподиктичность социогуманитарного знания: ее эпистемологический потенциал далеко не раскрыт.

Итак, рефлексивный (или трансцендентальный) поворот стараниями Э. Гуссерля и его ближайших последователей: М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, М. Шелера и других — был окончательно оформлен и, можно утверждать, свершился. В короткие сроки трансцендентальная феноменология перестала быть исключительно онто-гносеологическим направлением: ее методология активно

используется в психологии и психиатрии (Ф. Базалья, Л. Бинсвангер, Д.Г. Купер, Р.Д. Лэйнг, Е. Минковски, Э. Страус, В. фон Гебсаттель, Г. Элленбергер, К. Ясперс, наш современный соотечественник Ю. Савенко), философии права (А. Райнах), философии истории (К. Ясперс, Л. Ландгребе), герменевтике (советский мыслитель Г. Шпет) и прочих философских и частнонаучных дисциплинах. Феноменологическая методология обнаружила свою познавательную эффективность и для *социологического* научного поиска.

До этого момента мы осознанно не касались развития социологического знания, сосредоточившись на философской историографии для того, чтобы сейчас подвергнуть специальному рассмотрению основные вехи становления рефлексивной социологии.

Родоначальником социологии считается О. Конт, который ввел термин «социология» в научный оборот, разработал основные принципы и методы социологической науки, определил ее структуру. В шеститомном «Курсе позитивной философии» О. Конт решительно разграничивает социологическое и философское знание, объявив о начале «позитивной» эры, сменяющей метафизическую. Фундаментальном отличием метафизики от науки об обществе О. Конт считал конкретность последней. «Натуралистическая исследовательская программа в методологии социальных наук впервые воплотилась в позитивистской социологии О. Конта. Убежденный в том, что в традиционной метафизике «воображение господствует над разумом», ученик Сен-Симона утверждал, что метафизика не в состоянии исследовать реальные, т.е. «позитивные» связи наблюдаемых явлений. Она лишь замещает теологические сущности фантазийными предположениями. <...> Таким образом, социальная наука оказывалась основанной на математике в буквальном смысле слова», — пишет профессор Н.М. Смирнова, подтверждая наш тезис о том, что изначально социология была основана на естественной (в ее категориальной системе — натуралистической) познавательной установке [Смирнова, 2009: 32–33].

Опираясь на идеи Ю. Хабермаса, Н.М. Смирнова доказывает: «Социально-онтологическим основанием натуралистической исследовательской программы, во многом определившим ее ориентацию на «количественные» методы, послужили сопутствующие модернизации процессы «массовизации», разрушения традиционных социокультурных гнезд, размывания свойственной традиционному обществу гетерогенности социального пространства. Оперируя человеком как «колесиком и винтиком» индустриального механизма — статистической единицей «массы», — модернистская эмпирическая социология абстрагировалась от культурно-антропологических, смысловых характеристик человеческой деятельности» [Смирнова, 2009: 33]. Высвеченные отечественным ученым социокультурные предпосылки в полной мере объясняют изначальный формально-методологический характер социальной науки: отказ от метафизических абстракций и математизация социологии должны были, по замыслу О. Конта, придать знанию об обществе научный характер и сделать возможным объяснение социальных явлений без псевдонаучного субъективного вымысла. Однако эта вполне понятная идея по злой иронии привела О. Конта к той же метафизике, но с обратной ее стороны. Во-первых, борьба с метафизическими абстракциями заставила О. Конта заложить в основу своей методологии абстракции математические — а ведь не требует доказательства тот факт, что математика целиком и полностью есть порождение человеческого духа. Во-вторых, О. Конт, утверж-

дая, что в основе любого социума лежит общественное разделение труда, по сути онтологизировал экономическое начало, причем в самом метафизическом смысле этого слова — разделение труда понималось мыслителем как нечто объективно необходимое и вместе с тем внешнее по отношению к субъектам общественных отношений.

Ни в коей мере не ставя под сомнение значимость идей родоначальника социологии для становления когнитивной науки, мы вынуждены признать, что методология, избранная О. Контом для определения предметного поля своей науки, все-таки *не освободила ее от метафизики и, как следствие, от естественной познавательной установки*. Впрочем, французский философ и не ставил перед собой подобной цели: скорее, наоборот — его ключевой задачей было освобождение новой науки от догматичной метафизической субъективности. Важнейшее достижение О. Конта, на наш взгляд, состоит в том, что ему в полной мере *удалась разработка первой в истории исследовательской программы эмпирической когнитивной науки.*

Естественная установка в социологии далее развивалась в различных методологических преломлениях усилиями Э. Дюркгейма, Г. Спенсера, П. Сорокина, достигнув своей наивысшей на сегодняшний день концептуализации в построениях структурных функционалистов — в первую очередь, Т. Парсонса и Р. Мертона.

Становление *рефлексивной социологии* осуществлялось в трудах М. Вебера, развернувшего своей «понимающей социологией» исследовательский вектор от общества как надындивидуальной, внешней по отношению к субъекту, конструкции к человеку — его внутреннему миру. Новая установка особенно связана с творчеством *родоначальника феноменологической социологии Альфреда Щюца.* В своей работе «Феноменология и социальные науки» [Щюц, 2004: 180–201] А. Щюц ставит две исследовательские задачи: 1) выявить основы гуссерлианского обоснования социальных наук и 2) дополнив Э. Гуссерля, показать, каким образом феноменологический подход применим в решении конкретных методологических проблем социальных наук. Не задаваясь здесь целью осветить методологию социального познания, предложенную австрийским ученым, мы ограничимся только теми проблемами, которые он поставил в указанной работе.

Итак, с точки зрения Щюца, все науки представляют собой процесс совместной деятельности ученых. Смысловой основой каждой науки выступает реальный жизненный мир. Очень важно не заменять этот жизненный мир идеализированными образами, то есть отделять объект познания от знания о нем. «Поправляя» своего великого коллегу М. Вебера, разработавшего категорию идеального типа и заложившего основы трансценденталистского понимания социальной реальности, А. Шюц обращается к *трансцендентальной феноменологии*, которая, по его мнению, ничего не принимая на веру, предпринимает попытку сугубо рационального объяснения жизненного мира. При этом феноменология сталкивается с рядом трудностей, основные среди которых: 1 — как может феноменология заключить естественный мир «в скобки», с учетом ее базовой установки на интенциальность сознания, то есть на то, что мир для нас суть данные нашему сознанию феномены; 2 — если принять установку на то, что феномен по определению есть результат деятельности трансцендентального субъекта, то можно уйти в солипсизм и проблема будет заключаться в невоз-

можности определить принципы общения с такими же субъектами, как я, и, как следствие, суть всего социального; 3 — правомерно ли обвинение позитивных наук в утрате связи с жизненным миром на фоне их очевидной успешности и возможно ли мыслить духовное как самостоятельное, независимое от природного, образование; 4 — если допустить, что феноменология доказала истинность своего специфического подхода к познанию духовного мира, то поможет ли это в решении методологических проблем ныне существующих наук об обществе? Ведь ее объект и сейчас совпадает с их общим объектом — жизненным миром [Щюц, 2004: 181–184].

А. Шюц предлагает следующие ответы на эти вопросы:

Ответ 1. Заблуждение — считать, что трансцендентальная феноменология отрицает существование реального мира. Она признает его данность как универсума в «непрерывном гармоничном опыте». Однако феноменология учитывает, что то, что она изучает — относительная данность, определяемая трансцендентальным субъектом как онтическим началом. Таким образом, если естественные науки считают самоочевидным существование объективного мира, полагаясь фактически на веру, то трансцендентальная феноменология обладает правом на рациональное обоснование его существования через заключение этой данности в скобки *путем феноменологического эпохэ* и тем самым на прямое доказательство его существования. Причем речь идет как о социальном бытии, так и о природном [Щюц, 2004: 184–185]. Налицо очевидное превосходство рефлексивной установки, избранной А. Щюцем, над естественной в деле выявления сущности общественного: рефлексия позволяет преодолеть свойственное естественной установке догматичное утверждение как существования общества, так и наличия в нем ряда свойств, каждое из которых требует специального обоснования. Такое обоснование А. Щюц представил в ходе ответа на следующий поставленный им перед самим собой вопрос.

Ответ 2. Жизненный мир, переживаемый субъектом в опыте, очевидно, не является сугубо им сконструированным миром. Он населен такими же, как я, субъектами. Э. Гуссерль в пятом «Картезианском размышлении» доказывал это в общем следующим образом. Если редуцировать, вынести за скобки все, что не касается моего собственного мира (Я), то остается только «примордиальная сфера» — совокупность моего тела и моего разума. Я есть монада. Перцептивным путем я воспринимаю другого субъекта — того, кто не есть я, но мне подобен. Исходя из знаков, через которые он проявляется (по сути — его феномен), я могу путем «аппрезентативного спаривания» (по-другому — «аналогизирующей ассоциации») судить о том, что он подобен мне не только телесно, но и своим сознанием. Более того, для него я такой же другой, каким он является для меня. То есть, он не просто другой, но содержит мое зеркальное отражение — «альтер-эго». А его образ в моем разуме — его «альтер-эго». Бытийственным отличием другого от меня является мое абсолютное «здесь», в то время как другой — «там». Базовая общность другого и меня заключена в нашей общей природе. В совокупности я и другие составляем «*трансцендентальную интерсубъективность*» — объединенный общностью нашей Природы и, по аналогии, нашего Разума, мир монад. Природа существует независимо от нашего разума, но культура обладает «ограниченным существованием» — она есть та часть интерсубъективного мира, в создании которой человек исторически принимал участие. Иными словами, я убежден в существовании другого по аналогии с

собой — вследствие осознания того, что другой по своей природе такой же, как я, и так же, как я его, осознает меня [Щюц, 2004: 185–188]. Своим аксиоматичным утверждением натуралистической (природной) и трансцендентальной (разумной) общности субъектов интеракций Щюц показывает нам то общее, что в принципе и делает возможным само общество.

Ответ 3. Математика, изначально задуманная как средство познания жизненного мира, по мере своего развития приобрела сверх-абстрактную форму и оторвалась от своего изначального объекта. Сейчас ученый-математик (либо «естественник», применяющий математические методы) принимает в качестве базы познания абстрактные формулы, которые с разной степенью достоверности позволяют ему предсказывать естественные события, но никогда его гипотезы не станут общезначимыми и постоянно действующими. В математике не ухватывается важнейшая составляющая жизненного мира — его качество. Еще более наивными кажутся попытки социальных ученых достичь с использованием математических средств хотя бы той степени достоверности, который достигли «естественники» [Щюц, 2004: 189–192]. Аргумент «против математиков» имеет метанаучный характер и, как мы увидим позже, прямое отношение к методологии рефлексивного социального познания. Здесь мы оставили его в изрядно сжатом виде для того, чтобы не нарушать цепочку рассуждений мыслителя, «отсекающего» неадекватные социальным объектам методологические установки. Сказанное вовсе не означает, что математические методы неприменимы в социологии, однако не следует вступать в другую крайность — абсолютизацию роли математики для социального познания.

Ответ 4. Психология, исследующая эмпирическим способом свой объект — субъективность, должна бы стать базовой наукой о духе. Но ей мешает непонимание того, что изучаемые ею явления суть корреляты ее истинного объекта — природы интенциональности. Иными словами, психология близка феноменологии и «истинная психология интенциональности есть, по Гуссерлю, не что иное, как конститутивная феноменология естественной установки» [Щюц, 2004: 192–194].

Анализируя «ответы» австрийского социолога, можно выделить следующие четыре тезиса:

1. Феноменология не отрицает существование ни естественного, ни социального мира.

2. Более того, именно средствами трансцендентальной феноменологии возможно как недогматизированное обоснование существования социума в качестве совокупности трансцендентально объединенных субъектов, так и редукция атрибутивных свойств общества.

3. Атрибутивные свойства общества как такового (социальной реальности) невозможно уловить математическими методами, потому что они имеют выраженную качественную определенность, в то время как математическими методами фиксируются количественные характеристики предметов.

4. Исходя из того, что общество есть совокупность субъектов, *ключ к его сущности лежит в психологии, исследующей сознание.* Однако средств одной лишь психологии в деле познания социального бытия недостаточно. В рамках социальной феноменологии не просто возможно, но *необходимо совмещение психологических и социологических методов.*

Если первые три посылки носят контраргументивный характер по отношению к критике феноменологии со стороны представителей естественной уста-

новки, то *четвертое положение* следует, на наш взгляд, использовать в качестве принципиального при разработке трансцендентально-феноменологической программы социального познания, что на сегодняшний день, на наш взгляд, является одной из важных методологических задач, стоящих перед сообществом ученых-социологов.

Список литературы

Гуссерль Э. Картезианские медитации. – М., 2010.

Декарт Р. Сочинения в 2-х томах. – М., 1989.

Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки. – М., 2008.

Смирнова Н.М. Социальная феноменология в исследовании современного общества. – М., 2009.

Щюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. – М., 2004.

ОПЫТ ЛИТЕРАТУРНОГО АНАЛИЗА

Е.В. Скуднякова

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ КАК КАТЕГОРИЯ ПОЭТИКИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: РАЗНООБРАЗИЕ ТРАКТОВОК

СКУДНЯКОВА Елена Владимировна — кандидат философских наук, старший преподаватель МГГЭИ (e-mail: Lena11777@bk.ru).

***Аннотация**. Опираясь на труды отечественных и зарубежных ученых, автор дает определение понятия «фантастическое», рассматривает его особенности как категории поэтики.*

***Ключевые слова**: фантастическое, чудесное, волшебное, поэтика, фантастика, фантастическая образность.*

Термин «фантастика» происходит от греческого слова phantastikē — способность к воображению; в греческой мифологии Фантаз — божество, брат бога сновидений Морфея. «Фантастическое» может рассматриваться как производное от понятия «фантастика», то есть относящееся к фантастике, или как элемент поэтики художественного произведения, содержание и форма которого не имеют прямого соответствия в действительности. Именно в этом смысле оно и будет рассматриваться в статье.

«Фантастическое» присутствовало в искусстве во все времена. Оно входит в поэтическое творчество на самых ранних этапах его развития, органично вплетаясь в художественную ткань мифа и сказки. Уже на уровне мифологического мышления создается некий фантастический, обобщенный образ мира. На этой, самой ранней стадии развития фантастического, формируются устойчивые черты фантастического типа образности, в основе которого лежит стремление поэта к универсальному постижению и отображению действительности. Все это сообщает фантастическому образу его главную особенность — *высокую степень условности*. Поэтому в литературоведении, когда заходит речь о фантастическом, оно чаще всего связывается с проблемой условности. Об условности искусства говорится еще у Аристотеля в его трактате «Об искусстве поэзии» (336–322 гг. до н.э.): «…Задача поэта говорить не о действительно случившемся, но о том, что могло бы случиться, следовательно, о возможном по вероятности или по необходимости» [Аристотель, 1957: 67].

Но в искусстве существует и *особый вид условности*. Ю.В. Манн (1973) отделял так называемую «первичную условность» искусства от условности внутри самого искусства, «вторичной условности». Вторичная условность — это условность, к которой художник прибегает намеренно и сознательно, как к специфическому средству художественной выразительности, способному полнее воплотить его замысел.

Намеренная условность особенно ярко проявляет себя в фольклоре, где действуют в высшей степени условные существа — сфинксы, кентавры, драконы, ожившие тени, двойники и т.д.

В современном искусстве «намеренная», или «вторичная условность», воспринимается как *фантастика*. Одно из первых определений фантастики в отечественном литературоведении было дано Б. Михайловским в «Литературной энциклопедии» (т. 11, 1939): «Фантастика в литературе и других искусствах — изображение неправдоподобных явлений, введение вымышленных образов, не совпадающих с действительностью, ясно ощущаемое нарушение художником естественных форм, причинных связей, закономерностей природы» [Михайловский, 1939: 652]. В этом определении, опирающемся на социологический подход, упущен, на наш взгляд, важнейший конструктивный элемент фантастического — *особый тип образности*, а понятие «вымышленный образ» крайне расплывчато и поэтому не определяет сущности фантастического в целом и самого образа, в частности.

Автор статьи в «Краткой литературной энциклопедии» (т. 7, 1972) Р.И. Нудельман определяет фантастику как «специфический метод художественного отображения жизни, использующий художественную форму — образ (объект, ситуацию, мир), в котором элементы реальности сочетаются с несвойственным ей, в принципе, способом, — невероятно, “чудесно”, сверхъестественно» [Нудельман, 1972: 887]. В.С. Муравьев трактует фантастику как «разновидность художественной литературы, в которой авторский вымысел от изображения странно-необычных, неправдоподобных явлений простирается до создания особого — вымышленного, нереального, “чудесного мира”» [Муравьев, 2003: 119].

Очевидно, что во всех приведенных толкованиях фантастика определяется как особый способ отображения мира, или форма создания *вымышленного мира* посредством *образа особого типа*, обладающего высочайшей степенью условности, или «условностью в условности». Важнейшим свойством фантастического образа является то, что он дает литературному произведению огромную *свободу художественной формы*, следовательно, глубину и подлинное многообразие отражения авторских идейно-тематических установок, порой несравнимых с произведениями, в основе которых лежит реалистический тип образности.

В книге «Что такое фантастика?» Ю.И. Кагарлицкий отмечал, что «то или иное произведение остается в пределах фантастики лишь до тех пор, пока средства убедительности — сколь бы реалистичны они ни были сами по себе — служат именно фантастике. Там, где этот принцип нарушен, фантастическое допущение немедленно обнаруживает всю свою шаткость. Он отделяется от реалистического по самой сути своей реалистического произведения, становится простой литературной условностью» [Кагарлицкий, 1974: 39].

Особо следует сказать и о термине «фантастическое». «Фантастическое — тип художественной образности, основанный на тотальном смещении-совмещении границ “возможного” и “невозможного”», — так оно определяется в «Поэтике: словаре актуальных терминов и понятий» [Лавлинский, Павлов, 2008: 278]. Нарушение указанных границ связано со столкновением героя (и/или читателя) с явлениями, выходящими за границы понимаемого, или того, что принято считать понятным, то есть «обычным», «объективным» или «исторически достоверным».

Фантастическое связано, по словам Ю.М. Лотмана, с «нарушением норм художественной условности», характерной исключительно для реалистического метода ее отображения, но включающее в свой состав принципы правдоподобия (естественнонаучные наблюдения или факты, а также человеческий опыт и наблюдения над действительностью) [Лотман, 2002: 202].

Говоря о фантастическом, следует *отличать* его от «чудесного» и «волшебного», которые, с нашей точки зрения, более характерны для фольклора, мифа или раннего эпического повествования.

Так, уже древнерусская литература наследует «вечные» темы фольклора и вместе с ними и формы их выражения через введение в литературное произведение сказочных или волшебных образов. В этом случае реальная причинность сочетается с причинностью гиперреальной, иначе говоря, фантастической. Поскольку «вечное» событий не имеет, оно раскрывается через временное. Оно может быть проиллюстрировано событиями или пояснено иносказанием, как в сказке.

Фантастическое под знаком «чудесного» легло в основу средневекового рыцарского эпоса — от «Беовульфа» (VIII в.) до «Персеваля» (около 1182 г.) Кретьена де Труа и «Смерти Артура» (1469 г.) Т. Мэлори. Природу фантастического образа в западноевропейской средневековой литературе изучал М.М. Бахтин, который также рассматривал фантастическое как проявление «чудесного». Ученый находит его истоки в раннем средневековом повествовании, а к его свойствам относит своеобразную «субъективную игру со временем», указывает в этой связи на формообразующую функцию сновидений и видений. Эти свойства фантастического, характерные для средневековой литературы, имеющей в своем основании христианско-мифологическое сознание, с точки зрения М.М. Бахтина, способствуют расцвету особого жанра фантастического повествования — видения. Это — «Апокалипсис» Иоанна Богослова, «Видение о Петре Пахаре» (1326 г.) У. Ленгленда, «Божественная комедия» (1307–1321) Данте Алигьери и др. [Бахтин, 1986: 191–194]. В данном случае фантастическое в форме чудесного означает высокую степень иносказательности. На такое соотношение «фантастическое — чудесное» опираются упомянутые выше С.П. Лавлинский и А.М. Павлов, подчеркивая, что в жанрах видений и притч фантастическое «проясняет намеренную иносказательность, высокую степень условности изображенной реальности, необычной с точки зрения внехудожественной».

По мере развития форм фантастического определились и основные направления развития фантастических *мотивов и образов*. Это мотив превращения («Метаморфозы» Овидия, «Золотой осел» Апулея), восточные мотивы («Сказки тысячи и одной ночи»), фантастико-символические аллегории («Божественная комедия») и т.д. Эти произведения не только дали богатый материал для литературно обработанной сказочной фантастики, но и оказали влияние на западноевропейскую литературу эпохи предромантизма и романтизма. Нельзя не отметить, что развитие фантастики стимулировали и библейские мотивы и образы.

В последующие периоды развития литературы фантастические мотивы и образы и фантастичность, как элемент поэтики литературного произведения, никогда не покидали творчество писателей.

Теоретическое осмысление исторических форм и сущности фантастического начинается *с эпохи романтизма*. В это время фантастика изучается как особый тип художественного сознания, литературных форм и приемов.

Автор ряда трудов по эстетике Жан-Поль (Рихтер) *выделяет три способа введения фантастического в поэтику* произведения и, соответственно, три модели взаимодействия реального и фантастического, которое он называет «лунным светом чудесного» [Жан-Поль, 1981: 75]. Далее он пишет: «Первый, материальный способ состоит в том, чтобы превратить этот лунный свет в обыденный дневной по прошествии нескольких томов, то есть расколдовать чудо…». Второй заключается в том, что поэты «не объясняют своих чудес, а только выдумывают их, что, конечно, просто, а потому само по себе и неправильно; ибо поэт не может доверять всему, что легко и не требует вдохновения, он должен отказываться от всего такого — это легкость прозы» (с. 76). Третий способ: «… Поэт и не разрушает чуда <…> и не оставляет его противоестественно в пределах физического мира… Пусть чудо не летает как птица дня, но пусть не летает и как птица ночи, — оно летает как вечерняя бабочка» (с. 76).

Проблема фантастического получила глубокое решение в творчестве Э.Т.А. Гофмана. В его произведениях не только ярко представлен мир фантастического во всем разнообразии мотивов, образов и сюжетов, но присутствуют рассуждения о сущности и назначении фантастического в искусстве. В теоретическом трактате «Фантастические рассказы в манере Калло» (1815) он писал: «Отчего я не могу насмотреться на твои странные фантастические рисунки, смелый мастер? Отчего не выходят у меня из головы твои образы, набросанные иногда лишь двумя смелыми штрихами? Когда я долго смотрю на твои богатые композиции, составленные из разнороднейших элементов, передо мной оживают тысячи и тысячи образов, и даже на заднем плане, где их сначала трудно было рассмотреть, они с силой выступают вперед в самых натуральных блестящих красках» [цит. по: Памятники мировой…, 1962–1970, т. 3: 328–329].

В своем творчестве Гофман сближает фантастическое и реальное, добивается проникновения одного плана изображения в другой. Фантастическое такого рода предполагает возможность двойственного толкования событий, что, в свою очередь, способствует его качественному изменению: постепенно устраняется сам носитель фантастического; изменяются его функции и т.д.

Одним из наиболее полных исследований фантастического является труд Ц. Тодорова «Введение в фантастическую литературу» (1968, на русском — 1997). Опираясь на работы западноевропейских литературоведов — М. Джеймса, Л. Вакса, Р. Кайуа и др., он дает свое определение этому понятию и приходит к выводу, что названные ученые в той или иной степени «явно перефразируют друг друга», во всех трактовках ими фантастического фигурирует «таинственное», «необъяснимое», «недопустимое», вторгающееся в «реальную жизнь», в «реальный мир» или в «неизменную закономерность повседневности» [Тодоров, 1997: 19].

Точка зрения Тодорова: «Фантастическое существует, пока сохраняется <…> неуверенность; как только мы выбираем тот или иной ответ, мы покидаем сферу фантастического и вступаем в пределы соседнего жанра — жанра необычного или жанра чудесного. Фантастическое — это колебание, испытываемое человеком, которому знакомы лишь законы природы, когда он наблюдает явления, кажущееся сверхъестественным» (с. 18). В книге он приводит своего рода критерий (условие) существования фантастического: «“Я почти начал верить” — вот формула, обобщающая дух фантастического жанра. Абсолютная

вера, равно как и полное неверие увели бы нас в сторону от фантастического; именно неуверенность вызывает его к жизни» (с. 22).

Эффект фантастического, считает Тодоров, достигается в результате соблюдения трех условий жанра. Во-первых, «текст должен заставить читателя рассматривать мир персонажей как мир живых людей и испытывать колебание между естественным и сверхъестественным объяснением изображаемых событий». Во-вторых, это колебание или сомнение «может испытывать и персонаж». В-третьих, необходимо, «чтобы читатель занял определенную позицию по отношению к тексту», исключив при этом возможность аллегорического или поэтического толкования [Тодоров, 1997: 24]. По сути дела, Ц. Тодоров дал описание новой жанровой модели с точки зрения «фантастического».

Его концепция не была оставлена без внимания исследователями. По мнению А.Ю. Большаковой, наиболее серьезный шаг в этом направлении был сделан Н. Корнуэллом. В обзорной статье «Современные теории жанра в англо-американском литературоведении» она выделяет следующие моменты концепции фантастического у Корнуэлла: вопросы терминологии; ментально-литературную природу «фантастического»; внутреннюю дихотомию этого жанра (сверхжанра) — «чудесное», «невероятное»; его генезис. По ее словам, Н. Корнуэлл «не только доказывает жанровую природу “фантастического”, но и выявляет качественно *новое в жанровой природе*: “фантастическое” становится как бы сверхжанром, исторически сложившимся на основе одновременно с ним (в рамках одного произведения) существующих нарративных жанров (роман, повесть и т.п.)» [Большакова, т. 3: 123].

К определению жанра Корнуэлл применяет рецептивно-коммуникативный подход, поэтому он считает, что «основным признаком здесь является чувство читателя, его ментальное состояние, возникающее в процессе рецепции: сомнение, неуверенность, колебание между естественным и сверхъестественным (или чудесным) объяснением событий повествования». Он также выделяет три ментальные категории — «колебание, неясность и сверхъестественное — как основные элементы, определяющие природу фантастического» [цит. по: Большакова, т. 3: 123–125].

Активное изучение фантастики в отечественной науке о литературе осуществлено в 1970-е гг. Это работы Ю.В. Манна, Ю.И. Кагарлицкого, В.Н. Захарова, И.В. Семибратовой, позднее Т.А. Чернышевой, Е.М. Неёлова и др. Указанные ученые рассматривают фантастическое в пределах поставленных ими собственных научных проблем.

В статье «Эволюция гоголевской фантастики» Ю.В. Манн исследует значение фантастики, прежде всего, в контексте развития отечественного романтизма, подчеркивая, что романтики высоко ценили ее познавательные возможности и силу воздействия на читателя, поэтому «разработали до совершенства, до изощренности технику фантастического» [Манн, 1973: 219]. Ю.В. Манн подчеркивает, что фантастика имела огромное значение не только для развития форм романтического повествования, но и для реализма, в системе которого она заняла свое вполне определенное место. Поэтому, считает исследователь, следует выделить два типа фантастики: первый — «фантастика в прямом ее значении», второй тип — «*завуалированная* фантастика». «Прямое вмешательство фантастических образов в сюжет, повествование и т.д., — подчеркивает Манн, — уступает место цепи совпадений и соответствий с прежде намеченным

и существующим в подсознании читателя собственно фантастическим планом». Далее он выделяет целый комплекс поэтических средств, с помощью которых создается и поддерживается второй тип фантастики: 1) «*фантастическая предыстория*», которая «обязательно предшествует главной событийной линии»; 2) «повествование о фантастическом часто переводится *в форму слухов и предположений*», а также в «*форму сна*»; 3) цепь совпадений и соответствий [Манн, 1973: 222].

В.Н. Захаров рассмотрел, как фантастика применялась в художественной практике и эстетике Ф.М. Достоевского. Он писал «Фантастическое — феномен фантазии художника». И далее обращая внимание на понимание Достоевским проявления фантастического в искусстве как нарушение законов «пространства и времени», «законов бытия и рассудка» [Захаров, 1974: 99]. Он рассмотрел также соотношение условности самого искусства и условности фантастики. В статье «Условность и фантастика (взаимоотношение категорий)» изложена его позиция: «Фантастика — проявление условной природы искусства, его специфическое художественное качество». Критерием фантастического, по его мнению, является сама «объективная действительность, которая позволяет определить принадлежность данного явления либо к реальному миру, либо к фантазии человека. В строгом смысле фантастическое невозможно в объективном мире, но вполне допустимо в искусстве» [Захаров, 1986: 48–49].

В упомянутой статье автор различает *два типа* фантастики: первый — фантастическая условность, которая существует как понятное читателю и необходимое писателю нарушение законов объективного мира в сюжете произведения». В произведениях с *условной* фантастикой: «Фантастическое <…> изображено как реальное, оно становится действительным в художественном мире произведения». К типу условной фантастики Захаров относил одну из ранних «таинственных» повестей И.С. Тургенева — «Призраки». Второй тип — *неусловная* фантастика, в котором одним из самых распространенных способов «снятия» условности является «психологическая мотивировка фантастического» (с. 51–52). Кроме того, В.Н. Захаров выделяет так называемую «мнимую фантастику», которую следует отличать от «неусловной». Здесь «фантастическое объяснялось “обманом чувств” или проделками героев — давалось бытовое разъяснение фантастическим “ужасам”» (с. 53). «Попытки религиозного, мистического, психопатологического, позитивистского т.п. истолкования фантастики, столь популярные в <…> литературоведении, являются, по сути дела, нехудожественным прочтением произведения. Фантастика — категория поэтики, и в ее оценке следует, прежде всего, исходить из законов искусства — условных, конечно (иными они просто не могут быть)», — делает вывод исследователь (с. 54).

Изучение категории фантастического на материале русской прозы 1830–1840-х гг. было предпринято И.В. Семибратовой. Рассматривая фантастическое, как конструктивный элемент поэтики произведения, она выделила три типа фантастики. *Первый тип* генетически восходит к сказке — «сказочная реальность» (А.С. Пушкин «Сказки», «Русалка», «Руслан и Людмила»; Н.В. Гоголь «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Вий»; А. Погорельский «Лафертовская маковница» и др.). *Второй тип* — это фантастика как психологическая фикция, где фантастическое выступало как порождение миросозерцания или болезненного состояния героя». Проявление такой фантастики — введение в повествова-

ние сна, галлюцинаций или видений героев. *Третий тип* — это «фантастика как литературная условность, где фантастическое фигурирует на вторых ролях и является заранее загаданным автором и добровольно разделяемым читателем художественным допущением. Оно преследует цель не изображение собственно фантастического, а раскрытия с помощью фантастических средств некоторых сторон реальной действительности или перспектив будущего» [Семибратова, 1977: 14–15].

Далее, прослеживая развитие этих типов фантастики в историко-литературном движении, Семибратова утверждает: «1. Фантастика как сказочная реальность в русской прозе постепенно отходит к фольклорному прошлому в литературе, сохраняясь лишь в произведениях, написанных для детей; 2. Фантастика как психологическая фикция была наиболее распространена, но и она постепенно вытеснялась из литературной практики; 3. Фантастика как литературная условность оказалась наиболее продуктивной в литературе последующего времени, так как, в отличие от фантастики двух предыдущих типов, она в основном сочеталась не с романтическим, а с реалистическим методом в русской литературе» (с. 16–17).

С учетом рассмотренных точек зрения, мы определяем *фантастическое как такой способ отображения действительности, который использует форму художественной условности — образ (объект, ситуацию, мир), в котором элементы реальности проявляют несвойственные им черты, либо в определенных ситуациях, создаваемых в литературном произведении, сама реальность обретает черты, ей несвойственные.* В этом случае фантастическое может рассматриваться как ***категория поэтики***, с помощью которой воплощаются образы естественной действительности и действительности воображаемой (сверхъестественной). Данная категория давно и плодотворно используется в литературе. Существенная смысловая нагрузка её очевидна. Очевидно также и широкое использование форм её проявления — сюжетов, образов, мотивов, ситуаций и т.д. Фантастическое оказывает огромное воздействие на художественный мир произведения, создавая возможность для раскрытия внутреннего мира персонажей, играет важную роль в сюжетно-композиционном построении произведения и т.д. Свойства фантастической образности проявляются как в собственно фантастических творениях («фантастике»), так и в отдельных сторонах или частях «нефантастических» произведений.

Список литературы

Аристотель. Об искусстве поэзии / перев. В.Г. Аппельрота. – М.: Гослитиздат, 1957.

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит., 1986.

Большакова А.Ю. Современные теории жанра в англо-американском литературоведении // Теория литературы: в 4 т. – М.: ИМЛИ РАН. – Т. 3.

Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики // перев. Ал. В. Михайлова. – М.: Искусство, 1981.

Захаров В.Н. Условность и фантастика (взаимоотношение категорий) // Жанр и композиция литературного произведения: межвуз. сборник. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводск. ун-та, 1986.

Захаров В.Н. Концепция фантастического в эстетике Ф.М. Достоевского // Художественный образ и историческое сознание: межвуз. сборник. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводск. ун-та, 1974.

Кагарлицкий Ю.И. Что такое фантастика? – М.: Худож. лит., 1974.

Лавлинский С.П., Павлов А.М. Фантастическое // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н.Д. Тамарченко. – М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008.

Лотман Ю.М. О принципах художественной фантастики // История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство, 2002.

Манн Ю.В. Эволюция гоголевской фантастики // К истории русского романтизма: сборник статей. – М.: Наука, 1973.

Михайловский Б. Фантастика // Литературная энциклопедия / под ред. А.В. Луначарского. – М.: Худож. лит., 1939. – Т. 11.

Муравьев В.С. Фантастика // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А.Н. Николюкин. – М.: НПК Интелвак, 2003.

Нудельман Р.И. Фантастика // Краткая литературная энциклопедия / под ред. А.А. Суркова. – М.: Сов. энциклопедия, 1972. – Т. 7.

Памятники мировой эстетической мысли: В 5 т. – М.: Искусство, 1962–1970. – Т. 3.

Семибратова И.В. Фантастическое в творчестве Пушкина // Замысел, труд, воплощение…: сборник статей. – М.: Изд-во Московск. ун-та, 1977.

Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу // перев. Б. Нарумова. – М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1997.

Д.М. Мельцаев

ПРИНЦИПЫ ИЗОБРАЖЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО МИРА ГЕРОЯ В РОМАНЕ К. АБРАМОВА «СЫН ЭРЗЯНСКИЙ»

МЕЛЬЦАЕВ Дмитрий Михайлович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы МГГЭИ (e-mail: dmelcaev@yandex.ru).

Аннотация. *Анализируется роман-трилогия К.Г. Абрамова об известном скульптуре С.Д. Нефёдове (Эрьзе), характеризуются принципы изображения духовного мира героя. Показано, что художественная характеристика его в романе достигается путем изображения этно-социальных факторов формирования личности, описания внутренних монологов, образа жизни и нравственных основ творчества.*

Ключевые слова: *образ героя, черты характера, средство характеристики, психологический анализ, внутренний монолог, внутренний мир, социальная среда.*

Имя Степана Дмитриевича Эрьзи (Нефёдова) (1876–1959) известно далеко за пределами России, его по праву считают одним из крупнейших скульпторов мира, произведения которого характеризуются самобытностью и художественным совершенством. О нем написано немало. Но до сих пор творчество, жизненный путь этого выдающегося мастера резца, создавшего более тысячи произведений скульптуры, раскрыты лишь частично. И причиной тому является, наверное, то, что диапазон его личности необычайно широк.

Известный мордовский советский писатель Кузьма Григорьевич Абрамов (1914–2008), начиная с 1960-х годов, собирал материал о жизни и творчестве С. Эрьзи. Его трилогия явилась первым многоплановым художественным произведением в советской литературе, воссоздающим жизненный и творческий путь скульптора. Две книги под названием «Сын эрзянский» на мордовском-эрзя языке вышли соответственно в 1971 и в 1973 гг., третья часть «Степан Эрьзя» на русском — в 1977 г.

Писатель поставил перед собой невероятно сложную задачу: художественно осмыслить жизнь выдающегося скульптора XX в., воплотившего в себе духовную мощь национального характера. Ведь жизнь и творчество С. Эрьзи (одно без другого представить просто невозможно) — это не простое восхождение от низшего к высшему. Это нечто гораздо большее, включающее в себя генетически заложенное природой, осознанное Мастером и через неимоверный труд воплощенное в творениях, ставших свидетельством безграничных возможностей Человека. Творения С. Эрьзи принадлежат всему человечеству, но таковыми они стали лишь потому, что воплотили в себе силу, дух определенного народа — мордовского.

Обратим внимание на то, как писатель раскрывает богатство внутреннего мира героя, качества его характера, оригинальность С. Эрьзи.

С первых страниц романа перед читателями возникает небольшое эрзянское село Баево, изображенное в серых, пасмурных тонах, словно непроглядная мгла окружала его и жителей. Автор совершенно правильно считает необходимым

подробно рассказать о родителях Эрьзи, образы которых весьма удались в романе. Отец — Дмитрий Иванович был молчаливым, сосредоточенным человеком, но именно он для маленького Степана был единственным другом, с которым мальчик делился своими заботами, показывал ему рисунки, сделанные мелом или углем на дощечках. Мама — Марья Ивановна изображена общительной, веселой, любившей петь народные песни. Скромная, честная и справедливая, она предстает перед читателями как олицетворение чистоты и нравственного совершенства, красоты и доброты.

Следует обратить внимание еще на один образ в романе, который оказал благотворное влияние на формирование личности маленького Степана. Это дед Охон. Этот мастер дерева, чудесный человек, удивительный сказочник привлекает внимание сразу. Степан всегда с большим упоеньем наблюдал за умелыми руками старого чародея, с наслажденьем слушал в зимние вечера его рассказы. Пожалуй, именно от деда перешла к Степану любовь к дереву. Живописцем он не стал, хотя мог бы им быть, но неодолимая сила влекла его к дереву, к скульптуре. Это влечение художественно убедительно воссоздает в своем повествовании К. Абрамов.

В романе показано становление скульптора под благотворным влиянием красоты родного края. Степан Эрьзя еще с детства открывает для себя мир природы. Большую часть времени он проводил наедине с природой: здесь он думал, мечтал, наблюдал. Образы окружающих, пейзажи родного края, жизненный уклад мордвы помогают лучше понять своеобразие становления личности героя.

Писатель подробно воссоздает обычный сельский быт, в котором растет и мужает талант такого необычного мальчика, который живет в каком-то другом мире, не всегда понятном окружающим. Автор руководствуется принципом правдивого раскрытия образа своего героя, стремлением изобразить процесс формирования личности Степана, который ищет свой путь в жизни. По ходу развития сюжета в романе раскрывается своеобразный характер героя, борющегося за достижение светлых целей.

Беднота и почти нищенское положение, трудности и разного рода лишения, непонимание со стороны близких и жестокие социальные условия не сломили душу поэтически устремленного человека. Трудолюбие, скромность и моральная чистота — вот основные черты характера Степана Эрьзи. Именно таким он предстает перед нами со страниц трилогии.

Психологический анализ — едва ли не самое главное средство характеристики героя. Вместе с писателем мы наблюдаем за ростом героя, его жизнью и переживаем за него. Нередко такая характеристика эмоционально подчеркивается через картины природы. «День был хмурый. Небо застилали густые низкие тучи. В воздухе носился снег, ветер жестоко шумел в голых тополях. Скоро опять зима. Какая длинная и тоскливая она кажется по сравнению с летом. Вот бы уехать куда-нибудь и не приезжать до самой весны…» [Абрамов, 1999. Т. 3: 310]. Часто описание природы проецируется на описание душевного состояние Степана. Это подтверждает стремление автора убедительнее передать душевный настрой главного героя.

Что и говорить, его путь к вершинам славы был труднейшим, было много преград, непонимания, обмана и предательства. Читаешь про Степана Эрьзю и удивляешься: откуда столько сил у него, что было их «живительным источником»? Может, это та самая маленькая деревушка у Бездны, навсегда вошедшая

в память; может, это игрушки отца и деда Охона; может, это образ дорогой матери, самого близкого человека для Степана? Или это все вместе взятое и еще любовь к народу, частицей которого он сам являлся? Может, это настойчивый крестьянский характер, который и сделал его Скульптором и помог пройти достойно через «топкие болота нищеты и несчастий»?

Абрамов хорошо понимает и вскрывает социальную сущность нравственного зла, которое разъединяет людей, заражает их мелкими страстями тщеславия, высокомерия, жаждой личного благополучия. В переживаниях его героя поднимается высокая тема человеческого достоинства, человеческой ценности. Автор выражает оценочное отношение к состоянию *художника*, выбирающего истинный, достойный человеческий путь. *Исследование его судьбы становится в произведении исследованием природы духа*. Эта духовность проверяется через острейшие конфликты, которые преодолевает герой. И здесь Абрамов в общем-то ничего не придумывает: так было в жизни Эрьзи, изобиловавшей противоречиями, духовными исканиями, мучительными переживаниями, взлетами и падениями.

По мере развития сюжета перед автором возникла задача воспроизвести плодотворный в творческом отношении и наиболее сложный, противоречивый, запутанный в личном, житейском плане *московский период* жизни самобытного человека, главным принципом существования которого была работа, понимаемая им как творческое горение.

Неудача с поступлением в художественное училище в Москве, конечно, расстроила Степана. Абрамов достоверно рисует настроение героя, мутное состояние бесполезности. «Степан брел, выбирая тихие переулки, и вышел к бульварам. Бульварами дошел до Яузы. Здесь остановился, вглядываясь в мутный поток. На какое-то мгновенье промелькнула в голове мысль, что единым махом можно избавиться от всех житейских забот и неприятностей» [Абрамов, 1999. Т. 4: 14]. Но каково бы ни было отчаянным положение, Степану ни разу не пришла мысль оставить Москву и уехать к себе домой. Не приходила, не могла прийти, потому что каждая клетка его организма пылала жаждой познать новое.

Каким бы ни был жестоким окружающий мир, житейская грязь к Степану не приставала. «У него было врожденное чувство отвращения к человеческим порокам — к пьянству, зависти, жадности. До приезда в Москву он даже курить не научился… Не принимал он участия и в частых выпивках, устраиваемых по самым различным поводам и причинам, особенно теми, кто пришел в училище, уже успев хлебнуть житейского горя» [Абрамов, 1999. Т. 4: 39]. Его пылкая душа рвалась вперед. Мысленно он готов был в один миг преодолевать все трудности, все пропущенное повседневно, шаг за шагом. И не только мысленно, но и на самом деле он брал новые высоты благодаря трудолюбию, настойчивости, целеустремленности. Это было похоже на восхождение по крутой лестнице с тяжелым грузом на плечах.

К. Абрамов по ходу повествования постепенно, но постоянно, осторожно «подталкивает» своего героя к скульптуре. Все это происходит по принципу «отклеивания» от образа Степана всего ненужного, второсортного, несущественного для призвания героя, остается лишь характерное, нужное, родное, то, для чего и во имя чего он родился на этот свет. Степан пока еще интуитивно, спонтанно, неосознанно начинает видеть в скульптуре что-то большее, чем в рисунке, он все больше чувствовал охлаждение к живописи.

Может быть, *скульптура* реалистичнее других видов искусства помогает точнее воплотить замыслы автора, связать их с жизнью, с реальными людьми, достичь полноправного сходства с оригиналом? Может быть, увлекателен сам процесс превращения «мертвого» материала в живого человека, человека волевого, человека-страдальца, человека-борца, каким он был сам? Не случайно «лепил он всегда одно и то же — свою собственную голову с вытянутым лицом страдальца». Писатель тонко использует прием характеристики героя через его работы, через автопортрет.

Много места в романе уделяется изображению итальянского периода в жизни С. Эрьзи, когда он отправился к своему другу Д. Тинелли в мае 1906 г. Эта наиболее ответственная часть книги, ибо в ней автор вплотную подошел к раскрытию творческой лаборатории скульптора, скульптора уже возмужавшего и именно в этот период создавшего свои первые сильные вещи. Автор пытается передать читателю объективные и субъективные причины, побудившие С. Эрьзю к созданию своих творений, что, безусловно, тоже является средством характеристики героя, потому что скульптор в эти работы вложил свое мироощущение, мировоззрение.

Автор трилогии старался не упустить ни один значимый эпизод из жизни С. Эрьзи, особенно если это касается приобщения к скульптуре как к «эрьзинскому» виду искусства. Скульптурам абрамовский герой отдает частицу своей души, души творческой, страждущей. Кульминационным моментом во всей трилогии стало изображение жизни уже сложившегося скульптора *с определенной жизненной позицией*. Это человек, глубоко вглядывающийся в жизнь, видящий в ней что-то свое, что не дано увидеть другим, человек беззаветно преданный своему делу.

Абрамовский Эрьзя где бы он ни был, что бы он ни делал, всегда помнил о своем народе. «Отец, отечество, Родина — они даны каждому раз и навсегда и менять их нельзя. Их не выбирают по собственному желанию или настроению», — так думает Степан, когда Тинелли предложил ему оставить богатое наследство [Абрамов, 1999. Т. 4: 135]. Для него самым ценным оставалась всегда свобода, свобода мысли, свобода творчества. Он не хотел стеснять себя ничем, что могло ему помешать нормально работать.

В романе писатель уделяет внимание раскрытию этно-социального портрета героя, показывает истоки его псевдонима. Однажды, случайно сломав голову своего «Осужденного», Степан Нефёдов в ярости уничтожил все произведение, но за пять суток снова воссоздал образ приговоренного к смерти. Организатор выставки в Милане синьор Уголино был в восторге: «Когда они со Степаном упаковали «Осужденного», он обратил внимание, что на нем не указано имя создателя.

– Что же вы, или забыли, или хотите выставить анонимно? — спросил Уголино.

Степану, признаться, было не до таких мелочей. «Осужденный» измотал его вконец. Он взял шпунт и молоток, подошел к скульптуре, задумался.

– Так вы, синьор Уголино, говорите, что «Осужденный» — лучшая из моих работ и будет иметь на выставке успех?

– Что вы от меня, Стефан, хотите? Я уже свое мнение высказал, когда мы вынули его из формы. Рад буду, если вы опять его разобьете, в следующий раз он будет еще лучше. В этом я больше чем уверен!

– Я спрашиваю к тому, что если мой «Осужденный» будет иметь успех, мне бы хотелось большую часть этого успеха уделить моему маленькому народу, о котором здесь, в Европе, и не слышали.

– Стефан, вы святой человек! — воскликнул Уголино, обнимая его. — Я понял, что вы хотите сделать. Высекайте имя своего народа на этой скульптуре! Высекайте смело. Она возвысит его.

Степан наклонился и слева внизу выбил латинским шрифтом первую букву своего имени «S» и название своего маленького народа «Ersia»… Позднее он поставил эту надпись и на других своих работах, выставленных в Милане. Начиная с весны 1909 года, как скульптор, он стал известен под этим именем» [Абрамов, 1999. Т. 4: 169]. Известность под этим именем он завоевал (именно завоевал) не столько для себя, сколько для своего народа. Это имя возложило на него ответственную миссию, которую он чувствовал всю свою жизнь.

В трилогии взят большой отрезок времени – восемьдесят с лишним лет, то есть вся жизнь художника. Человек, создавший бессмертные произведения искусства, поражающие зрителя своим художественным совершенством, должен был обладать характером, не похожим на окружающих. И эту уникальность характера, богатство внутреннего мира, эстетического видения должен был показать со всей художественной убедительностью другой художник — писатель. Психологически тонкая наблюдательность писателя за формированием характера, убедительное описание душевных переживаний и исканий героя, проведение его по нелегкому пути к своему предназначению — скульптуре — основные черты романа К. Абрамова, способствующие его успеху у читателя.

Список литературы

Абрамов К.Г. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 3: Степан Эрьзя: биогр. роман. Кн. 1 и 2. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1999.

Абрамов К.Г. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 4: Степан Эрьзя: биогр. роман. Кн. 3. Степан Дмитриевич Эрьзя. Биогр. Очерк. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1999.

Т.Б. Баранникова, С.Х. Казиахмедова

О СХОДСТВАХ И РАЗЛИЧИЯХ ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

БАРАННИКОВА Татьяна Борисовна, доктор филологических наук, профессор, кафедра английской филологии Дагестанского государственного педагогического университета (ДГПУ) (tatyanabarannikova@mail.ru). КАЗИАХМЕДОВА Светлана Ханмагомедовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка МГГЭИ (svet1470@mail.ru).

Аннотация. *В статье на основе сопоставительного анализа выявляются общие и специфические структурно-семантические характеристики поэтической лексики английского и русского языков.*

Ключевые слова: *сопоставительно-типологическое описание, поэтическая лексика, структурные характеристики, тематические группы.*

Одним из актуальных направлений современной лингвостилистики продолжает оставаться сопоставительно-типологическое описание различных разрядов функционально-стилистической лексики. Выделив «сопоставительную классификацию по стилистическим пластам словарного состава» в качестве одной из основных задач сопоставительной стилистики на лексическом уровне, А.В. Федоров высказал мнение, что данная классификация может явиться «первой ступенью на пути к формам обобщения различных стилистических явлений» [Федоров, 1971: 15]. «В результате сопоставительно-стилистического исследования, — подчеркивал он, — конкретизируется и вопрос о разном месте, занимаемом элементами одного и того же пласта словарного состава в разных языках». И далее: «Работы по стилистике, построенные вне сопоставления с иноязычным материалом, дают перечень этих пластов, совпадающий для разных языков» [Федоров, 1971: 13].

Определенный вклад в решение поставленной проблемы внесли работы 1980-х — начала 1990-х годов таких авторов, как Н.К. Гарбовский, В.И. Садыхов, В.А. Хомяков, А.М. Котов и др. Следует, однако, отметить, что проводимые исследования не носят целенаправленного и планомерного характера, достаточно полной разработки не получила и методика сопоставительного анализа лексико-стилистических разрядов.

В задачи настоящей статьи, выполненной в указанном русле стилистических исследований, входит *сопоставительный анализ основных характеристик поэтической лексики английского и русского языков*. Данный функционально-стилистический разряд, рассматриваемый в современной лингвистике преимущественно в одноязычном плане [Суняйкина, 2001; Голуб, 1977; Иванова, 1977 и др.], вызывает неоднозначные мнения: существование особого *поэтического языка* как признается, так и отвергается. В лингвистической литературе имеются два основных направления в определении понятия «поэтическое слово»:

1. Поэтическими называют слова, подвергающиеся преобразованию в художественном контексте (М.М. Бахтин, Л.Я. Гинзбург, В.П. Григорьев, Б.А. Ларин, С.А. Андреева и др.). Приведем, например, высказывание В.П. Григорьева: «Выразительные способности, возможность стать эстетически значимой едини-

цей заложены в каждом слове. Это значит, что любое слово в художественном контексте может стать образным, поэтическим в результате изменений в его семантической структуре» [Григорьев, 1979: 52–53].

2. Ряд других исследователей (А.К. Панфилов, М.П. Брандес, О.С. Ахманова, В.В. Виноградов, В.И. Кодухов, А.Н. Гвоздев и др.) поэтическими считают функционально-стилистическую группу слов, сфера употребления которых ограничена стилем языка художественной литературы, преимущественно — поэзией.

Существует и «компромиссная» точка зрения, согласно которой выделяются языковые (абсолютные) и речевые (контекстуальные) поэтизмы (М.И. Урманова). Языковые поэтизмы базируются на традиционном классическом понимании «поэтического» как выражения возвышенного, благородного. К речевым поэтизмам, по мнению М.И. Урмановой, могут быть отнесены любое слово или сочетание слов, включенные в стиховой ряд, которые во взаимодействии с микро- и макроконтекстом и другими факторами поэтической речи проявляют поэтическую значимость и несут повышенную идейно-художественную нагрузку для выражения поэтического замысла автора.

Проблема состава поэтической лексики осложнена и вопросом взаимосвязи поэтизмов с возвышенной лексикой. Некоторые исследователи (О.С. Ахманова, М.В. Панов, Д.Н. Шмелев, Е.Ф. Петрищева и др.) либо объединяют возвышенную и поэтическую лексику в один лексический слой, либо отождествляют их. Ряд лингвистов (А.П. Ялышева, И.Б. Голуб и др.), указывая на их тесную связь, считают необходимым их разграничивать. Так, по мнению И.Б. Голуб, «именно способностью создавать приподнятый, возвышенный тон речи возвышенные и поэтические слова сближаются между собой, хотя эти экспрессивные оттенки у них проявляются по-разному» [Голуб, 1977: 7]. В.П. Вомперский предлагает следующий прием разграничения высоких и поэтических слов: «В жанрах прозы и публицистики наречие «ныне» выступает как «возвышенное», а в поэтических жанрах — как поэтизм» [Вомперский, 1970: 69].

Тесная взаимосвязь поэтической лексики с возвышенными, а также устаревшими и другими разрядами слов является объективной причиной отсутствия четких границ между данными разрядами лексики и несовпадения стилистических характеристик поэтизмов в разных словарях. К субъективным причинам следует отнести недостаточное внимание лингвистов к разработке теоретических основ исследования. Разграничение поэтической лексики от смежных объектов и определение ее места в системе стилистически маркированной лексики должно, в нашем понимании, проводиться на основе общего признака и на фоне более глубокого анализа проблемы лексико-стилистической дифференциации языка.

При определении условий сопоставительного анализа поэтической лексики английского и русского языков мы опирались на концепцию о специфике реализации типологических характеристик языка в различных функциональных стилях и об их взаимодействии, разрабатываемую такими исследователями, как Р. Якобсон (1966), М.Д. Бергельсон (1990), В.А. Головин (1991), Л.Д. Исакова (1999). В соответствии с ней, при обосновании tertium comparationis структурных характеристик поэтической лексики, мы полагали, что эти характеристики, базируясь на типологической структуре конкретного языка, формируются в результате отбора тех структур и способов словообразования, которые в наи-

большей мере способствуют реализации коммуникативной установки соответствующей функционально-речевой сферы. Включаясь в необходимый режим функционирования, используемые структуры и способы словообразования отличаются от общеязыковых и других функционально-отмеченных способов по своей продуктивности и формам реализации. С другой стороны, следует иметь в виду, что сходное воздействие коммуникативной установки той или иной функционально-речевой сферы может иметь своим результатом совпадение структуры и отдельных тенденций словообразования определенного разряда лексики в различных языках.

Первым этапом сопоставительного анализа исследуемых лексических единиц английского и русского языков явилось их сопоставление по *морфологической структуре*. Оно позволило обнаружить преобладание производных слов над простыми в поэтической лексике русского языка (ср.: *пламенеть, ниспадать, возлежать, воинство, упование и т.д.*). Настоящее расхождение, как очевидно, отражает общесистемную контрастивную черту сопоставляемых языков, заключающуюся в том, что русский язык является более синтетическим, чем английский, то есть ему свойственно большее число производных. При этом поэтической лексике как русского языка, так и английского языка в большей степени характерна суффиксация, чем префиксация. Данное совпадение находится в соответствии с аналогичными процессами при образовании лексических единиц общего словаря.

Сложные слова в английской поэтической лексике составляют сравнительно небольшую группу (7%). Например, *cloud-land, fleet-food, home-felt, life-blood, winter-tide, sun-bright* и др. В поэтической лексике русского языка количество сложных и сложнопроизводных слов приблизительно аналогичное. Например, *самодержец, мясоедный, златокудрый, благовест, благовонный, черноокий, приснопамятный* и т.д. В словообразовательных системах обоих языков словосложение, однако, более распространено.

Важной характеристикой английских поэтизмов является наличие в их составе структурных (фонетических и морфологических) вариантов нейтральных единиц. Например: *list = listen; yester = yesterday; ye = you; silvern = silver; tis = it is; enow = enough, morn ~ morning, e'er = ever, agen = again, agone = ago; gainst = against, twere = it were....* Аналогичная группа выявляется и в поэтической лексике русского языка. Ср.: *хлад = холод, огнь = огонь, брег = берег, ветр = ветер, град = город, глас = голос, пиит = поэт, братия = братья, возлетать = взлетать, времян = времен, други = друзья, звездами = звёздами, каменья = камни, крыл = крыльев, не убий ~ не убей, стенать = стонать и т.д.* Присутствие в составе исследуемой лексики структурных вариантов позволяет выделить два класса поэтической лексики: формально мотивированные и немотивированные (ср. аналогичные формально мотивированные и немотивированные классы просторечной лексики, выделенные В.А. Хомяковым [Хомяков, 1992]) и считать существование таких подмножеств типологическим признаком поэтической лексики данных языков.

При обосновании tertium comparationis *семантических характеристик* поэтической лексики мы исходили из того, что сходство поэтической семантики в различных языках может проявляться под воздействием единой коммуникативной установки поэтической речи. С другой стороны, ввиду особенностей типологии языка, а также культуры, быта и менталитета его носителей, их языковых

контактов, письменно-литературных и поэтических традиций, поэтическая семантика различных языков не может не иметь отличий.

В результате сопоставления частеречных характеристик исследуемой лексики было определено, что системы поэтической лексики как английского, так и русского языков ограничиваются главным образом тремя частями речи: существительными, прилагательными, глаголами. Существительные представлены в исследуемом материале приблизительно равным количеством в обоих языках (около 50% в русском языке и 47% в английском языке). Например, англ.: *billow, apparel, bale, steed, bosom, brine, eel, fair, indweller, chord* и т.д. Ср. в русском языке: *пенаты, чары, нива, дева, искуситель, стан, одр, плоть, твердь, сонм, глагол и* т.д. Что касается глаголов и прилагательных, в исследуемой лексике русского языка, в отличие от соответствующей лексики английского, отмечается некоторое преобладание глаголов над прилагательными. Глаголы в поэтической лексике русского языка (ср.: *даровать, зиждется, шествовать, карать, исторгать, изречь, избыть,объять, нисходить, свершить* и т.д.) составляют 23% исследуемых единиц, в английском — 17% (*tobrood, toensky, toimpleach, togloom, toguerdon, towis* и т.д.) Прилагательные в поэтической лексике русского языка представлены 18% (*дивный, чудный, лучезарный, былой, отчий, безысходный* и т.п.), в английском — 25%. (*billowy, caitiff, errant, aspiring, wine-dark, vernal, disrupt, riven* и т.д.). Наречия составляют сравнительно небольшую группу в поэтизмах обоих сопоставляемых языков (около 7%). Ср. следующие наречия в поэтической лексике русского языка: *двуперстно, воистину, во славу, навеки, вотще, дерзновенно, доселе, доныне, древле* и английского: *brave, certis, errantly, forsooth, nighty, viewlessly* и т.д. Такие части речи, как местоимения, предлоги, междометия, частицы, союзы и другие представлены в поэтической речи единичными примерами в обоих сопоставляемых языках. Ср. в русском языке: *ея, сей, коли, чу, аминь, ужель, аллилуйя* и т.д., англ.: местоимения *whoe ‘er, whate ‘er, yond, ye, thy, thyself*, предлоги *aboon, adown, ere, mid, midst, or*, союзы *albeit*. Следует вместе с тем отметить, что в английском языке их количество несколько выше.

Сопоставительный анализ семантической структуры исследуемой лексики показал, что в обоих языках преобладают однозначные поэтизмы. Ср. следующие единицы в русском языке: *дар, жар, жребий, венец, лоно, лира* и т.д. и английском: *yore, cincture, cymar, laker, morn, myriad, welkin, levin, horologe*, и т.п. В качестве лексико-семантических вариантов многозначных слов в русском языке, по сравнению с английским, выступает меньшее количество слов, что находится в соответствии с общесистемной характеристикой английского языка, заключающейся в его широкой многозначности. Отличием поэтической лексики английского языка является также существование сравнительно небольшой группы многозначных единиц. Полисемантические слова (дву- и более значные) составляют не более 2% от рассматриваемого фонда английских поэтизмов (ср.: *brine* (n) 2. *поэт*. океан, море, 3. *поэт*. слезы). В рассматриваемом корпусе поэтической лексики русского языка многозначные поэтизмы практически отсутствуют. Тенденция поэтических слов обоих языков к моносемии, которая несколько больше выражена у поэтизмов русского языка, свидетельствует, таким образом, о сходстве их общей семантической структуры и отражает номинативную направленность поэтической лексики, ее четкую предметную отнесенность и информативную насыщенность.

Проведенный сопоставительный анализ структуры коннотативного плана, состоящий в проверке дефиниций поэтических единиц на присутствие коннотаций эмоциональности, оценочности иинтенсивности, позволил обнаружить, что слов, характеризующихся данными коннотациями, также сравнительно немного (более 30%). Ср., например: англ.: *caitiff — подлый, низкий — deserving to bed espised; — despicable orcowardly and that is bad (эмоц., оцен.); fell — жестокий, свирепый — fierce, ruthless, terrible «andthatisbad» (эмоц., оцен.); irefull — гневный — angry «and that is usually bad» (эмоц., оцен.)* и др., русск.: *услада (эмоц. + оцен.), недруг (оцен.), низложение (оцен,), чернь (эмоц., оцен., образы), алкать (эмоц., интенсивность), августейший (эмоц., оцен., интенс), благодать (интенс, оцен.), стенать (эмоц., оцен.), скорбь (эмоц., оцен.), тщета (оцен.)* и т.д.; Большинство же единиц обладают простой, неосложненной структурой коннотативного плана, в которую входят функционально-стилистический компонент («поэтич.») + слабо фиксированный эмоциональный ореол, который выявляется при сопоставлении поэтических единиц со стилистически нейтральными синонимами. Ср., например: англ. *vale — valley, mead — meadow, mart — marked и др.,* русск. *ланиты — щеки, мурава — трава, перст — палец, дева — девушка, доныне — до настоящего времени* и т.д.

В процессе анализа было выявлено, что для английского языка в большей степени, чем для русского языка характерна способность поэтических единиц вступать во внутристилевые синонимические отношения друг с другом. В исследуемом материале русского языка встретились лишь отдельные и не столь многочисленные синонимические ряды. Например: *братья — собратия, братия; небо — небеса, небосвод, небосклон; сделать — свершить, содеять; обладающий властью — владыка, властелин, властитель и т.п.* Ср. в английском: *sky (небо) — heaven, welkin, vault, firmament, canopy, empyrean; clothes (одежда) — array, apparel, vest, vesture, weed; sea (море) — tide, waves, main, billow, brine, flood; girl (девушка) — maid, maiden, may; helmet (шлем) — casque, helm; carriage (повозка) — wagon, wain; bowl (чаша) — vial, chalice, phiale; eyes (глаза) — orbs, windows; soil (почва) — sod, marl, mould; waves (волны) — wallows, waters* и др.

Распределение поэтических единиц сопоставляемых языков по тематическим группам показало, что в исследуемом материале выявляются в целом аналогичные группы (ниже приводятся примеры).

«Чувства и эмоции» русск.: *скорбь, кручина, нега*, и т.д.; англ.: *vexation, rue, woeb.*

«Названия лица» русск.: *дева, дитя, чадо* и т.д.; англ.: *man of world, babe, burd.*

«Цветообозначения» русск.: *красный, лазоревый, лазурный, багряный* и др.; англ.*: purpureal, rubios, sable.*

«Небо и небесные светила» русск.: *свод, небеса, небосклон* и т.д.; англ.: *canopy, empyrean, firmament, Lucifer.*

«Музыка» русск.: *литавры, лира, струны и т.д.; англ.: chant, chanter, descant.*

«Части тела» русск.: *длань, ланиты, глава, зеница, перст, очи, перси* и т.д.; англ.*: windows, orb, bosom.*

«Животный мир» русск.: *лебедь, лебедушка, утица, сокол* и т.д.; англ.: *progne, finny, pard, marvis.*

«Военное дело» русск.: *рать, ратник, брань, воитель, воинство* и т.д.; англ.: *warrior, warrioress, warrior-steed.*

«Жилище и предметы быта» русск.: *обитель, сень, опочивальня* и т.д.; англ.: *mart, ceil, garner, garter-knee.*

«Черты характера» русск.: *дерзновенный, блаженный, гордыня* и т.д.; англ.: *fell, fellowly, felon, ireful.*

«Власть» русск.: *царствие, владыка, властвовать, властелин, властитель* и др.; англ.: *empery, behest, kinglike.*

«Ландшафт» русск.: *раздолье, дол, брег* и т.д.; англ.: *flood and field, glebe, holt, marish.*

«Природные явления» русск.: *ветр, буря, огнь, зефир, пламень* и др.; англ.: *spirit, sigh, levin, gale, flush.*

«Флора» русск.: *нарцисс, кипарис, кедр, мурава, тополь, пальма* и т.д.; англ.: *ebon, ebony, arbute, balefulweeds.*

«Поэтическое творчество» русск.: *пиит, бард, муза и др.,* англ.*: poet, swan, bard.*

«Жизненный процесс» русск.: *породить, прах, стезя, плоть, упокой, усопший* и т.д.; англ.: *embreath, engender, weboflife.*

Вместе с тем, в организации данных групп имеют место и различия, касающиеся их состава и количественных характеристик. Так, более представительными в количественном отношении в английском поэтическом языке являются группы «Море и морское дело», «Одежда», «Названия стран и национальностей», «Черты характера» и некоторые другие. Распространение таких групп, как очевидно, связано с географическим положением Англии и ее деятельностью как крупнейшей морской державы.

В русском языке большее распространение имеет лексика, связанная с религиозными верованиями (*благовест, пастырь, праведник, исповедь, литургия, хоругвь, херувим* и т.д.). Последняя тенденция связана с тем, что язык русской поэзии в своем становлении и развитии опирался на церковно-славянский язык, который, нельзя не согласиться, широко поставлял ему недостающую лексику, в частности, готовые торжественно-поэтические синонимы, либо мало отличавшиеся по своему звуковому облику от русских слов (ср.: *ветер* и *ветр*, *дочь* и *дщерь*), либо образованные от общих для того и другого языка корней, понятных всем (*узреть, внимать, тщиться, отверзать* и т.д.) [Долинин, 1978: 335]. По отношению к английскому поэтическому языку латинский язык не играл подобной роли.

Обращают на себя внимание и различия в составе выделенных групп. Так, в тематической группе «Части тела» поэтической лексики русского языка (более многочисленной, чем соответствующая группа английского языка) поэтические синонимы имеют слова: *рука (длань), голова (глава), щеки ланиты), палец (перст)* и другие, что не наблюдается в английском языке. В группе «Животный мир» русского языка поэтические синонимы имеют слова *«лебедь», «утка»,* опоэтизированы птицы *сокол, соловей* и другие. Ср.: в английском языке поэтическими синонимами являются *progne — swallow (ласточка), erle — blackbird (черный дрозд), marvis — thrush (певчий дрозд), pard — leopard (леопард*) и т.п. В группе «Флора» в русском языке опоэтизированы деревья *«тополь», «кедр», «кипарис», «пальма»*, в английском — *эбеновое, черное дерево (ebon — ebony), земляничное дерево (arbute — arbutus), вереск (heather)* и другие.

В результате сопоставления синонимических рядов исследуемой поэтической лексики определены их эквивалентные (или межъязыковые) и неэквивалентные (одноязыковые) разновидности. Примерами *эквивалентных синонимических* рядов поэтической лексики английского и русского языков могут явиться, в частности, следующие: *baby / babe = ребенок / дитя; order / bid = приказывать / повелевать; eyes / orbs, windows = глаза / очи; steersman / pilot = рулевой / кормчий;song / chant, discant = песня / песнь;valley / vale, dale = долина / дол; bank / rivage = берег / брег;poet / swan, bard = поэт / пиит, бард; to dress / array, vest = одевать / облачать; gift / bestowal = подарок / дар; happy / blithe = счастливый / блаженный; brothers / brethren = братья / братия, собратия; ocean / flood, brine, main = океан / океян; dead / departed = умерший / усопший; tobury / inearth = похоронить / предать земле; togivebirth / engender = рождать / породить и другие.*

Неэквивалентные синонимические ряды, присутствующие только: а) ***в английском языке***: *above / aboon — наверху, вверху,pale / paly — бледный,black / sable — черный цвет, uneducated / bookless — необразованный, ceiling / ceil — потолок, cave / cavern — пещера, swallow / progne — ласточка, China / Cathey — Китай и другие.*

б) ***в русском языке***: *палец / перст — finger, щеки/ланиты — cheeks, дочь / дщерь — daughter, трава / мурава — grass, рука / длань — hand, напрасно / вотще — in vain* и другие.

Подводя итог, отметим, что выявляются как общие, так и специфические структурно-семантические характеристики поэтической лексики английского и русского языков. К *общим* характеристикам, в частности, относятся следующие: а) превалирование однозначных единиц над поэтизмами, имеющими статус ЛСВ многозначных слов, и многозначными единицами; б) непродуктивность словосложения как способа словообразования поэтической лексики; в) преимущественно не осложненная (в аспекте парадигматики) структура коннотативного плана; г) образование в целом аналогичных тематических групп; д) существование межъязыковой (эквивалентной) стилистической синонимии и другие.

Специфическими структурно-семантическими характеристиками поэтической лексики *английского языка* являются:1) преобладание непроизводной морфологической структуры; 2) наличие доли поэтизмов, имеющих статус ЛСВ, и многозначных поэтических слов; 3) распространенность тематических групп «Море и военное дело»,«Одежда», «Черты характера», «Названия стран и национальностей» и других; 4) своеобразная частеречная характеристика; 5) достаточно интенсивная внутристилевая синонимия и другие.

Специфическими структурно-семантическими чертами поэтической лексики *русского языка* выступают следующие:1) практическое отсутствие многоязычных поэтизмов; 2) преобладание производной морфологической структуры; 3) распространение тематической группы «Названия, связанные с религиозными верованиями»; различные качественные и количественные характеристики сходных групп; 4) своеобразная частеречная характеристика; 5) слабая распространенность внутристилевой синонимии и другие.

В результате проведенного анализа представляется возможным утверждать, что постулат о сложном соотношении воздействия на морфологическую структуру и семантику поэтической лексики коммуникативной установки исследу-

емой функционально-речевой сферы, типологических особенностей языка, а также культуры его носителей получил определенную конкретизацию.

Список литературы

Вомперский В.П. Стилистическое учение М.В. Ломоносова и теория трех стилей. – М., 1970.

Голуб И.Б. Высокая лексика в современном русском литературном языке (по современным словарям и публицистике 60–70-х гг.). Автореф. дис. канд. филол. наук. – Воронеж, 1977.

Григорьев В.П. Поэтика слова. – М., 1979.

Долинин К.А. Стилистика французского языка. – Л., 1978.

Иванова Н.Н. Высокая и поэтическая лексика // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. – М., 1977.

Суняйкина С.Д. Поэтизмы в современном немецком языке. Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1978.

Федоров А.В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. – М., 1971.

Хомяков В.А. Некоторые типологические особенности нестандартной лексики английского, французского и русского языков // Вопросы языкознания. 1992. №3.

АСПИРАНТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Б.Д. Андикян

ОСОБЕННОСТИ ЗАНЯТОСТИ И ТРУДОУСТРОЙСТВА ИНВАЛИДОВ

АНДИКЯН Бела Дживановна — соискатель кафедры социологии, МГГЭИ (e-mail: antonella82@mail.ru).

Аннотация. *Рассматривается специфика проблем занятости и трудоустройства инвалидов в России, значимость правовых актов и государственных мер защиты их интересов.*

Ключевые слова*: трудоустройство, занятость инвалидов, правовые основы, трудовая деятельность, доступная среда, квотирование рабочих мест, индивидуальная программа реабилитации.*

В отношениях между государством, инвалидами и рынком есть целый ряд противоречий, вызванных конфликтующими интересами, нарушениями законов, столкновением традиций и нововведений. В самом же законодательстве и практиках его реализации заложена идеология определенной политики инвалидности, которая отражает степень последовательности, системности в действиях правительства и глубину понимания социальных, а не индивидуальных причин инвалидности. Характер влияния на инвалида любых программ и мер зависит от концептуальной модели инвалидности, на которой они основаны. В течение последней четверти XX столетия доминирующей парадигмой инвалидности в мире была модель миноритарной группы [Scotch Richard K. and Schriner Kay, 1997: 148–159]. Эта модель указывает на дискриминацию как на первичный барьер, с которым сталкиваются люди с инвалидностью в их стремлении к полному социальному участию, реализации своих гражданских прав.

Поскольку в любом обществе гораздо больше неинвалидов, чем инвалидов, неудивительно, что преобладающие нормы и ценности отражают интересы большинства и могут подчинить себе интересы меньшинства. Эти же нормы составляют ядро современной политики инвалидности. И хотя современная российская социальная политика ориентирует инвалидов на активную позицию в отношении занятости, независимой жизни, здесь пока еще не эффективны механизмы исполнения законодательства и пресечения его нарушений.

В настоящее время особо остро встал вопрос о том, как реализовать в России положения Конституции, провозглашающие наше государство *социальным*. Соблюдение предоставляемых гражданам гарантий признается одной из основных задач нашей страны. Неотъемлемым правом любого человека, в том числе инвалида, является право на труд (ст. 37 Конституции РФ). Для осуществления этого права необходима активная государственная политика содействия занятости инвалидов, однако потенциал инвалидов на рынке труда в России остается невостребованным, а их занятость — неоправданно низкой. Так, в 1998 г. име-

ли работу 30% инвалидов трудоспособного возраста [Клечковская, 1998: 107]. Тенденция снижения уровня занятости инвалидов продолжается.

В Российской Федерации численность инвалидов превышает 11 млн. человек и по разным причинам увеличилась с 1995 г. почти вдвое. В Федеральной целевой программе «Социальная поддержка инвалидов на 2006–2010 г.» предусмотрен комплекс мероприятий по совершенствованию деятельности учреждений медико-социальной экспертизы, формированию системы многопрофильной реабилитации инвалидов, расширению производства современных технических средств реабилитации и обеспечению для инвалидов беспрепятственного доступа к объектам социальной инфраструктуры.

Законодательство относит инвалидов к субъектам, испытывающим трудности в поиске работы, которым предоставляются дополнительные гарантии занятости (ст. 5, 13 Закона РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» [Ведомости…, 1991]. Согласно ст. 20 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (1995 г.), гарантии занятости предоставляются федеральными и региональными органами государственной власти путем проведения специальных мероприятий, способствующих повышению их конкурентоспособности на рынке труда:

- установление в организациях независимо от организационно-правовых форм и форм собственности *квоты* для приема на работу инвалидов и минимального количества специальных рабочих мест для инвалидов;
- резервирование рабочих мест по *профессиям*, наиболее подходящим для трудоустройства инвалидов;
- стимулирование создания предприятиями, учреждениями, организациями дополнительных рабочих мест (в том числе *специальных*) для трудоустройства инвалидов;
- создание инвалидам *условий труда* в соответствии с индивидуальными программами реабилитации инвалидов;
- создание условий для *предпринимательской деятельности* инвалидов;
- организация обучения инвалидов *новым* профессиям [СЗ РФ, 1995].

Отметим, что Международная организация труда (МОТ) рассматривает меры по обеспечению занятости, профессиональной реабилитации инвалидов в качестве инструмента их социальной интеграции и реинтеграции.

Пока еще во многих странах значительное число инвалидов, которые хотели бы работать, лишено доступа к реабилитационным услугам и возможности трудоустройства. В Нидерландах, например, до последнего времени ориентировались на выплату пособий, а не на профилактику или реинтеграцию таких трудящихся. Иначе обстоит дело в Германии и Швеции, где уже давно реабилитации отдают предпочтение как в теории, так и на практике [Труд в мире…, 2001:111].

Следуя международно-правовым стандартам, каждое государство в соответствии с национальными условиями, практикой и возможностями разрабатывает, осуществляет и периодически пересматривает национальную политику в области занятости и профессиональной реабилитации инвалидов, включающую обеспечение инвалидам возможности получать, сохранять подходящую работу и продвигаться по службе. Специальные позитивные меры, направленные на реализацию возможностей инвалидов и других трудящихся, не должны считаться дискриминационными в отношении других трудящихся (ст. 2, 4 Конвенции МОТ от 20 июня 1983 г. № 159 о профессиональной реабилитации и

занятости инвалидов) [Международная защита прав…, 1990: 272]. Рекомендуются меры по созданию возможностей трудоустройства инвалидов на свободном рынке труда. Речь идет о финансовом стимулировании предпринимателей для поощрения их деятельности по организации профессионального обучения и последующей занятости инвалидов, разумному приспособлению рабочих мест, оборудования и организации труда, чтобы облегчить такое обучение и занятость инвалидов, а также по оказанию правительством помощи в создании специализированных предприятий для инвалидов, которые не имеют реальной возможности получить работу в неспециализированных организациях. Это может улучшить положение в области занятости работающих в них инвалидов и по возможности подготовить их к работе в обычных условиях (подп. «a», «b», «c» п. 11 Рекомендации МОТ от 20 июня 1983 г. № 168 о профессиональной реабилитации и занятости инвалидов) [Международная организация труда …, 1957–1990].

Можно выделить две основные концепции построения модели государственной политики содействия занятости инвалидов на открытом (свободном) рынке труда.

Первая исходит из того, что лица с ограниченной трудоспособностью в большинстве случаев могут трудиться только в специально созданных условиях. Работодателям, использующим труд инвалидов, государство предоставляет субсидии к заработной плате. Так, в Швеции государственные субсидии предпринимателям предназначены возместить затраты, необходимые для того, чтобы приспособить рабочие места для лиц с ограниченной трудоспособностью [Антюшина, 2005: 32]. Устанавливаются квоты по приему инвалидов на работу и ответственность за их неисполнение. Инвалиды составляют при этом 6–8% от числа работников в организации (Германия, Франция, Чехия и др.).

Вторая концепция основана на равенстве всех людей и характерна в первую очередь для США, где Законом 1973 г. о реабилитации инвалидов запрещена дискриминация инвалидов государственными ведомствами, подрядчиками и субподрядчиками, работающими по контрактам с федеральными властями, а также организациями, получающими федеральную помощь [Лебедева, 2006: 18]. Принятый в США в 1990 г. Закон об инвалидах провозглашает их полное равенство с другими работниками в сфере труда и предусматривает дополнительные меры по обеспечению и охране труда инвалидов (специальные подъемники, устройства для доступа глухих к средствам связи и т.д.). Данная концепция в большой мере направлена на предотвращение социального отторжения инвалидов.

В европейских странах дискутируется вопрос о том, не является ли создание специальных условий для интеграции инвалидов в сферу занятости фактором их дискриминации. Усиливается внимание к более активному использованию стратегии антидискриминационной политики для всех (Скандинавия, Великобритания и др.). Есть сторонники признания устанавливаемых для инвалидов мер защиты (например, квот при приеме на работу) «дискриминацией наоборот». М.Е. Цыганов, специально изучавший этот вопрос, пришел к выводу, что создание особых условий труда для инвалидов вне оптимизации трудового законодательства и развития антидискриминационной практики не считается столь эффективным, как опора на общую стратегию социальной инклюзии, то есть системы действий по интеграции людей с ограниченными возможностя-

ми, которая обеспечивает реализацию всех прав и свобод. Такие проявления дискриминации, как экономическое и психологическое давление, ограничение доступа к социальным благам (например, отсутствие специальных приспособлений в общественных местах), непосредственно связаны с возможностью реализовывать трудовые права и не могут быть решены только в контексте сферы занятости. На практике в той или иной степени специальные условия труда создаются во всех странах Евросоюза и на современном этапе [Цыганов, 2003: 50, 54 и др.].

На сегодняшний день в сознании людей еще жив стереотип о том, что человек с ограниченными возможностями не может и не желает трудиться, что он живет на попечении близких родственников и государства. Однако среди инвалидов есть те, кто желает трудиться и быть независимыми. В силу ограниченности возможностей такие люди испытывают определенные трудности в поиске работы и в связи с этим нуждаются в поддержке со стороны государства. Именно с этой целью и были разработаны и приняты законы и подзаконные акты, призванные отстаивать права инвалидов в сфере занятости.

Надо учитывать, что трудовая деятельность для человека является не только способом экономически обеспечить своё существование, но и фактом реализации своих способностей (в том числе и творческих), приобщения к общественным ценностям. Анализ развития инвалидности как социального явления свидетельствует о том, что, пройдя путь от идеи изоляции «неполноценных» членов общества до концепций привлечения их к труду, человечество подошло к пониманию необходимости интеграции лиц с физическими дефектами, физиологическими, психическим нарушениями во все общественные институты. Стало вполне очевидным, что инвалидность — это проблема не одного человека, и даже не части общества, а всего общества в целом.

Ждать, пока ситуация полностью изменится — неправильно. Инвалидам нужно самим проявлять активность и предлагать себя обществу в качестве полноценных и полноправных работников. Для этого необходимо обладать большим уровнем знаний и понимать, какие механизмы действуют в области трудоустройства для всех граждан и с какими специфическими сложностями при поиске работы может столкнуться человек с инвалидностью. Имеется в виду правовые, экономические, производственные, коммуникативные, психологические особенности взаимодействия инвалидов с окружающим миром.

В этой связи усиливается роль индивидуальной программы реабилитации. *Индивидуальная программа реабилитации* инвалида — это разработанный на основе решения уполномоченного органа, осуществляющего руководство комплексом оптимальных для инвалида реабилитационных мероприятий. Они включают в себя отдельные виды, формы, объемы, сроки и порядок реализации медицинских, профессиональных и других реабилитационных мер, направленных на восстановление, компенсацию нарушенных или утраченных функций организма, восстановление, компенсацию способностей инвалида к выполнению определенных видов деятельности, ведению полноценной независимой жизни.

Без ИПР инвалид не сможет получать со стороны государства никаких реабилитационных услуг, технических средств реабилитации и санаторно-курортного лечения. Он не сможет встать на учёт в службе занятости населения как безработный гражданин, а значит, воспользоваться услугами по профес-

сиональному обучению и получать пособие по безработице.Для обращения в федеральную осударственную службу занятости населения, для поиска подходящего места работы человек с инвалидностью должнен быть признан медико-социальной экспертизой «трудоспособным». На основании экспертной диагностики и реабилитационного прогноза определяются мероприятия, технические средства и услуги, позволяющие инвалиду восстановить нарушенные или компенсировать утраченные способности к выполнению бытовой, общественной и профессиональной деятельности.

Большое значение для устройства на работу инвалидов имеет *квотирование* рабочих мест. Под этим понимается резервирование рабочих мест в организациях всех форм собственности для приема на работу лиц с инвалидностью. В пределах установленной квоты для каждого работодателя устанавливается минимальное количество специальных рабочих мест для них. Максимальное количество инвалидов, которые могут быть приняты на работу в одну организацию, законом не ограничено, а наоборот, поощряется. При налогообложении прибыли организаций, имеющих в своем рабочем штате инвалидов, устанавливается ряд льгот.

Надо отметить, что в настоящее время наблюдаются некоторые положительные тенденции. В частности, в Москве уже достаточно давно действует закон о квотировании рабочих мест. Согласно данному Закону, обязательную плату за невыполнение условий квотирования ежемесячно вносят все работодатели, осуществляющие деятельность на территории города, у которых среднесписочная численность работников составляет более 30 человек. Квота мест для инвалидов составляет 4%. Исключение составляют общественные объединения инвалидов и образованные ими организации, в том числе хозяйственные товарищества и общества, уставный капитал которых состоит из вклада общественного объединения инвалидов.

Квотирование является одной из дополнительных гарантий занятости инвалидов. Это следует из ст. 13 Закона РФ от 19 апреля 1991 г. «О занятости населения в Российской Федерации», согласно которой «государство обеспечивает дополнительные гарантии гражданам, испытывающим трудности в поиске работы, путем создания дополнительных рабочих мест и специализированных организаций (включая организации для труда инвалидов), установления квоты для приема на работу инвалидов».

Инвалиды могут приниматься на работу и в государственные, и в муниципальные, и в частные организации различных организационно-правовых форм.

Установление квот для инвалидов обусловлено тем, что им гораздо тяжелее найти работу, нежели обычному гражданину. Надо учесть, что обустройство рабочего места для инвалида зачастую требует от работодателя дополнительных материальных затрат. Ведь любая коммерческая организация имеет своей задачей минимизацию затрат, в том числе за счет привлечения дешевых и эффективных трудовых ресурсов, что в конечном итоге служит получению максимальной прибыли на вложенный капитал.

Поэтому государство заботится о том, чтобы крупные организации, прибыль которых является достаточной, принимали на работу инвалидов в количестве 2–4% работников. При этом процент рабочих мест для инвалидов исчисляется исходя из общей среднесписочной численности работников организации, в том числе лиц, работающих по трудовым и по гражданско-правовым договорам.

Как отмечалось, с начала 90-х гг. традиционные взгляды на понятие «инвалид» и «реабилитация» стали меняться.

Произошли перемены и в подходах к проблеме инвалидности со стороны государства но, как нам представляется, недостаточные. Ведь инвалид и сегодня не может ощущать себя полноправным членом общества, в частности, далеко не всегда имеет возможности найти достойную работу. Общества инвалидов, существующие в стране, не могут обеспечить необходимую поддержку на государственном уровне людям с ограниченными возможностями [Общероссийская политическая партия «Инвалиды России», 2006]. Следует отметить, что до сих пор в законах, касающихся инвалидов, нет определения понятия занятости и трудоустройства.

Среди причин, снижающих социальную активность и конкурентоспособность инвалидов на рынке труда, можно назвать барьеры среды, трудности с передвижением, транспортировкой к месту работы, недоступность или неудобство различных объектов социальной инфраструктуры, отсутствие или плохое качество необходимых им технических приспособлений. Уровень жизни инвалидов обычно невысокий, им трудно найти средства для получения необходимой профессиональной подготовки. В результате они оказываются депривированы от социального признания и образовательных прав из-за их низкого социально-экономического статуса, им сложно трудоустроиться.

Наблюдения показывают, что среди инвалидов распространены пессимистичные оценки настоящего и перспектив на будущее. Льготы, пенсии и субсидии остаются для этой категории населения незаменимым условием поддержания жизни. Даже у занятой части инвалидов доходы невелики, и их бюджет чрезвычайно уязвим. С этим связаны и негативные в целом оценки политики квотирования рабочих мест, влекущие, по мнению инвалидов, лишение их статуса инвалидности и утрату значительной части бюджета.

Не только экономика исключает инвалидов из продуктивных экономических отношений, но и общий фон социальных, культурных и политических процессов представляет большую угрозу для их жизненных условий. Государственная политика, будучи основным публичным механизмом в нормативно-правовой кодификации инвалидности, не перестала вносить вклад в воспроизводство зависимого статуса людей с ограниченными возможностями [Ярская-Смирнова, Наберушкина, 2003]. Почему трудовая занятость не рассматривается инвалидами как достойная альтернатива жизни на пенсию, а только в качестве дополнительного дохода? Причиной этого являются невысокие заработки на тех рабочих местах, которые оказываются доступны инвалидам в силу невысокой квалификации, низкого уровня образования и особых требований к условиям труда. Поэтому среди трудоустроенных инвалидов так много тех, кто хотел бы сменить место работы, в основном по причине неудовлетворенности заработной платой. Потребность в правовых знаниях у них велика; каждый второй инвалид хотя бы однажды попадал в ситуацию нарушения прав, а в случае попыток восстановления прав и поиска справедливости лишь половина обратившихся за помощью смогла это сделать.

Реализация закона о квотировании рабочих мест для лиц с инвалидностью встречается с определенным сопротивлением работодателей и инвалидов, не учитывает интересов предпринимателей и работодателей, механизм действия закона недостаточно продуман и отработан. Выдвинутая исследовательская ги-

потеза о том, что инвалиды не желают трудоустраиваться, не хотят работать, в целом не подтвердилась. Случаи отказа от трудоустройства чаще всего связаны с объективными причинами. Во-первых, с низкой и нестабильно выплачиваемой заработной платой, которая предлагается инвалиду, что делает ее менее привлекательным источником дохода по сравнению с государственной пенсией, пособием. Во-вторых, с наблюдаемой в ряде случаев недостаточной объективностью медико-социальной экспертизы, занижающей степень инвалидности и констатирующей трудоспособность человека, что расходится с реальным состоянием его здоровья. Наконец, имеет место тенденция к лишению статуса инвалидности тех, кому удалось официально трудоустроиться.

В настоящее время работодателям непросто предоставить инвалиду такое рабочее место, которое бы соответствовало предписаниям службы медико-социальной экспертизы и возможностям самого инвалида. Предлагаемые вакансии не устраивают инвалидов. Доход, получаемый от заработной платы на таких рабочих местах, не покрывает затраты, которые приходится нести работникам с инвалидностью в связи с утрачиваемыми ими в этом случае льготами на лекарственные препараты. Кроме того, предоставляемые рабочие места не отвечают нуждам инвалидов, не адаптированы к их особым потребностям, условия труда не удовлетворительны, что приводит к риску обострения заболевания и уменьшения трудоспособности [Романов, Ярская-Смирнова, 2005].

Систему трудоустройства инвалидов по квотам следует совместить с комплексом мер по обеспечению рабочих мест всем необходимым для работы инвалидов, поскольку сейчас значительное большинство трудоустроенных инвалидов работают в неприспособленных условиях. Важнейшим направлением обеспечения занятости инвалидов является поиск мест трудоустройства.

Итак, в современных условиях инвалиды находятся на особом положении в сфере занятости и трудовых отношений. С одной стороны, им предоставляются льготы и более щадящие условия труда: они имеют право при выполнении более легких видов труда, сокращенной продолжительности рабочего времени на сохранение прежней заработной платы, а также на получение дополнительных видов помощи. С другой стороны, даже на правовом уровне инвалиды имеют ограничения и препятствия для своей профессиональной самореализации: признание инвалида нетрудоспособным исключает его из разряда «рабочей силы», не защищая от безработицы.

Список литературы

Антюшина Н.М. Качество человеческих ресурсов как объект управления: опыт Швеции // Труд за рубежом. 2005. № 4.

Ведомости ВС РФ и СНД РСФСР. 1991. № 18. Ст. 565.

Клечковская Л.Г. Дополнительные гарантии трудоустройства инвалидов // Правоведение. 1998. № 2.

Лебедева Л.Ф. Трудовые отношения в США: основы трудового регулирования // Труд за рубежом. 2006. № 2.

Международная защита прав и свобод человека: Сб. документов. – М.: Юрид. лит., 1990.

Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности. Проблемы доступной среды и возможности занятости // Социол. исслед. 2005. № 2.

СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

Труд в мире. 2000. Обеспечение дохода и социальная защита в меняющемся мире / под ред. З.С. Богатыренко. – М., 2001.

Цыганов М.Е. Интеграция инвалидов в сферу занятости: опыт стран Евросоюза // Труд за рубежом. 2003. № 4.

Ярская-Смирнова Е.Р., Наберушкина Э.К. Социальная работа с инвалидами. – Саратов: СГТУ, 2003.

Scotch Richard K. and Schriner Kay. Disability as human variation: Implications for policy. The Annals, 549. 1997.

О.А. Солоненко

МЕСТО И РОЛЬ БЮРОКРАТИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

СОЛОНЕНКО Ольга Андреевна — соискатель кафедры социологии МГГЭИ (e-mail: solonenko-oa@mon.gov.ru).

Аннотация. *В статье раскрыта сущность феномена бюрократии и определено его значение для функционирования современной социальной системы.*

Ключевые слова: *бюрократия, бюрократизм, чиновник, социальный слой, социальная система, рациональное управление.*

К числу важных проблем властных отношений, рассматриваемых в политической социологии XX — начала XXI вв., относится исследование такого субъекта управления, как бюрократия. Она представляет собой не только аппарат управления, но и определенный социальный слой, существующий для своего сохранения и воспроизводства, для реализации своего специфического интереса. Таким образом, она становится привилегированным слоем общества, что особо выделяется в современном общественном мнении и заслоняет другие не менее важные ее черты.

Бюрократия существует в любой социальной системе, обладая определённым организационным, политическим, идеологическим потенциалом и распоряжаясь немалыми ресурсами. Её влияние на социальную систему, с одной стороны, легитимно, а с другой — латентно, но везде и всегда весьма существенно. Бюрократия не только успешно переживает все катаклизмы минувших и настоящих преобразований, но нередко и с явной для себя выгодой использует потрясения социальной системы. Бюрократии свойственна двойственность социально-экономического поведения, проявляющаяся в одновременном сочетании в себе диалектически противоречащих друг другу тенденций — рационального управления хозяйственной деятельностью, стремлением к собственному количественному расширению, а с другой стороны — в снижении эффективности результатов её деятельности.

Нет почти ни одного порока, который бы бюрократии когда-либо не приписывался. Ее подвергают анафеме все участники социального процесса. Одни стремятся ограничить ее во имя свободного рынка; другие хотят реформировать, чтобы сделать её открытой и ответственной; третьи надеются заменить её самоуправлением. Тем не менее, бюрократия демонстрирует впечатляющую способность противостоять всем подобным притязаниям на свои права и остаётся необходимой в любой социальной системе, неизменно порождая проблемы «бюрократизма», взяточничества и коррупции.

Парадокс состоит в том, что именно современная бюрократия, действующая подчас вопреки общегосударственным и общенациональным интересам, призвана сыграть одну из решающих ролей в модернизации общества и государства. В отдельных странах на отдельных этапах развития, когда высшие государственные учреждения не пользуются доверием и поддержкой населения, а легитимность государственной власти проблематична, именно бюрократия решает целый комплекс задач чрезвычайного характера, стоящих перед страной,

переживающей перманентный системный кризис. В результате успешной модернизации и санации государственной службы бюрократия способна вернуть себе публичное предназначение и стать эффективным управленческим аппаратом в стране.

Начало предметных исследований проблемы бюрократии и бюрократизма приходятся на XIX–XX вв. В частности, анализом этой проблемы занимался немецкий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831). Согласно Гегелю, государство выступает носителем всеобщего (национального) экономического интереса, осуществление которого возлагается на государственных чиновников — правительственную администрацию, состоящую из представителей среднего сословия. Это сословие характеризуется «развитым интеллектом и правовым сознанием народной массы». Поскольку государственный чиновник представляет собой «средоточие государственного сознания и выдающейся образованности», то бюрократия у Гегеля «является главной опорой государства в отношении законности и интеллигентности» [Гегель, 1990].

Вопросы становления западной бюрократии наиболее полно отражены в работах К. Маркса и М. Вебера. К. Маркс обосновал закономерности процесса возникновения и формирования бюрократии во взаимосвязи с развитием общества, реализации властных полномочий, прежде всего в сфере исполнительной власти. По мере углубления преобразований в обществе происходит и усиление бюрократии. Совершенствование общества, не прекращающийся процесс разделения труда способствовали возникновению новых отраслей государственного управления и подавлению всякой общественной инициативы. «Всякий *общий* интерес немедленно отрывался от общества, противопоставлялся ему как высший, *всеобщий* интерес, вырывался из сферы самодеятельности членов общества и делался предметом правительственной деятельности...» [Маркс, 1986: 83].

Противоречия между политическими ценностями абсолютизма и идеями парламентаризма привели в конечном итоге к торжеству последнего. Но победа парламентаризма, смена государственного строя и стиля руководства не приводят к исчезновению бюрократии как таковой — просто на смену старому бюрократическому аппарату приходит новый, к тому же более мощный.

Однако, рассматривая влияние, которое оказывают на развитие бюрократии происходящие в обществе процессы, К. Маркс не дает полного ответа на вопросы, об обратном влиянии бюрократии на эти процессы, о способах преодоления негативных тенденций, характерных для бюрократии.

М. Вебер, обратившийся к исследованию бюрократии позже К. Маркса, первым указал на закономерность возникновения этого социального феномена, определил социальные условия непрерывного процесса формирования нового слоя управленцев. Бюрократия формируется в течение нескольких поколений среднего класса. Верхушка среднего класса по своему положению и доходам имеет возможность получить образование, уровень которого в совокупности с другими условиями дает доступ к занятию определенных должностей нижнего уровня управления. По мере роста профессионализма и образованности увеличивается количество постов, занимаемых представителями среднего класса. Готовность нового слоя заменить представителей старой бюрократии, т.е. захватить власть, происходит в том случае, когда их количество позволяет перейти в качественно новое состояние, что возможно при наличии в среде представи-

телей низших слоев управления (простых исполнителей) индивидов, готовых к принятию политических решений.

Таким образом, М. Вебер, показывая механизм возникновения бюрократии, разделил понятие бюрократии на обыденное и научное. Обосновывая научное понятие, М. Вебер первым рассматривает феномен бюрократии одновременно и как *организацию, реализующую управленческие решения* (обеспечивающую их исполнение), и как *социально-профессиональный слой людей* с функциями осуществления управленческих решений.

Явление политической бюрократии М. Вебер вплотную связывает с понятием «вождизм». Это понятие рассматривается Вебером как «господство, основанное на преданности тех, кто подчиняется чисто личной «харизме» вождя» [Вебер, 1990: 647]. Вождизм «*как явление встречается во все исторические эпохи и во всех регионах.* Но особенностью Запада... является политический вождизм в образе… парламентского «партийного вождя», выросшего на почве конституционного государства, укорененного тоже лишь на Западе» [Вебер, 1990: 648]. Исследуя политическую бюрократию, М. Вебер оставляет в стороне ее влияние не только на «вождя» и его окружение, но и в целом на общественные процессы.

Основная проблема, возникающая при анализе феномена бюрократии, заключается в *многозначности* содержания этого понятия и раскрывается в зависимости не только от особенностей исследования юридической, управленческой, социологической, экономической науками, но и политических и идейных ориентаций людей и групп, берущих его на вооружение, а также их экономических и политических интересов.

Ещё в середине XVIII в. бюрократия определялась как способ осуществления государственной власти с помощью оплачиваемых гражданских служащих-чиновников. Однако «*бюрократия*» и *«бюрократизм»* — это два разных понятия, не различаемых, к сожалению, на уровне обыденного сознания до настоящего времени. В связи с этим суть бюрократизма выражается в игнорировании некоторыми органами исполнительной власти воли экономических агентов (членов общества), игнорировании национальных интересов, преследовании должностными лицами целей, не совпадающих с целями, интересами, потребностями широких слоев населения, социальной системы в целом. Вследствие этого бюрократия нередко характеризуется исключительно как негативная форма проявления служебной, должностной деятельности органов государственной власти. Однако бюрократия — необходимый элемент социальной системы, требующий объективного исследования.

По мнению М.Л. Альпидовской, «подлинная» бюрократия представляет собой жесткую иерархию квалификаций и строгую иерархию учреждений, в которых каждая должность и каждый чин связаны с выполнением строго определенных, специальных задач. В свою очередь бюрократизм — это особый тип поведения субъектов власти (политической, экономической), при котором наблюдается снижение качества управления; это всякое нарушение меры управления, отклонение качества управления в сторону количества и безмерности личных потребностей и эгоистичных экономических интересов [Альпидовская, 2009: 19]. До настоящего времени все попытки противопоставить бюрократии нечто иное, принципиально новое не увенчались успехом. Следует бороться не с бюрократией, а с проявлением бюрократизма, ограничить ее эгоистические устремления.

В результате наличия определённой долговечности и рутинизированности деятельности бюрократии появляется возможность определить бюрократию как институт. Итак, *институт бюрократии — особая специализированная социальная организация государственных служащих, формирующая рутинизированные схемы поведения, оплачиваемая в основном за счёт доходной части бюджета, призванная в рамках действующего в стране законодательства наиболее эффективным способом (на основе общепринятых законодательных ограничений, традиций, обычаев) рационально осуществлять власть, регулировать общественные процессы, способствовать интеграции общества.*

Современная бюрократия не является монолитным иерархическим образованием. Она состоит из множества учреждений, агентств, ведомств, каждое из которых зависит от ресурсов, поступающих как из госбюджета, так и от заинтересованных групп. Все эти многочисленные организации вынуждены соревноваться друг с другом за получение больших ресурсов, и в первую очередь — властных.

Как в обществе с развитой рыночной экономикой, так и в любой другой общественной системе, институт бюрократии оказывает самое непосредственное влияние на работу законодательных, исполнительных и других органов власти. Государство как орган, который контролирует и управляет «общими делами общества», в отличие от непосредственной экономической деятельности по производству и распределению, олицетворяется *особым аппаратом*, который завоевывает свою собственную автономию в обществе. Таким образом, возникает государственная иерархия, в которой решения, принимаемые «правителем», реализуются через государственных чиновников.

Усиление роли института бюрократии было во многом предопределено расширением государственного вмешательства в экономическую сферу, что в результате привело к резкому росту бюрократического аппарата, выполняющего функции государственного управления. Бюрократия становится субъектом власти и *владельцем властного ресурса*. Первостепенным следствием властного характера бюрократического управления экономикой выступает смещение ориентации чиновников с потребностей общества на собственные интересы, а также на интересы вышестоящих организаций и личностей в иерархической лестнице. Управление в данной ситуации протекает исходя из интересов вышестоящих руководителей, а не из общественной полезности и эффективности.

Бюрократия и бюрократические методы с необходимостью существуют в обществе любого типа очень давно и представлены в административном аппарате любого правительства. История бюрократии тесно связана с историей должностей, со службой на государственных должностях и соответственно с историей государства вообще. Со времени, когда государственная власть в своей деятельности стала опираться на специальный слой людей, делегировав ей определенную долю властных полномочий, вместе с первыми формами управленческих отношений возникают и ранние формы бюрократических методов управления.

Однако в качестве одного из важных аспектов в исследованиях бюрократии и одновременно объединяющего эти изыскания следует отметить существенные различия содержания понятий «государство», «государственный аппарат» и «бюрократия». Бюрократия является институтом, осуществляющим все основные функции государства. Оно не может обойтись без бюрократических механизмов. Поскольку взаимодействие в обществе невозможно без государ-

ственного управления, бюрократия всегда необходима. Общество не может существовать и не должно стремиться к устранению бюрократии как института, но важно подчинить частные интересы бюрократии государственным интересам, а государственный аппарат — интересам нации.

Монопольное положение государства как источника норм, правил и ценностей обусловлено исторически, и ни один либерал, задумывающийся о ликвидации государственной монополии, не может не считаться с этим фактом. И в самом деле, отмирания государства, аккумулирующего общественные блага, не стоит ожидать в ближайшей перспективе. Даже те из них, которые в настоящее время производятся также в негосударственном секторе экономики (пенсии, пособия по безработице, дотации на школьное обучение, инфраструктура), нуждаются в государственном контроле и надзоре за соблюдением их распределения.

Из веберовской теории рациональной бюрократии возникло множество различных концепций бюрократической системы. Одни под ней понимают в широком смысле «всех служащих всех организаций», а в узком смысле – высших никем не избираемых чиновников. Для других синонимами понятия «бюрократия» выступают термины «организация», «учреждение» и т.д. Третьими бюрократия истолковывается как та часть организации, которая занимается поддержанием функционирования организации, а не достижением ее основных целей. Единой квинтэссенцией этих подходов являлась некритичность восприятия концепции рациональной бюрократии М. Вебера, который *идеализировал* ее, следуя концепции государства как носителя некоего общественного интереса. Считалось, что на рынке действовали одни люди, а в государственной машине совсем другие, бескорыстные филантропы, индифферентно относящиеся к своим потребностям и интересам, более похожие на ангелов, чем на земных существ.

Степень самостоятельности бюрократии зависит от характера политического режима. Наивысшей самостоятельностью она пользуется в тоталитарных государствах, где бюрократия осуществляет власть, наделенную неограниченными полномочиями. Административно-командная система управления хозяйством в бывшем Советском Союзе представляла собой пример развития экономики с доминирующими интересами бюрократии. В тоталитарной социальной системе все ее достижения означают лишь выгодное бюрократии наращивание издержек без какой-либо их оценки на основе независимой от нее системы предпочтений. Не отличается адекватностью функционирования и существующая у нас государственная система. Излишняя бюрократизация управленческого аппарата приводит к неэффективности управления и в конечном итоге — к возникновению так называемого «коррупционного налета».

Происходившие в прошлом и происходящие сегодня во многих странах преобразования в направлении либеральной демократизации зачастую приводили и приводят к ослаблению государственной власти и провоцируют кризисные ситуации в обществе, что свидетельствует о важности сохранения стабильного и сильного государственного управления. Без прочного государственного управления, как выявилось, либеральное реформаторство может привести к результатам, противоположным намеченным. Однако бюрократический абсолютизм не является выходом из положения. Бюрократические учреждения могут быть стабильными и эффективными инструментами административного управления, когда они направляются и контролируются либо политической системой, имеющей законный характер, либо авторитарным режимом, но сами

по себе бюрократии, как правило, не могут создавать стабильные общественно-политические системы.

Многие современные страны, обращаясь к модели «либеральной демократии», отказываются от той формы чрезмерной власти государства над обществом, при которой свобода индивидуального выбора в различных сферах жизни не поощрялась. Однако имеет место и иная тенденция, а именно: сегодня для ряда государств, и России в том числе, проблемой стал дефицит государственной власти, который проявляется в коррумпированности чиновников, «клановости» бюрократических структур и т.д.

Происходящие в нашем обществе процессы в определенном смысле напоминают те социальные изменения, которые уже имели место в других странах и были проанализированы классиками политической социологии (Гегелем, Марксом, Вебером, Острогорским, Михельсом и др.). То есть российское общество сейчас напрямую столкнулись с проблемами формирования институтов представительной власти, партий, становлением современных государственных структур, однако в нашей стране эти проблемы приняли несколько отличный, специфический характер. Поэтому при обращении к классическим и «неоклассическим» трудам как основе для анализа современных российских политических реалий необходимо учитывать конкретные условия.

Оценивая качество современного управленческого аппарата в РФ, с сожалением приходится констатировать, что он весьма далек от веберовской модели рациональной бюрократии. Большую часть высшего слоя российской бюрократии, по-прежнему отличает закрытость, клановость, кумовство, патологический страх перед честной конкуренцией и критикой, недоверие к институтам гражданского общества, утрата моральных ориентиров, страсть к наживе любой ценой, правовой нигилизм и стремление насадить кастовую систему, идеологическая конъюнктурщина, безответственность, коррумпированность и непрофессионализм.

Представляя 20 апреля 2011 г. в Государственной Думе Отчет о деятельности Правительства РФ за 2010 г., В.В. Путин заявил: «Российскую бюрократию … многие критикуют и, считаю, часто совершенно по делу. Сегодня речь идёт о необходимости существенно повысить качество государственного управления, о нацеленности государственного аппарата на интересы граждан, и, конечно, о борьбе с коррупцией, повышении ответственности чиновников и искоренении самих условий для противозаконного поведения и для мздоимства» [Отчет о деятельности …, 2010].

Помимо «внутреннего» разрастания бюрократии усиливается вмешательство государственного аппарата в сферу гражданского общества, что подталкивает процесс бюрократизации политики. Бесконтрольное властвование российской бюрократии в ущерб интересам развития гражданского общества и целям демократического государства ставит на повестку дня вопрос о срочном реформировании системы государственной службы с учетом мирового опыта, исторических, культурных и иных особенностей России, а также сущностных характеристик современного модернизационного проекта.

Российская государственная бюрократия в настоящее время представляет собой в целом изолированную от общества группу чиновников, которая развивается по своим законам и не может рассматриваться в качестве нанятых обществом работников для выполнения функций государственного управле-

ния. В этой связи можно согласиться с С.Н. Смирновым, который полагает, что «в современных условиях дискуссии о том, ускоряет или тормозит российская бюрократия процессы модернизации, представляются не вполне корректными, ибо бюрократия в стране фактически отсутствует. Ее предстоит сформировать заново, заменив нынешний конгломерат управленцев, который определяется нами как совокупность чиновников» [Смирнов, 2009: 132].

Коренное отличие российского чиновника от «рационального» бюрократа состоит в том, что первый действует во многих случаях в своих интересах. Естественно, что заинтересованность чиновника в реализации модернизационного проекта будет определяться тем, насколько цели проекта соответствуют устремлениям самого чиновника. Отношение чиновников к модернизации формируется преимущественно в результате комплексной оценки влияния модернизационных процессов на их положение. Так, выигрыш по открытой составляющей может «съедаться» проигрышем по латентной и наоборот. В итоге: при совпадении целей российского чиновника с целями реализации модернизационного проекта последнему будет открыта «зеленая улица»; при несовпадении — его деятельность будет всячески тормозиться. Ярким примером стал массовый в последние годы снос исторических и архитектурных памятников в Москве, когда интересы застройщика, как правило, поддерживаются чиновничеством, а интересы населения — нет.

Рискнем предположить, что абсолютное большинство чиновников не будут держаться за латентные преимущества своего положения при соблюдении одного из следующих условий либо при их одновременном соблюдении: компенсации выпадающих латентных преимуществ за счет законодательно установленных преимуществ; серьезного ужесточения преследований чиновников в случае использования ими латентных преимуществ своего положения. Совершение экономического преступления человеком, находящимся на государственной службе, должно бесспорно являться отягчающим фактором. Необходимо принять решения, связанные с государственным надзором за движением активов, находящихся в распоряжении человека, состоящего на государственной службе в период занятия им должности в системе государственного управления. Частично эти задачи решаются в Федеральном законе «О противодействии коррупции».

Таким образом, необходимость института бюрократии, осуществляющего основные функции государства и нередко решающего целый комплекс задач чрезвычайного характера на национальном уровне, в социальной системе очевидна. Однако властный характер бюрократического управления экономикой не должен проявляться исключительно в виде смещения ориентации представителей государственного аппарата с потребностей общества и нации в целом на собственные персонифицированные интересы. Существенное значение имеет такая сторона демократии, которая связана с реальным участием членов гражданского общества в управлении, их информированностью и возможностью влиять на принятие управленческих решений.

Список литературы

Альпидовская М.Л. Эволюция института бюрократии в социально-экономической системе: Автореферат дис. … д-ра экономических наук. – М., 2009.

Гегель Г.В.Х. Философия права: /пер. с нем. – М.: Мысль, 1990.

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / *К. Маркс*, *Ф. Энгельс.* Избранные соч. Т.4. – М., 1986.

Отчет о деятельности Правительства РФ за 2010 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://premier.gov.ru/events/news/14898/ (дата обращения: 25.06.2011).

Смирнов С.Н. Российская бюрократия и ее роль в процессах модернизации // Мир России. 2009. № 4.

О НОВОМ НАУЧНОМ ИЗДАНИИ ПО ПРОБЛЕМАМ ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Вышел в свет **«Энциклопедический словарь по комплексной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья». / Ред. Байрамов В.Д., Тюрин А.В. – М., Экон-информ, 2012**. Издание посвящено проблеме комплексной реабилитации инвалидов с нарушениями опорно-двигательной системы. Словарь содержит свыше 800 статей по вопросам медицинской, психологической, педагогической, социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями здоровья. В чем состоит его актуальность, научная и практическая значимость?

Они обусловлены, прежде всего, возрастанием роли инвалидов в современной общественной жизни. По данным экспертов ООН, инвалиды составляют в среднем 10% жителей нашей планеты. Отмечается тенденция к численному увеличению этой категории населения. Это относится и к России, где общий уровень заболеваемости, ведущей к инвалидности, имеет тенденцию к росту практически среди всех возрастных групп, в том числе среди детей и молодежи. Наблюдаются различные патологии в здоровье беременных женщин, провоцирующие рождение детей-инвалидов. Решение проблем инвалидов является одним из приоритетных направлений социальной политики государства и в значительной мере определяет благополучие общества.

Авторы «Энциклопедического словаря» поставили цель — создать понятийно-категориальный банк данных по основным терминам и понятиям, связанным с реабилитацией инвалидов. Подобного словаря пока еще не было ни в одной стране мира. Это определяет его уникальность, актуальность и значимость. Над содержанием словаря работала группа квалифицированных специалистов, имеющих опыт изучения проблем инвалидов в рамках целевых комплексных междисциплинарных исследований на международном и российском уровнях, — *д-р социол. наук, проф. В.Д. Байрамов, д-р пед. наук, проф. С.Л. Рыков, д-р мед. наук, проф. Н.И. Сулим, канд. психол. наук А.В. Тюрин, Т.А. Благова*.

Содержание словаря в нынешней редакции претерпело значительные изменения. Замысел создания первого издания терминологического словаря возник после ознакомления со словарем инвалидных терминов на интернет-странице старейшей общественной ассоциации больных детским церебральным параличом США united cerebral palsy (UCP). В этой работе были приведены значения реабилитационных терминов, связанных с помощью людям с церебральными параличами. Эти термины употребляются для других видов патологий опорно-двигательной системы. В 2009 и 2010 годах вышли два издания словаря. Данные словари оказались востребованы как специалистами, так и людьми с ограниченными возможностями здоровья. В нынешней редакции словаря появились понятия и термины по другим заболеваниям опорно-двигательной системы. Подобное расширение тематики дало основание дополнить его и терминами, применяемые при патологии слуха, зрения, внутренних органов. Таким образом, тематика энциклопедического словаря охватывает проблематику реабилитации

людей с нарушениями большинства жизненно важных систем человеческого организма.

Проблематика реабилитации инвалидов носит комплексный характер, включая в себя знания многих научных дисциплин. В реализации мультидисциплинарного подхода освещения процесса реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья заключается научная новизна данного издания.

Практическая значимость «Словаря» в том, что он принесет пользу специалистам, занятым в различных областях реабилиталогии, преподавателям, аспирантам и студентам в написании работ, связанных с проблемами здоровья, психологии, правовой и социальной защиты инвалидов.

ИНФОРМАЦИЯ О МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

20 ноября 2012 года ФГБОУ ВПО для инвалидов с нарушением опорно-двигательной системы «Московский государственный гуманитарно-экономический институт» (МГГЭИ) проводит IV Международную научно-практическую конференцию «Обеспечение доступной образовательной среды для лиц с ограниченными возможностями здоровья: проблемы, приоритеты и пути решения».

Конференция проводится при поддержке Департамента по управлению сетью подведомственных организаций Минобрнауки России.

Цель конференции: обмен мнениями по актуальным проблемам государственной образовательной политики в отношении лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и подготовка рекомендаций по повышению ее эффективности.

Программа конференции предусматривает пленарное заседание, презентации образовательных методик, используемых в учебном процессе МГГЭИ, проведение секционных заседаний по следующим направлениям.

Секция №1. Совершенствование правовых основ обеспечения универсальной безбарьерной среды в образовательных учреждениях.

Секция №2. Создание и развитие доступной среды в учреждениях профессионального образования.

Секция №3. Современные информационно-коммуникативные технологии профессионального образования лиц с ОВЗ.

В работе конференции планируется участие депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, представителей Аппарата уполномоченного по правам человека в РФ, федеральных и региональных органов исполнительной власти, руководителей и сотрудников московских и региональных учреждений образования, здравоохранения и социальной защиты, представителей общественных объединений и организаций инвалидов, зарубежных гостей.

ПИТОМЦЫ ИНСТИТУТА ВЫШЛИ В САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ ЖИЗНЬ

27 июня 2012 г. в МГГЭИ состоялось торжественное вручение дипломов выпускникам института. По сложившейся традиции на эту церемонию студенты пяти факультетов пришли одетыми в торжественные мантии, различающиеся по цвету. Это соответствовало праздничной атмосфере.

В этот юбилейный 15-й выпуск получили свои путевки в жизнь 147 специалистов, из них 18 *окончили вуз с отличием*: Алексеева Анна, Жданов Дмитрий, Золотарева Татьяна, Мартынова Юлия, Никишина Виктория, Ракова Надежда, Сидоренкова Елена — выпускники факультета экономики; Ковальчук Анастасия, Михайловский Владимир — выпускники факультета издательского дела и редактирования; Зайцева Наталья, Севостьянова Оксана, Карпов Станислав — выпускники факультета прикладной математики и информатики; Дурягина Анна, Журляк Евгений, Зайцева Светлана, Зайченко Татьяна, Лавриновская Евгения, Токарева Анна — выпускники факультета юриспруденции.

На празднике присутствовал Первый заместитель Председателя Комитета по образованию Государственной Думы Российской Федерации, первый вице-президент Паралимпийского комитета Российской Федерации, вице-президент Всероссийского общества слепых, член-корреспондент РАО, доктор философских наук *Олег Николаевич Смолин*, который является почетным профессором нашего института.

Церемонию торжественного вручения дипломов открыл ректор МГГЭИ, член экспертной комиссии Комитета по образованию Государственной Думы Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор *Вагиф Дейрушевич Байрамов*, напутствовавший выпускников: «Хочу пожелать, чтобы этот день остался для вас незабываемым, чтобы вы воплотили на практике знания, полученные в Институте, стали настоящими квалифицированными специалистами. Студенты и институт — это одно целое, они помогают друг другу расти и развиваться».

В адрес выпускников от О.Н. Смолина также прозвучали теплые слова поздравлений с окончанием института и напутствия в самостоятельную жизнь. Вместе с ректором он вручил дипломы о высшем профессиональном образовании отличникам вуза.

С ответным словом выступили вчерашние студенты, а сегодня дипломированные математики, профессиональные переводчики, юристы, экономисты, специалисты книжного дела: «С получением дипломов студенты поставили точку в своем пребывании в институте, но руководство, преподаватели, весь коллектив института в течение всего срока обучения делали все возможное, чтобы эти годы — остались хорошим воспоминанием и нам хотелось возвращаться в МГГЭИ. Большинство воспоминаний юности будет связано с вузом, и он будет своеобразной страной молодости, куда захочется вернуться. Грусть от расставания с друзьями смешивается с радостью получения диплома; волнение при выходе в большой мир — с предчувствием новых возможностей».

В заключении состоялся праздничный концерт, в котором выпускники приняли активное участие.

Зайцева В.В. *— кандидат технических наук, Ученый секретарь МГГЭИ*

Библиографический указатель: учебники, учебные пособия, справочники о правах и социальной зашите инвалидов

Право социального обеспечения России: учебник для вузов / под ред. К.Н. Гусова; авт. кол.: М.О. Буянова и др. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2008. – 640 с. - ISBN 978-392-5-00207-8.

Комментарий к пенсионному законодательству РФ / Ю.В. Воронин, Т.М. Савицкая; под общ. ред. М.Ю. Зурабова; предисл. Г.Н. Батанова; Пенсионный фонд РФ. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2007. – 944 с. - ISBN 978-5-468-00077-9. - ISBN 978-5-16-003224-5.

Удалова Анна Валентиновна.
Право социального обеспечения: учеб. пособие для вузов / Удалова Анна Валентиновна. – 3-е изд., стереотип. – М.: Омега-Л, 2008. – 190 с.: табл. + библ., норм.-прав. акты. - (Библиотека высшей школы). - ISBN 978-5-365-00948-6.

Право на достойную жизнь / ред. А.И. Холодилин; Екатеринбургская обществ. орг-ция инвалидов «Свободное движение». – (защита прав инвалидов). – Екатеринбург: Свободное движение, 2007. – 110 с.

Великанова Наталия Николаевна.
Льготы и компенсации как элементы социальной защиты / Великанова Наталия Николаевна. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – библ., прилож. - (Без проблем). - ISBN 978-5-222-14157-1.

Ершов Владимир Александрович.
Право социального обеспечения: учеб. пособие / Ершов Владимир Александрович, И.А. Толмачев. – М.: ГроссМедиа: Росбух, 2009. – 312 с. – (Высшая школа. Бакалавр). - ISBN 978-5-476-00781-4.

Рощупкина Л.А.
Льготы инвалидам: ответы на все вопросы нач. отдела Гор. центра по выплате пособий и пр. Комитета по труду и соц. защите населения / Рощупкина Л.А. – 2-е изд. - СПб.: БХВ-Петербург, 2007. – 128 с. + прилож. - (Что Вам могут не сказать ...). - ISBN 5-9775-0028-9.

Корсаненкова Алла Федоровна.
Социальные пособия семьям с детьми в РФ: правовой аспект / Корсаненкова Алла Федоровна, Корсаненкова Юлия Борисовна; под ред. В.П. Галаганова. – М.: ИНЭК, 2007. – 172 с. + библ. - ISBN 978-5-94857-031-0.

Никонов Дмитрий Анатольевич.
Право социального обеспечения России / Никонов Дмитрий Анатольевич, Стремоухов Алексей Васильевич. – 2-е изд., переработ. и доп. – М.: Норма, 2008. – 336 с. - (Краткие учебные курсы юридических наук). - ISBN 978-5-468-00168-4.

Апостолова Татьяна Михайловна.
Социальная политика РФ и правовой механизм ее реализации : учеб. пособие для вузов / Апостолова Татьяна Михайловна, Косевич Николай Рудольфович. – М.: Владос, 2008. – 478 с. + библ. - (учебник для вузов). - ISBN 978-5-691-01498-7.

Правовая школа москвича: Справочник / сост. С.Н. Григорьев, ред. А.Н. Метельского и В.В. Селиверстова; Всероссийск. полит. партия «Единая Россия». – М.: МГРО «Единая Россия», 2007. – 430 с. + телефон. спр. – (Единая Россия).

Право социального обеспечения России: учебник для юридич. спец. вузов / Буянова Марина Олеговна [и др.]; под ред. К.Н. Гусова; Моск. гос. юридич. акад. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – 640 с. + библ. - ISBN 978-392-5-00208-5.

Миронова Т.К.
Социальная защита в России: правовые вопросы: монография / Т.К. Миронова. – М.: Алюр СМ, 2004. – 275 с. + библ.

Транспорт для инвалида в Москве: справочник / Всероссийск. об-во инвалидов. – М.: Медиа-Пресс, 2006. – 80 с.: цв. ил. - (Социальная интеграция инвалидов города Москвы).

Новиков Михаил Леонович.
Трудоустройство инвалидов: пособие для работодателей / Новиков Михаил Леонович, Присецкая Наталья, Котов Вячеслав; ред. Н. Шувалова. – М.: Перспектива, 2004. – 82 с.: ил. - (Трудоустройство инвалидов — интегрированный подход).

Новиков Михаил Леонович.
Трудоустройство инвалидов: интегрированный подход: извлечение и комментарии к законодательству: пособие для молодых инвалидов, ищущих работу / Новиков Михаил Леонович; ред. О. Дроздова. – М.: Перспектива, 2004. – 49 с. - (Трудоустройство инвалидов - интегрированный подход).

Новиков Михаил Леонович.
Трудоустройство инвалидов: интегрированный подход: поиск работы через государственные структуры: пособие для молодых инвалидов, ищущих работу / Новиков Михаил Леонович, Котов Вячеслав. – М.: Перспектива, 2004. – 16 с. - (Трудоустройство инвалидов — интегрированный подход).

Присецкая Наталья.
Трудоустройство инвалидов: интегрированный подход: самостоятельный поиск работы: пособие для молодых инвалидов, ищущих работу / Присецкая Наталья, Котов Вячеслав, Федорова Лилиана. – М.: Перспектива, 2004. – 21 с. - (Трудоустройство инвалидов — интегрированный подход).

Доступная работа: метод. пособие по трудоустройству инвалидов / авт. кол.: В.А. Елькина и др.; благотворительный фонд «Точка опоры». – Архангельск: Гефест, 2004. – 66 с.

Профессиональная адаптация инвалидов на рынке труда / Моск. служба занятости населения. – М.: Комментарий, 2003. – 39 с. + прилож.

Толмачев А.П.
Право социального обеспечения: конспект лекций / А.П. Толмачев. – М.: Приор-издат, 2004. – 192 с. + библ., норм.-прав. акты. - (В помощь студенту. Пособие для подготовки к экзаменам). - ISBN 5-9512-0159-4.

Соколова Галина Александровна.
Права инвалидов в вопросах и ответах / Соколова Галина Александровна. – М.: Эксмо, 2007. – 176 с. + спис. норм.-прав. актов. - (Юридическая консультация). - ISBN 978-5-699-20170-9.

Апросичева Наталья Владимировна.
Право социального обеспечения: курс лекций: учеб. пособие для юридич. вузов / Апросичева Наталья Владимировна, Исайчева Елена Андреевна. – М.: Экзамен, 2004. – 352 с. + библ. - ISBN 5-472-00057-2.

Долженкова Галина Дмитриевна.
Право социального обеспечения: пособие для сдачи экзамена / Долженкова Галина Дмитриевна. - 2-е изд., переработ. и доп. – М.: Юрайт-издат, 2006. – 201 с.: табл. + библ., норм.-прав. акты. - (Хочу все сдать!). - ISBN 5-94879-560-8.

Социальное законодательство России и Великобритании: сборник статей / ред.-сост. М.И. Левина, Б. Бауринг и др. – М.: Хризостом, 2000. – 240 с. + прилож. - ISBN 5-87372-099-1.

Пенсионное законодательство = О трудовых пенсиях в РФ = О государственном пенсионном обеспечении в РФ = Об обязательном пенсионном страховании в РФ: Федеральные законы. – М.: Проспект, 2010. – 103 с. - ISBN 978-5-392-01358-6.

Корсаненкова Юлия Борисовна.
Право социального обеспечения: учебно-метод. комплекс по спец. «Юриспруденция» / Корсаненкова Юлия Борисовна; Моск. гос. соц.-гум. ин-т. – М.: МГГЭИ, 2010. – 120 с. + библ.

О государственных пособиях гражданам, имеющим детей = О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральные законы. – М.: Ось-89, 2009. – 48 с. - ISBN 978-5-9957-0174-3.

Воронин Ю.В.
Пенсионная система страны: последние новации: комментарии / Ю.В. Воронин, С.А. Афанасьев; гл. ред. А.Т. Гаврилов. – М.: Наука, 2009. – 191 с. - (Библиотечка Российской газеты. № 19).

Корсаненкова Юлия Борисовна.
Социальная поддержка семей с детьми в РФ: реальность и перспективы: монография / Корсаненкова, Юлия Борисовна. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 195 с. - ISBN 978-5-466-503-5.

О трудовых пенсиях в РФ: федеральный закон. – Новосибирск: Сиб. универ. изд-во, 2010. – 63 с. – (Кодексы. Законы. Нормы). - ISBN 978-5-379-01660-9.

Корсаненкова Юлия Борисовна.
Социальные пособия семьям с детьми и иные меры их социальной поддержки в России: учеб. пособие для юридич. спец. вузов / Корсаненкова Юлия Борисовна, Корсаненкова Алла Федоровна. – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – 287 с. + библ. - ISBN 978-5-91768-196-2. - ISBN 978-5-16-004966-3.

Климова М.А.
Социальные пособия: новые правила начисления, расчета и выдачи: налоговая консультация / М.А. Климова; гл. ред. А.Т. Гаврилов. – М.: Наука, 2011. – 143 с. + прилож. - (Библиотечка Российской газеты. № 17).

Кузнецова Оксана Владимировна.
Социальная защита инвалидов = Права, льготы, компенсации: практич. рекомендации / Кузнецова Оксана Владимировна. – М.: Эксмо, 2010. – 190 с. - (Умей защитить себя! Народный адвокат). - ISBN 978-5-699-36295-0.

Сулейманова Галия Валиахметовна.
Право социального обеспечения: учеб. пособие для средн. проф. образ. / Сулейманова Галия Валиахметовна. - 3-е изд., доп. и переработ. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 350 с. + библ. - (Среднее профессиональное образование). - ISBN 978-5-222-17285-8.

Социальная защита и реабилитация инвалидов = Российское и зарубежное законодательство: мат-лы Всероссийск. науч.-практич. конференции 8–9 июня 2011 г. / ред. О.Н. Смолин; Моск. гос. гум.-эк. ин-т; Российск. союз инвалидов. – М.: Логосвос, 2011. - 272 с.: цв. ил. + прилож. - ISBN 978-5-419-00410-8.

О социальной защите инвалидов в РФ: федеральный закон от 24.11.95. – М.: Экзамен, 2007. – 30 с. - ISBN 978-5-377-00415-8.

Долженкова Галина Дмитриевна.
Право социального обеспечения: конспект лекций / Долженкова Галина Дмитриевна. – М.: Юрайт-издат.: Высшее образование, 2009. – 187 с. + библ., норм.-прав. акты. - (Хочу все сдать!). - ISBN 978-5-9692-0486-7.

Н.И. Лосева,
заведующая библиотекой МГТЭИ

SUMMARIES

LAW. LABOUR. ECONOMICS

Chernavsky A.G.

REALIZATION OF THE ECONOMIC FUNCTION OF LAW: METHODOLOGICAL ASPECTS

The article deals with theoretical approaches towards the analysis of the notion "realization of the economic function of law", taken by the scientists of our and foreign countries. The author starts his research with the supposition that the economic function of law is realized within both complex and international law.

Key words: *law, legal norms and functions, economic function of law, law enforcement, market, state, corporations, monopoly, international experience of economy regulation.*

Korsanenkova Ju. B.

THE STATUS OF THE DISABLED STATED IN THE LAW OF MASTER AND SERVANT

The author analyzes international legal acts and the Federal legislation of Russia, which regulate social and labour rights and social safeguards for people with disabilities. On this basis a special status of such employees is defined, which necessitates the creation of a separate chapter, devoted to the specificity of the labour of the disabled, within section XII of the Labour Code of the RF "Labour Regulations of Certain Categories of Employees: Peculiarities". A particular attention is given to the rights of handicapped children.

Key words: *status stated in the law of master and servant, people with disabilities, handicapped children, social and labour rights of the disabled.*

Sultanova M.K.

NEW LEGISLATION IN THE TAXATION OF NONPROFIT ORGANIZATIONS

The article deals with the issues on taxation of nonprofit organizations with the account of new amendments and tax innovations, introduced in January 2012.

Key words: *nonprofit organization, taxation, target proceeds, tax remissions.*

FROM HISTORY OF LEGAL AND SOCIO-POLITICAL THAUGHT

Egorov O.G.

TOPICALITY OF M.E. SALTYKOV-SHHEDRIN'S LEGAL VIEWS

The article shows the history of formation of M.E. Saltykov-Shhedrin's legal views, beginning with generalization of legal practice in the province, experience of legal documents creation, ending with the criticism of the whole legal system (jus) of Russia.

Key words: *M.E. Saltykov-Shhedrin as a lawyer, 1860's reforms, fiction and law, criticism of legal orders.*

Vorontsov E.A.

POLITICAL TEACHING OF JOHN LOCKE: THE ORIGINS OF LIBERALISM

The article focuses on the basic aspects of John Locke's political philosophy: the origin and species of authority, types of state structure, the right of the people to the revolution, relations between the state and the individual, civil society. A special attention is paid to the advantages and disadvantages of liberal ideology. The article traces the connection between J. Locke's ideas with the contemporary political theory and practice.

Key words: *natural law, natural right, freedom, social contract theory, forms of government, separation of powers, constitutionalism.*

Raydugin D.S.

FORMATION OF NATURAL AND REFLECTIVE STANDPOINTS OF SOCIAL COGNITION

The article gives a historiographic analysis of the formation of natural and reflective standpoints of social cognition from the ontological and epistemological perspectives.

Key words: *transcendent philosophy, natural standpoint of social cognition, transcendental philosophy, reflective standpoint of social cognition, methodology of social cognition, reflexive sociology.*

LITERARY ANALYSIS

Skudnyakova E.V.

FABULOUS AS A CATEGORY OF LITERARY WORK POETICS: DIVERSITY OF INTERPRETATIONS

On the basis of the research of domestic and foreign scientists the author defines the notions of "fabulous", considers its stylistic peculiarities.

Key words: *fabulous, miraculous, magic, poetic style, fantasy, a fantastic image.*

Mel'tsaev D.M.

PRINCIPLES OF THE IMAGE OF THE CHARACTER'S INNER WORLD IN K. ABRAMOV'S NOVEL "THE SON OF ERZYA"

The article focuses on the analysis of the novel- trilogy about a famous sculpture S.D. Nefyodov (Ehrz'e), the principles of the image of the character's spiritual world are described. It is shown that his image in the novel is created by means of the analysis of ethno-social factors of the personality formation, internal dialogues, the description of lifestyle and moral foundations of creativity.

Key words: *the image of the character, traits of character, means of description, a psychological analysis, internal dialogue, inner world, social environment.*

Barannikova T.B., Kaziakhmedova S.H.

SIMILARITIES AND DIFFERENCES OF POETIC VOCABULARY OF THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

The article is devoted to the comparative analysis of the basic characteristics of poetic lexicon of the English and Russian languages.

Key words: *comparative-typological description, poetic lexicon, lexical sets, characteristics.*

POST-GRADUATES' RESEARCH

Andikyan B.D.

EMPLOYMENT AND JOB PLACEMENT OF THE DISABLED: PECULIARITIES

The article deals with the specific problems of the employment and job placement of the disabled in Russia, the importance of legal acts and government measures of their interests protection.

Key words: *job placement, employment of the disabled, legal framework, labour activity, accessible environment, quota of jobs assignment, individual program of rehabilitation.*

Solonenko O.A.

BUREAUCRACY, IT'S PLACE AND FUNCTION PERFORMED IN THE SOCIAL SYSTEM

The article reveals the essence of bureaucracy, defines its importance for the contemporary social system functioning.

Key words: *bureaucracy, bureaucratism, official, social layer, social system, national agency.*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Вестник МГГЭИ является научным изданием, в котором публикуются статьи и другие материалы, *отражающие научно-исследовательскую работу института в области социально-гуманитарных и экономических дисциплин* с учетом его профиля как вуза для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Приоритет отдается статьям, обладающим научной новизной, обобщающим результаты актуальных по проблематике исследований авторов, представляющим интерес для научной общественности и специалистов-практиков. Обязательное условие публикации работ *соискателей ученых степеней* — рецензии и рекомендации кафедр, отзывы научных руководителей. Экспертиза рукописей осуществляется также на заседаниях редколлегии. Журнал оставляет за собой право на сокращение объема материала и его литературную правку. *Плата с аспирантов за журнальную публикацию не взимается.*

Правила оформления направляемых в журнал рукописей.

Материалы представляются напечатанными в 2-х экземплярах через 1,5 интервала (кегль 14) на одной стороне листа + электронный носитель; *поля*: верхнее — 3, нижнее — 2, левое — 3, правое — 2 см.

Рисунки, схемы и таблицы должны быть пронумерованы и озаглавлены.

Термины и аббревиатуры, впервые встречающиеся в тексте, следует раскрывать (кроме общеупотребительных).

Объем: статей 10–20 страниц А4, аспирантских исследований — до 12, студенческих учебно-исследовательских работ — 5, рецензий — 4.

Страницы текста должны быть *пронумерованы*.

К рукописи прилагаются *на русском и английском языках: 1) авторская справка*: (Ф.И.О. полностью, ученая степень, звание, официальное наименование места работы, должность, электронный адрес); 2) *аннотация (резюме) не более 15 строк; 3) список ключевых слов — до 7.*

Ссылки на источники и литературу даются в квадратных скобках *в тексте:* приводится фамилия автора, год издания, страница [Иванов, 2012: 75]; список использованной литературы (кегль 12) помещается в конце статьи в алфавитном порядке *без нумерации* (сначала работы на русском, после них — на иностранных языках). *Автор несет ответственность* за достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и иных данных, имен собственных, географических названий и других сведений. Текст рукописи подписывается автором с указанием координат для связи (почтовый и электронный адреса, телефоны).

Материалы (2 экз.) посылаются в редакцию в виде простых почтовых отправлений по адресу: 107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д.49, каб. 211. E-mail: RIO-mggei@ yandex.ru

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается по результатам экспертной оценки. При положительном решении *автор берет обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции в течение полугода.*

Рукописи авторам не возвращаются. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.